

КЛАСС
НЕЗАВИСИМАЯ
Ф И Р М А

Дмитрий Соколов

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО,
или
Психотерапия в стиле гзэн

Москва
Независимая фирма "Класс"
1999

УДК 615.851
ББК 53.57
С 59

Соколов Д.Ю.

С 59 Лоскутное одеяло, или Психотерапия в стиле дзэн. — М.: Независимая фирма “Класс”, 1999. — 144 с. — (Библиотека психологии и психотерапии).

ISBN 5-86375-112-6

Вы не поверите, но эта книга исследует серьезнейшие вопросы — корни и мифологию психотерапии. Параллельно она разрабатывает образ “положительного героя” в психотерапии — человека, который работает самим собой, — а также расширяет контекст его работы, ища аналогии на таких идейных вершинах, как дзэн-буддизм и мистика первых хасидов. А то, что в книге еще есть сказки, сны и всякие истории — это уже просто так. По ходу дела.

Адресована всем любителям свободы и поиска своего пути — в том числе и в психотерапии.

Главный редактор и издатель серии *Л.М. Кроль*

Научный консультант серии *Е.Л. Михайлова*

ISBN 5-86375-112-6 (РФ)

© 1999, Д.Ю. Соколов
© 1999, Независимая фирма
“Класс”, издание, оформление
© 1999, И. Прокопенко, иллюстрации
© 1999, Л.М. Кроль, предисловие
© 1999, К.В. Яновская, рисунок
на обложке

www.kroll.igisp.ru
Купи книгу “У КРОЛЯ”

Исключительное право публикации на русском языке принадлежит издательству “Независимая фирма “Класс”. Выпуск произведения или его фрагментов без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

“ДМИТРИКИ” В ПСИХОТЕРАПИИ

Митя когда-то был курьером в институте; однажды ему сказали: “А напишите-ка Вы книжку”. И вот что из этого вышло: пошел неизвестно куда, принес неизвестно что, требует теперь зарплату за прошедшие годы, ссылаясь на то, что на другой берег совсем “за так” не пускают. Врет, впрочем, слегка или, скажем почтительнее, — сочиняет. Ведь для него всюду — “другой берег”.

Иное название курьера — “проходимец”. Уважительное — “путешественник”. Романтическое — “скиталец”. Умствующее — “свидетель жизни”. А если сидеть в пустыне на колючке и долго думать о вечном, — то “мудрец”. Примирение всех этих образов жизни при желании можно назвать и психотерапией. Ведь есть на свете “мительки” и “гарики”, а теперь появились и “дмитрики” в психотерапии.

В пути Митя иногда откусывал гриб: если с одной стороны — то уменьшался, а если с другой — тогда вырастал. Все происходило как в сказке про девочку Алису, с которой он, конечно же, встречался. Имена девочек, как и все в этом путешествии, могли меняться и даже мелькать. Бродил ли он дорогами Керуака и Берроуза или, подперев голову камнем, о жажде мечтал над ручьем — не офисы он открывал в этой жизни. Да и сам он говорит, что не часто наблюдает закаты из одного и того же окна.

Что еще сказать об авторе? Не за партией он сидел в последнее время и не над партией стоял. С чистой совестью можно поставить прочерк в графах “учился”, “учил”, “лечился”, “лечил”, а также “состоял” и “участвовал”. А в графе “занятия”, нисколько не погрешив против истины, можно написать: “Он на солнышке лежал, пятки кверху он держал”. И не больничными коридорами он ходил все эти годы, да и вообще больше уходил, чем приходил. Поэтому его можно назвать автором “отвязной психотерапии”. Так что у книжки будут не только поклонники: некоторые сочтут, что штаны в местах, касающихся парты, могли бы быть и более потертыми.

Есть книги, которые читать опасно — развеется романтическая дымка, исчезнет надежда на встречу, из мешка звездочета высыпятся занятные факты, проскользнут в щель — и путеводитель сво-

боды со вздохом растает. (Тем более что в кармане у автора — форточка, через которую все равно выпадает то, что добрые люди положили ему в дорогу.)

В общем, эта книжка появилась из рюкзака. И свобода ее автора не только без границ и берегов — так же трудно говорить о ней в категориях глубокого и высокого. Отсюда и предмет психотерапии. Близок он автору или далек, пусть судят читатели, равно как и о том, сам ли автор пребывает “где-то там” или психотерапия для него — “где-то здесь”. По последним сведениям, автор отправился в Иерусалим, но сильно задержался в Одессе.

Итак, путешествие в психотерапию адерграунда и авангарда ждет Вас. И если Вам, дорогой читатель, покажется, что, послунив карандаш, Вы легко напишете нечто подобное, — желаю не потеряться в мастерской, имя которой — мир.

Леонид Кроль

*Бедному,
затюканному,
вечно живущему в мире кича
“большинству окружающих”,
которое никто не любит
и на которое все стараются быть похожими, —
посвящается.*

ОТ АВТОРА

Когда я работал психотерапевтом (это было давно-давно, более двух лет назад), меня особенно волновало, что происходит с успешными случаями. И я решил сам стать таким случаем. Честно спросив себя, чего я хочу, и честно ответив, я уехал на юг, купил велосипед и с тех пор редко наблюдал два заката через одно окно. Много чего делал, например, сажал растения.

Но психология и психотерапия — это такие мысленные вирусы, что от них просто так не отделаешься (“нахлынут горлом и убьют”). Как растения и как субличности. Они требовали ухода и реализации. Вот я и ухаживал, и реализовывал.

Со стороны все выглядело диковато, но как в пустыне не выбираешь, чем укрыться, я шил свое “Лоскутное одеяло”, озвучивая и придавая смысл всему, что меня тревожило. Я знаю, чего хотел: хорошее одеяло — как ковер-самолет — путешествует само.

Книга состоит из “лоскутков”, каждый из которых в остальных не нуждается. Но для того чтобы вышло одеяло, он сшивается с двумя-тремя соседними. Книга читается так: с лоскутка на лоскуток. После окончания каждого идут (мои любимые) дорожные указатели — туда! сюда! Если их несколько, приходится выбирать. Например, после этого предисловия сразу расходятся три тропинки — в сны, в истории и в диалоги. Читатель, который попрет напрямую, читая подряд, будет подобен теленку из

СНА О ТЕЛЕНКЕ (С-20, с. 83),

жующему яства вместе со скатертью, и всё из одного угла. Если не обращать внимания на указатели, придется наглотаться всякой дряни, и есть риск растерять в чаще остатки здравого смысла, читая,

например, комментарии к сну на полкниги раньше самого сна. Наоборот, “прыгая” по указателям, можно держаться более-менее единого стиля и тематики (например, “художественный” читатель может пробираться по историям и снам, а “психологический” или “философский” выберет диалоги и комментарии).

Можно представить себе, что одеяло сшито из лоскутов пяти цветов (“пять цветов утомляют глаз...”): красные — “Молитвы”, зеленые — “Истории”, синие — “Сны”, белые — “Диалоги” и серые — “Комментарии”. В ссылках раздел, к которому лоскут принадлежит, его “цвет”, виден из номера (например, С—1 — это первый из снов, И—5 — пятая история и т.д.).

Значительная часть текстов — не мои, в том смысле, что изначально написаны не мной. Перечень источников напечатан в конце. В тексте мне такие ссылки не нравятся.

Пусть увиливает от стыда за то, что здесь написано, случайный читатель, но не тот, кто принадлежит к семье, с которой всё начиналось.

Михаил Михайлович Антоненко! Семейный стыд за всё, что ты натворил, пронизывает книгу, которую я писал без тебя, как нитки тигриной шерсти.

ПЕРВЫЙ СОН. (С—1, стр. 72)

“ЧТО Ж, ДЕВОЧКА, — СКАЗАЛ ЗМЕЙ...” (D—1, стр. 9)

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ О СЭРЕ ЭЙНШТЕЙНЕ И ЕГО ДРУГЕ СЭРЕ

ЧАРЛЬЗЕ ДАРВИНЕ, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ. (И—34, стр. 120)

ДИАЛОГИ

Д—1. — ЧТО Ж, ДЕВОЧКА, — СКАЗАЛ ЗМЕЙ, опустив морду на сложенные лапы (уютно, гад, устроился!), — тебе и голову сложить не жалко, столько там глупостей понапихано.

— Ну и сложу.

— Ну и сложи.

— Ты, змей, ничего не понимаешь. То есть ты знаешь много, и про пустыню, и про город, но у тебя нет главного.

— Чего? — змей поднял морду и сощурил глаза.

— Что такое братство, — медленно сказала девочка. — Чтобы все заодно.

— Поползли, — сказал змей. — Я тебе одну вещь хочу показать. Всё равно тебе в яму рано прыгать.

Девочка нерешительно последовала за ним.

— Быть живым или мертвым — вопрос согласованности с окружающими, — разглагольствовал змей. — Прошу обратить внимание на вон те постройки. Ты знаешь, что это?

— Кладбище.

— Правильно. Чем тебе не братство, где все заодно?

И позже:

— Тебя не смущает, что я всё время прав?

Девочка не ответила.

— Расскажи мне, кем был твой отец.

— Он был... Ну, я не знаю точно, как эта профессия называется.

— Тебе всё равно?

— Наверное, да.

— Посмотри туда. Ты видишь лошадь?

— Да.

— Это и есть твой отец.

— Почему?

— Что значит почему? Ты не веришь?

- Нет.
- А зря. Это правда. А что здесь странного? Он всегда хотел, чтобы его считали за лошадь. Все желания исполняются. Кем бы ты хотела увидеть свою мать?
- Пантерой.
- Жалко. Не в этот раз. Вон попугай в золоченой клетке. Это она. Дай ей семечек.
- Я тебя ненавижу, змей.
- Это причина отказать ей в семечках? Дай. Она будет рада.
- Почему я?
- У тебя они есть, а у меня — нет.
- А где твои родители, змей?
- В зоопарке.
- Как? — Она замерла, застыла. — Как? В зоопарке?
- А что ты удивляешься? Змеи почти все живут в зоопарках — или в музеях. В пустыне мало кто живет.
- В музеях? В музеях мертвые змеи.
- Это вопрос согласованности, малыш. Мне не нравится об этом говорить. Ползем дальше, чего ты остановилась?
- Хорошо, пойдём. Расскажи мне про зоопарк. Мы туда сейчас идем?
- Да чего я поведу тебя к своим родителям? Я туда вообще очень редко хожу.
- А как они туда попали? Их поймали, змей?
- Нет, они сами записались туда. Прошли по конкурсу, дождалась очереди. Слушай, что ты мне травмируешь душу? Я не люблю об этом говорить. Зачем тебе нужно знать про зоопарк?
- А зачем тебе нужно было знать, что я делала на краю ямы?
- Логично. Но если ты просто поддерживаешь таким образом светскую беседу...
- Нет. Расскажи мне. Я хочу знать, как твои родители попали в зоопарк.
- Думаешь, я это знаю? Я мало следил за процессом, мне тогда нужно было о себе заботиться. Но я потом видел много змей, переселявшихся туда. Думаю, у моих родителей всё было точно так же.
- Как?
- Видишь ли, мы, змеи, меняем кожу, несколько раз за жизнь. У нас несколько шкур. Три шкуры есть у всех, их меняют еще в детстве. Скажем так: когда меняют третью, это считается превращением во взрослого. На самом деле шкур больше. Семь, десять,

может быть, это неизвестно. И неизвестно, одинаковое количество шкур у всех или нет. У некоторых их бывает 15, это точно. Но сколько их у тебя... Никогда не узнаешь, пока не сбросишь старую кожу, — есть там новая или нет.

Ну вот, и после того, как кожа меняется в третий раз, почти все начинают бояться — вдруг это всё, последняя. Скажем, так: это общая версия, что нужно бояться за шкуру, я в последнее время думаю, что здесь что-то не так. И, в общем, получается, что все как бы боятся за свою кожу — обычно четвертую или пятую. Чтобы она не поранилась, не замерзла, не вымокла, не высохла или сама собой не начала меняться. А где ее хорошо беречь? Ее хорошо беречь в зоопарке или в музее.

— Но в музее же они мертвые!

— Конечно, с ними уже не поговоришь. Но и те, что живут в зоопарке, говорят только об условиях содержания. А в музее — о господи, что ж тут непонятного! Если ты хочешь сберечь шкуру — то как ее лучше всего сберечь? Удалить остальное.

Они идут в зоопарк, к родителям змея, уже по городу. Лица встречных становятся злее и напряженнее, и девочке становится легче, привычнее. Змей ползет по асфальту, ему хуже.

— Змей, тебе нравится город?

— Ужас.

— А мне здесь прекраснее, чем где-либо.

— Как странно ты начинаешь говорить: твои слова отделяются от тебя. Они похожи на ваши деньги: они так долго были не твоими, в смысле, каждая купюра становится твоею на такой короткий срок, что как бы никогда твоей и не становится. Они всегда чужие.

— Что?

— Деньги.

— Да... Мне очень важно, что я живу в городе. Для меня это не просто город, это Город. Это особое пространство, совершенно независимое от зданий и трамваев. Хотя здания — тоже, они в меня проникают... Мне кажется, что моя душа построена так же, как этот Город, в ней та же структура улиц и иерархия фонарей. Там, внутри, всё построено по тому же плану.

— Господь, большие города обречены небесным карам...

— Ты ужасно вредный сегодня.

“Когда? — ужасается про себя змей. — Она знает меня только два часа. Кто здесь кого гипнотизирует? Она уже моя жена. Адаптируемость резко возросла при переходе из пустыни в город. Зря я согласился вести ее к своим родителям. Впрочем, куда еще? Куда бы я повел ее?”

“Может, он обиделся? — скачет мыслями девочка. — А интересно, какие его родители, такие же, как он, или нет? А вдруг они все одинаковые? Почему мне совсем не страшно? Я стояла у края ямы... Хитрец, как он отвлек меня? Обманул? Я сама во всем виновата...”

И тут они вдруг исчезли, разъединенные одинокими мыслями: девочка стала прозрачной и растаяла в воздухе; змей высох, и его чешуя и кости слились с песком пустыни.

— Змей, сегодня мой день рождения.

— Грустно.

— Почему это грустно?

— Ты, наверное, ожидаешь чего-нибудь веселого и особенного сегодня. Но, скорее всего, ничего не произойдет, и ты обидишься.

— Как ты угадываешь? Слушай, это же точно такая история, которая была со мной, и из-за которой... ну, в общем, я оказалась у ямы. Ты слушаешь?

— Да.

— Понимаешь, когда я была совсем маленькой девочкой, ну, не совсем, мне было семь лет, так вот, один раз я гуляла по берегу моря. Это было утром, а ночью до этого на море был шторм, настоящая буря, а я всегда мечтала пойти после бури на берег и пособирать то, что выбросит. А родители меня не хотели отпускать далеко. Я обошла наш пляж, который был возле дома, но ничего не нашла такого интересного, кроме одной двустворчатой ракушки. И я хотела идти собирать дальше, но родители мне запретили. Папа просто сказал — во, как я хорошо всё помню — он сказал: “Слабая аргументация для небезопасного предприятия”, и я начала плакать, а мама сказала — она у меня всегда была гений коммуникации — “А разве на нашем пляже ты ничего не нашла интересного?” Я показала ей ракушку, а она воскликнула: “Ой, это же жемчужница! Смотри, Петя (так папу зовут) — это моллюск, в котором вырастает жемчуг!” Я посмотрела: обычная ракушка, по-

лосатая такая, чуть выгнутая, а мама распелась: “Настоящая жемчужница, как тебе повезло, только пока она слишком маленькая, ей нужно подрасти, и внутри нее обязательно вырастет жемчужина”. Папа тоже тогда подключился: “Да, её нужно посадить в аквариум, в аквариум, в аквариум, у нас как раз такой аквариум есть на балконе, и создать в нем необходимые условия, поддерживать температуру, ухаживать, и через десять лет ракушка откроется и подарит тебе жемчужину...”

И вот я, маленькая дура, завернула эту ракушку в мокрую тряпку, принесла домой, вымыла старый аквариум и десять лет делала всё, как сказали родители: и воду меняла, и температуру поддерживала. И через десять лет я ее открыла, и оттуда выпал камешек, вот такой обыкновенный серый камешек, какими завален весь наш берег...

Они помолчали.

— Вот такие родители гады? — спросил змей.

— Нет, не гады... Но это же обман, понимаешь, они меня обманули, это просто подло, они же знали!...

— И теперь тебе кажется, что там, дальше, за пляжем, лежало настоящее сокровище, которое могло стать твоим?

— Я об этом не думала... меня убил их обман. Они же обещали. Пусть бы уж подсунули туда жемчужину, если...

— Какая прекрасная история. Я завидую тебе, малышка. Сейчас тебе семь лет, и вместо того, чтобы идти на берег моря, за пляж, ты бежишь к яме... Твоя жизнь полна смысла. Тебя обманывала погода?

— Да.

— А подруги?

— Да, и тогда они переставали быть подругами.

— А я?

— Ты же обещал мне что-то показать! Я только поэтому пошла с тобой.

— Вот видишь, я ж говорил: твоя жизнь полна смысла. Мир не пуст для тебя. Даже в пустыне, на краю бездонной ямы, для тебя нашелся кто-то, кто обманул.

— Так ты обманул меня?

— А ты меня?

— А я тебе ничего не обещала.

— Вон, — сказал змей. — Вон, чтобы духу твоего здесь не было. Когда ты уйдешь, воздух здесь станет чище. Извини, что отвлек

тебя. Исчезни. Я поползу к своим камням, которые ты пока не оскорбила, начав превращать в жемчужины.

— Нет, змей, нет! — закричала девочка.

Начался ветер. Змей пополз против него и исчез в норе. Девочка, борясь с ветром, сделала несколько шагов, но ветер — это был уже настоящий ураган — сорвал ее с места и увлек вдаль. Началась песчаная буря.

Кости, слова, чешуя— простые кусочки смерти. Ветер стихает, и птица падает грудью в песок.

— Я знала, что ты придешь. Когда и где — этого не знала. Но мне стало всё равно, когда. Проходит не жизнь, проходят дни, а жизнь, как и смерть, безразмерна, и только их смена отмечена временем. Мне недавно снился сон, что тыходишь ночью в мою комнату. Я сплю сейчас одна, муж у себя, и вот ты вползаешь ночью, и свиваешь кольца у моей кровати, кладешь голову рядом с моей. Мне становится так хорошо... И вдруг я слышу, как муж идет по коридору. Я вскакиваю, а ты уползаешь за дверь, и муж то ли пугается тебя, то ли обижается, потому что я слышу, что он идет обратно к себе. Я выскакиваю из комнаты и бегу за ним и думаю: ну как ему объяснить, что это же ты, и тебе можно появляться когда угодно и где угодно, а если нельзя, ты всё равно появляешься... Но только я понимаю, что он ничему не поверит, и возвращаюсь обратно в спальню. И то ли это происходит там же, то ли уже другой сон, только я вижу, как ты изо всех сил дуешь мне в лицо. Так сильно дуешь, и мне хорошо — безумно, я хохочу, а ты дуешь, дуешь... И вот ты правда пришел.

— Я здесь уже три дня.

— Где здесь? Что ты имеешь в виду?

— Я приполз в город, нашел твой дом и наблюдал за тобой. Ну, не фантазируй, я не подглядывал везде, я только смотрел, как ты ходишь на работу, как гуляешь с ребенком и стоишь в магазине. Всё было очень мило и, конечно, довольно скучно, и сегодня я решил перестать партизанить и явиться перед тобой. Ты стала взрослой?

— Я? Скорее, одинокой. Как выразился недавно один мой приятель, я обезнадежилась. Я ужасно рада, что ты пришел. Что-то я никак не соображаю. Ты хочешь есть?

— Нет. Да. Ну вот, ты и меня запутала. Как тебе моя новая кожа?

— Я не заметила. По-моему, ты совсем не изменился.

— Этого не может быть. Ты невнимательна. Посмотри мне в глаза.

И начался их бесконечный разговор глазами, который вряд ли они могли бы произнести вслух:

— Мне совсем не нужно ничье внимание. Если бы оно мне было нужно, оно бы у меня было. Я живу в пустоте.

— Откуда ты это знаешь?

— Я ни от кого не завишу. Я не принадлежу никому и ничему. Может быть, я уже умерла. Я живу в пустоте.

— Нет, ты обманываешь себя. Ты не живешь в пустоте. Твоим Богом является тело.

— Пусть так. Мне всё равно. Я думаю так, ты думаешь иначе. Какая разница теперь?

— Как какая разница? Я же пришел.

— Наверное, слишком поздно. Я вытравила из себя всё, что относилось к тому времени. И историю с ямой, и историю с раковой, и то, что ты бросил меня одну, — я бросила все эти истории вверх, и они так и не упали обратно. Я перестала смотреть на себя и стала смотреть на космос, а на него смотри — не смотри, он одинаково безразличный и бессмысленный. И я стала такой же. А приди ты раньше, я бы просто тебя прогнала.

— А ты и гнала. Ты совсем не изменилась. Капризная девчонка.

— Да, капризная девчонка.

— Бросай всё, пошли со мной.

— Ты сошел с ума.

— Если ты живешь в пустоте, какая разница?

— Да, в пустоте, но всё же...

— Ага! Ты не живешь в пустоте. Твоим Богом является тело и чужое мнение.

— Пусть так.

— Ничего себе пусть! Кому ты живешь?

— Хорошо, не себе.

— Бросай это. Пошли со мной.

— Но...

— Не тяни! Ты еще большая змея, чем я. Ты извиваешься бесконечно. Ты способна увидеть свой хвост, что ты тянешь за собой по жизни?

— Какой хвост, что за бред... Я живу в пустоте...

— Врешь, ты просто из пустоты соорудила стенку. Ты живешь во времени, причем стараешься во всем сразу. Ты растягиваешь себя на целую жизнь, ты пытаешься занять собою всё время и пространство. Сократись!

— Я...

— Посмотри мне в глаза!

— Не торопи меня!

— Не торопить тебя куда?

— Угнаться за тобой...

— Посмотри мне в глаза.

И позже, за секунду перед тем, как исчезнуть:

— У нас не получилось в пустыне, на улице и в городской квартире. Давай встретимся на верху горы.

— Давай.

Перед тем, как пойти на гору, она долго мылась, причесывалась, одевалась. Хорошо замужней женщине ходить на свидания. Она как-то с нежностью представила себе мертвеца, который хоть раз в году или в месяц может встать из могилы и пошататься— даже ему в этом народная мудрость не отказала.

— Здравствуй.

— Привет.

— Что это с тобой?

— А, это... Ты имеешь в виду цепь и ошейник? Я решил стать твоим ангелом-хранителем и думал, что я могу сделать по этому поводу. Вот, хотел сесть на цепь, да только на мне ошейник не держится. Выползаю, и ничего не могу с этим поделать.

— Почему на цепь?

— Чтоб всё было честно. Ангел-хранитель, во-первых, должен делить судьбу своего подопечного, а во-вторых, выполнять хоть немного его желания, то есть, обычно, садиться на цепь.

— Ёрник, насмешник, дурак и... Ты за этим меня звал?

— Много званых, да мало избранных.

— Не морочь голову. У меня не так много времени.

— О! Вот это уже интересно. Расскажи мне про время.

— Время сильнее всех. Оно как асфальтовый коток, хотя от его дыхания не дрогнет пушинка. Я связана им по рукам и ногам. И с каждым моим действием меня становится меньше.

— Говори, говори еще.

— Время — самое липкое... Меньше всего его в часах. У него несколько ужасно глупых детей: справедливость, память, забвение.

— Говори еще, говори... Ты знаешь, нет ничего красивее тебя в пустыне. Ты вся переливаешься, ты создана почти из ничего, ты ничего не понимаешь, но ты удивительно прекрасна. Помнишь, я тебе говорил, сколько у тебя в голове глупостей понапихано, — прошло много лет, а глупостей стало еще больше, и нравишься ты мне еще сильнее. Я как дурак откликаюсь на каждый твой зов, я злюсь, если ты меня забываешь. И та пещера драгоценностей, к которой я тебя вел...

— Так ты вел меня к пещере драгоценностей?

Змей хохочет.

— Я никак не могу привыкнуть к твоей запутанности. Знаешь, раньше у многих людей были звери. Но очень мало кто теперь умеет добраться до человека, так сильно там всё запутано. Вот, пожалуй, у меня получается, потому что я — змей вертлявый. У слонов и тигров еще иногда получается, они идут напрямую, крушат всё к чертовой матери, но всё же проходят. Мне вообще кажется, что у людей теперь больше связи с бактериями.

— Почему?

— Ну, они незаметные, одинаковые, всепроникающие и всё время что-то синтезируют.

— Кто — люди или бактерии?

— Вот именно.

— А ты не такой?

— Я — царский сын. А ты?

Она помахала рукой:

— Поди сюда, я тебе что-то скажу на ухо. Так вот, змей: я останусь на воле. Понимаешь?

— Ага.

— Я буду всегда ближе к тебе, понимаешь?

— А не к старческому маразму?

— Я всё равно буду жить в городе, в своем времени людоедов и в своем племени людоедов.

— Ага.

— Но я буду приходить на гору. А ты спускайся в город.

— Ага, однажды ты залезешь сюда, а меня не будет, и тебе скажут: “Он куда-то уполз”. А тем временем я буду в городе, и решу тебя немного подождать, и стану чистильщиком обуви — или сы-

щиком! Вот, я всегда мечтал стать сыщиком! Между тем ты отправишься в пустыню, чтобы найти меня там...

— Тебе никогда не надоедает болтать?

— Надоедает. Иногда.

— Тогда завязывай.

Тогда он завязал себя узлом и сказал:

— Я люблю тебя.

И сказка пошла дальше, а я пошел домой.

ЛЕНА И ХОРОШИЕ ЛЮДИ. (D-2, стр.20)

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ О СЭРЕ ЭЙНШТЕЙНЕ И ЕГО ДРУГЕ СЭРЕ
ЧАРЛЬЗЕ ДАРВИНЕ, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ. (И-34, стр. 120)

Д—2. Лена и хорошие люди

СГ: Хорошо, ребята, давайте начнем. Меня зовут Александр Борисович, можно просто Саша, Саша Гранкин, я психотерапевт с двадцатилетним стажем. Веду группы с вот такими, как вы. Давайте мы начнем знакомиться, каждый скажет что-нибудь про себя, лучше что-нибудь интересное, в смысле, себе самому интересное. Что чувствует, что ожидает. Ну, давайте. Отсюда, с вас, хорошо?

Л: Меня зовут Лена. Я почти никого здесь не знаю, и я никогда не была в психологических группах. Я не знаю... Мне кажется, что те люди, которые сидят вокруг — приветливые, ну, добрые... Мне кажется, что психологи вообще отзывчивые люди, в общем...

СГ: И ты можешь себе представить, зачем ты нам это говоришь?

Л: Нет...

СГ: Ты говоришь: “Здравствуйте, хорошие люди. Я — хорошая девочка. Я пришла к вам”. А добрые люди тебе отвечают: “Шла бы ты на фиг, хорошая девочка”. Что ты сейчас чувствуешь?

Л: Что вы не хорошие люди...

НЕТ, НУ ЭТО ТРУБО. (К-1, стр. 35)

ПРИНЦЕССА НУРАБ-АЛЬ-МАШДИ ФОРОТИЛА СВОЙ

ПРЕЛЕСТНЫЙ НОСИК... (И-1, стр. 85)

ЪЫ ХОРОШИЕ ЛЮДИ. (М-1, стр. 66)

ГРУППА НАЧИНАЕТСЯ С МАРАЗМА. (К-2, стр. 35)

Д—3. Разговор ни о чем

СГ (заканчивая разговор с Леной): Хорошо, спасибо, понял... Это все, что ты хотела сказать?

Л (очень неуверенно): Да...

СГ (переводит взгляд на сидящую рядом с Леной Киру): Угу...

К: Теперь я?

СГ: Что вы со мной делаете?

К: Ничего.

СГ: Совсем ничего?

К: Совсем ничего.

СГ: Хорошо, продолжайте.

К: Ничего не делать?

СГ: Это уж как вам хочется.

К: Ну, добре. Меня зовут Кира Андреевна, или просто Кира, мне совершенно не хотелось бы показаться вам такой умудренной зрелой женщиной...

СГ: Это у вас написано спереди на футболке?

К: Простите?..

СГ: Ну, когда вы заходите в комнату, у вас есть какая-то надпись здесь, на груди, — ну, например, “я зрелая опытная женщина”. А что написано сзади?

К: Где? Здесь?

СГ: Нет, повыше. На той же футболке, на спине. Передняя надпись — это как бы ваш парадный, преподносимый облик. На первые пять минут. А сзади — это тайное сообщение. Скажем, спереди написано “я — матрона”. А сзади?

К: Может быть, “уважайте мои седины”?

СГ: Ну да, “а кто не поклонится — убью!”

К: Нет, ну зачем убивать...

СГ: А что делать?

К: Ну что вы меня превращаете, прости господи, в старую ведьму?

СГ: Действительно, странно. Вроде сидела, ничего не делала. Ведь вам совсем не хотелось показаться умудренной годами женщиной?

К: Да хотелось, хотелось!

СГ: Зачем вы мне это так говорите?

К: Чтоб уже отстали.

СГ: Действительно, что привязался, сукин сын? Это, знаете, как приходит ко мне пациентка, говорит: “Поработайте со мной”,

а через три минуты говорит: “Что вы ко мне пристали?” Чувствуете сейчас злость ко мне?

К: Нет, вы очень милый человек...

СГ: А что чувствуете?

К: Пожалуй, некоторую тревожность.

СГ: Почему? Боитесь, что потолок на голову упадет, раздавит?

К: Нет...

СГ: Точно нет?

К: Меня нет... Вас — может быть...

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ... (К-3, стр. 36)

РОДНАЯ МОЯ МАСКА! (М-2, стр. 66)

ОСНОВНОЙ НЕДОСТАТОК КНИТИ... (К-18, стр. 46)

Д—4. КАЖДЫЙ ДЕНЬ ДЗУЙГАН СИГЭН обращался к себе:

— Подлинное “я” — и тут же отвечал:

— Да, слушаю.

— Проснись, проснись! — говорил он и тут же отвечал:

— Хорошо, хорошо.

— В будущем не давай другим повода презирать тебя и не позволяй оставлять тебя в дураках! — и отвечал:

— Нет, нет.

КАК БУДТО ДЖА ХОЗЯИНА... (К-35, стр. 57)

СОН О ТЕНИАЛЬНОМ ПСИХОТЕРАПЕВТЕ (С-5, стр. 74)

Д—5. Поклонение дьяволу

СГ: Лена, ты можешь крикнуть?

Л: Не знаю...

СГ: Ну, крикни.

Л (после паузы): Нет, наверное, не могу.

СГ: Как это — не можешь?

Л (молчит, улыбается)

СГ: А ты живая?

Л: Да.

СГ: Ну, крикни.

Л: Чего это я буду на вас кричать? Вы мне ничего плохого пока не сделали.

СГ: То есть мне надо сделать что-нибудь плохое, чтобы ты крикнула?

Л: Наверное.

СГ: Слышь, Лен, а ты и в детстве трупиком была?

Л: Кем?

СГ: Ну, такой: “Ах, меня нигде нету. Нет-нет, не беспокойтесь, я тут, с краешку. Нет-нет, мне ничего не надо. Главное, чтобы вам было хорошо”. — “А ты дышишь?” — “Да так, немножечко. Вы только не беспокойтесь”. — “А ты какаешь?” — “Нет, что вы!” — “А писаешь?” — “Иногда. Чуть-чуть”.

Л (смеется)

СГ: Это у тебя мама была такой?

Л: Нет, такой была бабушка.

СГ: Вот только бабушку сюда не надо. А то сейчас начнется — если бы не дедушка, если бы не лошадь... Ну что, крикнешь?

Л: На вас — не буду кричать.

СГ: А на кого будешь? На себя будешь?

Л: За что?

СГ: За то, что дура такая, загнала себя в угол, где ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Л (молчит).

СГ: Так не будешь на себя кричать?

Л: Нет...

СГ: А как себя будешь наказывать? Тайком?

Л (краснеет, молчит).

СГ: Весь вопрос, ребята, как мы собираемся поклоняться дьяволу. Потому что если человек этого не знает, то он будет делать это тихо и некрасиво... Ну, ладно. А вообще, ты когда-нибудь кричала на мужчин? Ну, показывала им открыто свою агрессию?

Л: Да...

СГ: И чем дело кончилось?

Л: Замуж вышла...

ПЕРВЫЙ АКТ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ: АТЕНТЫ

Ъ МАСКАХ. (К-5, стр. 38)

Я РАССКАЗАЛА НА ГРУППЕ СОН... (И-4, стр. 86)

СОН ПРО МОЮ ЖЕНИТЬБУ. (С-17, стр. 80)

Ъ ДОМЕ МОЕМ ПОСЕЛИЛСЯ ТРУПИК. (С-14, стр. 79)

Д—6. БОГАТЫЙ ТОРГОВЕЦ ПРИНИМАЛ В ГОСТЯХ странствующего знаменитого раввина.

Прислуживая гостю за столом, он нечаянно уронил жирный кусок мяса на его одежду.

— Ах, я идиот! — воскликнул хозяин. Он страшно огорчился. Пятно действительно было большим и уродливым.

Раввин вышел из-за стола, затем из комнаты. Минуту он отсутствовал, а затем вернулся к хозяину, который горестно охал и мотал головой. Одежда раввина была совершенно чиста. Он сел на свое место.

Хозяин просиял.

Он опять всплеснул руками и воскликнул:

— Как замечательно!

— А почему ты огорчился, — спросил раввин, — из-за одежды или потому что идиот?

— Потому что идиот, — сказал хозяин.

— Тогда я не понимаю, что изменилось, — промолвил гость. — Можешь огорчаться дальше.

ОДИНАРНЫЙ УМ СМОТРИТ ТОЛЬКО ВПЕРЕД... (К-38, стр. 60)

Д—7. Замануха

Кира: Представляете, сижу я недавно дома, на кухне, размечталась и вдруг говорю: “Хочу домой!” А моя дочка — ей девять лет — говорит: “Мама, ты же дома”. А я говорю: “Нет, хочу в ТОТ дом!” Понимаете? Вот в тот дом, где я маленькой была, а не в этот...

СГ: Да, ничего себе.

К: И что мне с этим делать?

СГ: Страдать.

К: Вы серьезно?

СГ: А как еще привлечь внимание родителей? Только грустью и депрессией.

К: Каких родителей? Мои ведь ничего этого не видели! Они вообще живут так далеко...

СГ: А-а-а, каких родителей. Да уж, конечно, не твоих несчастных папы с мамой. Что они могут! А вот настоящих родителей, истинных, небесных, которые видят каждую твою слезу, и чем больше ты будешь плакать, тем больше принесут тебе игрушек,

счастья... Чего ты там еще хотела вчера? А, смысла жизни. Этого — навалом. Только надо достаточно поплакать.

ВТОРОЙ АКТ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ: ВОЙНА.

(К-6, стр. 39)

ОДНАЖДЫ УТРОМ ПОСЛЕ БЕСЕДЫ... (И-8, стр. 88)

Д-8. Сумочка с нежной кожей

СГ: Скажите, зачем вам нужно держать эту сумочку на коленях?

Надежда: Я очень люблю эту сумочку, и мне нравится держать ее при себе... Так уютнее.

СГ: Ага... С сумочкой уютнее... Ну, и что бы вам сказала эта сумочка? Если бы она умела говорить, как в сказках Андерсена, что бы она сказала мне, вам?

Н: Я сумочка, очень изящная, из такой нежной кожи... Во мне много красивых вещей...

СГ: И что поэтому?

Н: Поэтому меня будут беречь...

СГ: Умная сумочка. Холить и лелеять?

Н: Да, холить и лелеять!

СГ: Улавливаете сходство сумки с собой?

Н: Нет, почему?

СГ: Совсем-совсем не улавливаете?

Н: Ну нет, я, например, думаю, в отличие от сумочки. Она просто набита красивыми вещами...

СГ: А вы?

Н: А я... Ой! (*закрыв лицо руками, смеется*).

СГ: Так, отлично, есть инсайт. Надя, что вы сейчас ко мне чувствуете?

Н: Интерес.

СГ: То есть возбуждение?

Н: Можно так...

СГ: Почему-то думают, что возбуждение — сексуальное чувство. Это может быть просто возбуждение к мужчине, который что-то знает и может научить.

Н: Да, конечно.

СГ: А может, сексуальное. Ты стыдишься? У тебя с этим проблемы. Что ты сейчас чувствуешь?

Н: Ой, что чувствую, ой, что чувствую... (*Наклоняется вперед, закрывает лицо руками, смеется*)

СГ: Ой, ой, шас я вам так и скажу...

Н: (машет головой) Не скажу.

СГ: А может, раскроешь... цветник?

Н (отрицательно мотает головой).

СГ: Что тебе мешает?

Н: Столько людей...

СГ: “Александр Борисович, только ты и я. Когда мы останемся наедине...”

Н: Да это у вас проблемы, доктор!

СГ: У меня — безусловно. Я слишком падок на сумочки с нежной кожей.

Н: О боже, у меня от смеха болит голова!

СГ: Это симптом. Ну, ничего. Сегодня пришел симптом — завтра придет мужчина.

Н: Нет, нет, хватит. Хватит мужчин.

СГ: Ой, ну что ты мне рассказываешь. Прямо ты сейчас бросишь водить глазками и начнешь работать.

Н: Может, и начну.

СГ: Посмотри мне в глаза.

Н. не может, хохочет.

СГ: Ну, не сейчас. Но кокетство — это уже хорошо. Эту энергию потом можно будет направить по делу. Главное — оторвать ее от мужчин. Мужчины к ней на самом деле не относятся. И если они этого не понимают и сунутся — ой, как им несдобровать... Ой, что с ними будет...

Н: Мне их не жалко.

СГ: Вот именно.

КОКЕТСТВО – РОДНАЯ ИГРА ДЛЯ ПСИХОТЕРАПЕВТА.

(К-10, стр. 43)

ПЕСЕНКА ПРО ЛИБИДО (М-3, стр. 66)

Д—9. Маленький закаканный ребенок и большой асфальтовый каток

А: Андрей. У меня много работ, я многое умею делать. Вообще-то я врач, и работаю в психотерапии последние несколько лет. Вот, заинтересовался вашей методикой, оказался здесь.

СГ: Что ты сейчас чувствуешь?

А: Хорошо я себя чувствую, мне интересно.

СГ: И как тебе ее выступление? (*кивает на Надю*).

А: Выпендривается слегка... Играет, конечно.

СГ: А можно принять то, что не все люди осознаны?

А: Да, вполне можно. Я могу.

СГ: А можешь представить себе, как я к тебе отношусь?

А: Вы ко мне?

СГ: Ну, зачем ты переспрашиваешь?

А: А, простите. Как вы ко мне относитесь — ну, с симпатией, я полагаю.

СГ: А еще?

А (молчит).

СГ: Ну, сыграй меня, вот здесь на стульях, спроси и ответь себе за меня. Интересный разговор получится.

А (за себя): Как ты ко мне относишься?

А (за терапевта): Как кошка к мышке. Поиграю и съем.

СГ: Ничего себе фантазия. Ну-ну, продолжай.

А (за терапевта): Ты говоришь какие-то умные слова, крепишься, а сам, как москаль в том анекдоте, идешь прямехонько к яме.

А (за себя): Да откуда вы все это знаете?

А (за терапевта): А так, решил.

А (за себя): И как вы ко мне относитесь?

А (за терапевта): С бо-ольшим уважением.

СГ: Приехали. Сам-то понял, что сказал?

А: Не-а.

СГ: Ну, давай, разберем, проанализируем.

А: Ну, конечно, мы сейчас проанализируем, раскопаем и найдем маленького закаканного ребенка на горшке, ткнем в него пальцем и скажем: “Смотри, Андрей, это ты”. И будем очень радоваться, пожмем друг другу руки, какие мы тут крутые аналитики.

СГ: Зачем ты мне это говоришь?

А: А это мышка пишит перед смертью...

СГ: Ну-ну, мышка... А то, что ты же и мышка, ты же и кошка, понимаешь?

А: Да, вполне.

СГ: Ты как одна моя пациентка. Она мне говорит: “Доктор, я не могу тут с вами долго разговаривать. В шесть часов на Октябрьской площади я должна попасть под асфальтовый каток. Он уже выехал”. Я говорю: “Да ладно, давайте поговорим”. Она: “Нет, он уже выехал. Пора”.

ГРУППА НАЧИНАЕТСЯ С МАРАЗМА. (К-2, стр. 35)
Я СИЖУ В КВАРТИРЕ. ИЗО ВСЕХ ЩЕЛЕЙ ДУЕТ. (С-4, стр. 73)
САМОЕ КЛАСНОЕ В ЖИЗНИ – ЭТО ИМЕТЬ АВТОРИТАРНОГО
ПАПУ. (К-14, стр. 45)

Д—10. Разговор с мамой

СГ: Слушай, что ты всё время смущаешься?

А: Я смущаюсь? Да, наверное.

СГ: Смущение, в принципе, — это предательство. Ты отказываешься сам от себя. И я не вижу причин — сейчас — это делать. Что тебя заставляет?

А: Не знаю... Привычка...

СГ: Или тебе мама так говорила? “Сиди, сынок, тихо, смущайся, не то еще ляпнешь что-нибудь не то...”

А: Мама... Да, говорила...

СГ: А ты ей что говорил?

А: Я ей... ничего не говорил...

СГ: Нет, ты говорил, ты своим поведением говорил: “Хорошо, мамочка, будет исполнено, мамочка, буду смущаться, буду всю жизнь сидеть тихонько на стуле и не пукать без твоего разрешения”.

А: Да нет, почему, я и не слушался ее тоже...

СГ: Для вида. А теперь слушаешься. Да или нет?

А: Слушаюсь...

СГ: Хреново. Ну, поговори с ней, посади ее на стул, встань на колени и скажи: “Спасибо, мамочка, я на всю жизнь теперь такой пришибленный, что уберегло меня от страшных опасностей”. Давай, устрой разговор.

А: Посадить ее на этот стул?

СГ: Что ты сейчас со мной делаешь?

А: Слушаюсь... Хорошо, здесь сижу я, здесь сидит моя мама...

СГ: Ты как раскланиваешься во все стороны.

А (что-то говорит тихо)

СГ: А?

А: Слушай, ты мне дашь поработать или нет?

СГ: Я что, мешаю?

А: Мешаешь.

СГ: Ну, понятно, если бы я не мешал, всё давно было бы сделано.

А: Так... Здесь сижу я, здесь сидит моя мама. (*Садится на свой стул*). Мама! (*молчит*).

СГ: Что, сыночек?

А: Я... Я не знаю... (*Пересаживается на стул мамы*). Сынок, ты что-то хотел?

СГ: Я? Да так, хотел пожелать тебе доброй ночи.

А (*Пересаживается на свой стул*): Мама, я хотел поговорить с тобой. (*Пересаживается на стул мамы*). Может, лучше завтра? (*На своем стуле*) Нет, сейчас. Я уже вырос, мама. (*За маму*) Не вижу. (*За себя*) Ты не видишь, а я вырос. И я не могу больше слушать всё, что ты мне говоришь. У меня есть свой ум. (*За маму*) Конечно, у тебя есть свой ум, но два ума лучше. (*За себя*) Это так, я не спорю, но я хочу сам решать, что мне делать, а что нет. (*За маму*) Ну, решай. (*Обращаясь к Саше*) Ну, всё.

ТОЖОРИЛА Ъ ДЕТСТЪЕ МАМА МНЕ И БРАТИКУ... (К-21, стр. 48)

Д—10*. СГ: Всё? А я чуть было не заснул. Перлз спал на своих группах, надо и мне научиться. Так что сказала мама?

А: “Решай сам”.

СГ: А, ну чудесно. Ты закончил работу?

А: Да.

СГ: Молодец, садись. Ты собой доволен?

А: Не очень.

СГ: Чего?

А: Ничего не изменилось.

СГ: А, ты заметил? По-моему, тоже, это было жалкое подобие левой руки. “Мамочка, асисяй?” — “Асисяй, сынуса”.

А: А что надо было сделать?

СГ: Тебе или мне?

А: Хорошо, что ты бы на моем месте сделал?

СГ: Это серьезный вопрос. А что делал на своем месте?

А: Я сейчас вспомнил: когда учился на первом курсе, то хотел перейти на другой факультет — на философский. И пришел поговорить об этом с мамой. Она сказала... что-то типа: “Через мой труп”. Я сказал, что я всё равно перейду... Короче, мы ссорились полночи. А в конце она сказала: “Если ты сделаешь это, ты сделаешь несчастной свою жизнь и мою”.

СГ: Зачем ты мне это рассказываешь сейчас?

А: Так... вспомнил...

СГ: Зачем ты мне это сейчас рассказываешь?

А: А? Ты просил вспомнить, я рассказал.

СГ: И как это поможет тебе разобраться?

А: Не знаю. Может, мне лучше сесть на место?

СГ: Слушай, а ты можешь маме прямо сказать, что ты о ней думаешь и что ты к ней чувствуешь? Прямо, и не убегать от конфликта, если он есть, а пережить его.

А: Знаешь, сколько раз я его уже переживал?

СГ: Не знаю. Думаю, что ты никогда его не переживал. Ты всегда манипулировал маминой значимостью, выставляя ее садисткой, и никогда прямо не говорил ей, что ты к ней чувствуешь.

А: Наверное, я не могу ей этого сказать. Она не поймет.

СГ: Здесь сказать, здесь! Для себя.

А: *(долго молчит)* Знаешь, Саша, я, по-моему... Я знаю, что я запрещаю себе сказать. Я могу сказать ей всё, что угодно, но я не могу сказать ей, что я её ненавижу, а... так получается, что к этому всё сходится.

СГ: И кого ты по этому поводу намерен играть?

А: Я не хочу играть; но и сказать ей этого я не могу.

СГ: Вот так гнев превращается в горечь... Одна минута гнева, если её не пережить, может дать несколько дней горечи. А горечь можно превратить в несколько лет депрессии.

А: Да, наверное, это так...

СГ: Что ты сейчас чувствуешь?

А: Вот эту самую горечь.

СГ: Ну, крикни, разрядись. Здесь хорошая обстановка. И маме никто не расскажет.

А *(сидит, молчит)*.

Кто-то из группы: Блин, хочется уже крикнуть за тебя, или убить тебя на фиг.

А *(поворачивается):* Ну, убей!

СГ: “Умру! Погибну! Но не предам святых идеалов!”

А: Ну ладно, смейтесь...

СГ: Слушай, открывая общество жертв родительского насилия. Сразу куча народа запишется. Вон Лена — Лен, пойдешь, в общество к Андрею?

Лена *(смеется):* Пойду... Но не хочется...

СГ: А кому хочется? Что поделаешь — надо. “Мы путей не выбираем”. Там, где есть долг и вина, вообще нет выбора.

ТАМ, ГДЕ ЕСТЬ ДОЛГ И ШИНА... (К-33, стр. 55)
ВТОРОЙ АКТ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ: ШОЙНА.
(К-6, стр. 39)
ИНТЕРВЬЮ С САШЕЙ ТРАНКИНЫМ И КОРОТКИЙ ПЕРИОД
УВЛЕЧЕНИЯ ДЗЭН-БУДДИЗМОМ. (D-16, стр. 33)

Д—11. БОЛТАЮТ ДВА МАЛЫША в автобусе.

- Как тебя зовут?
- Саша.
- А меня Рома. Как тебя зовут?
- Вова.
- А меня Виталик.
- Сколько тебе лет?
- Семьдесят.
- Да ну, если бы тебе было семьдесят, ты был бы уже старым. Даже когда человеку двадцать, он уже старый.
- А ты что будешь делать, когда тебе будет семьдесят лет?
- У меня есть друг Валера по фамилии Алеша. Мы с ним поедем на поливальной машине на пенсию.

ЭТЮД О НЕПОСРЕДСТВЕННОМ САМОВЫРАЖЕНИИ.

(D-13, стр. 32).

"ПАПА, МНЕ ПРИШЛА МЫСЛЬ..." (И-11, стр. 89)

Д—12. Кира: ВЫ К ЛЮДЯМ НЕУВАЖИТЕЛЬНО относитесь.

СГ: А что делать...

Андрей: Вернер Эрхардт обращался обычно к участникам: "Жопы!"

СГ: Ну зачем... А тоже хорошо. Ведь когда я обращаюсь к тебе "Кира", ты же знаешь, хоть приблизительно, что я обращаюсь не ко всей тебе, и отвечать ты мне будешь соответственно. Если я сейчас спрошу у тебя, есть ли у тебя любовник и чем отличается секс с ним от секса с мужем, ты же мне не ответишь. То есть ты знаешь, к какой части тебя я обращаюсь, называя тебя Кирой. Вот и чудесно. А теперь представь, что в тебе есть часть, которую иначе не назовешь, как жопой. То есть не представь, а почувствуй. Не ягодицы. А — ну, понимаешь. И уже наше с тобой общение обогатится. Иногда я буду говорить: Кира, и ты мне будешь врать одно, а иногда: Жопа! — и другое. А там, глядишь, еще что-нибудь обозначится.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ДЗУЙТАН СИТЭН... (D-4, стр. 22)
ВТОРОЙ АКТ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ: ЖОЙНА.
(K-6, стр. 39)

Д—13. Этюд о непосредственном самовыражении

СГ: Так, у нас полчаса до конца, давайте немного поделимся своими чувствами за день.

Надя: Знаете, вчера я на вас злилась.

СГ: Это хорошо.

Н: Я злилась, глядя на то, как вы работали — и с Андреем, и с Леной.

СГ: Это плохо.

Н: А сегодня я просто наслаждалась.

СГ: Это хорошо.

Н: И еще я хочу сказать Андрею, что как я вчера к нему хорошо относилась, так и сегодня, без изменений.

СГ: Это плохо.

Н: Ну вот, смотрите, с вами можно нормально разговаривать?

СГ: Нет. Зато со мной можно кричать. Давай крикнем.

Н: А-а-а!!!

СГ: Молодец. Дай я тебя поцелую.

НЕСКОЛЬКО РАДОСТНЫХ ЖЕШЕЙ... (M-9, стр. 69)

Д—14. РЮНЗЮ СПРОСИЛ У РЭНДЗАЯ:

— Как приходит просветление?

Рэндзай ответил:

— Как ветер пробегает по траве.

Рюнзю поклонился.

ЭТО ПОХОЖЕ НА САМУЮ ИДИОТСКУЮ... (K-41, стр. 61)

Д—15. КОГДА ДОКЕН СПРОСИЛ У ЭЙНЕНУ:

“ЧТО ТАКОЕ ПРОСВЕТЛЕНИЕ?”,

тот засмеялся и сказал: “Ты этого не знаешь”.

“ТЫ ЭТОГО НЕ ЗНАЕШЬ!” (K-43, стр. 63)

“ТЫ К ЛЮДЯМ НЕУВАЖИТЕЛЬНО...” (D-12, стр. 31)

Д—16. Интервью с Сашей Гранкиным в короткий период увлечения дзэн-буддизмом

- Так в чем же состоит цель такой терапии?
- Цель состоит в том, чтобы убивать людей. Когда все убиты, появляется живой человек.
- Стоп, стоп, стоп! Так вы работаете убийцей или психотерапевтом?
- Я работаю липучкой для трансферов. И почти всегда ловлю образ комнатного бога. Я — отец народа, как Пушкин. Они меня ловят, чтобы использовать, как родителей, для борьбы с собой, но я ловчее и сильнее, и я уворачиваюсь, и вовремя отнимаю сися.
- То есть вы как бы поздний родитель, проводящий ребенка ко взрослости, причем вам это удается лучше, чем биологическим родителям, потому что вы сильнее.
- И еще скромнее.
- А это в чем выражается?
- Когда Тао-Ву, китайский мастер дзэн, сидел однажды, погруженный в медитацию, и к нему подошел некий монах, спросивший: “В чем величайшая глубина учения?”, то Тао-Ву встал со своей скамеечки, опустился на колени и сказал: “Ты пришел сюда издалека, но боюсь, я ничего не смогу тебе ответить”.
- То есть дохлый номер, нет никакой истины, ничего найти невозможно и т.п.?
- Ничего невозможно найти ТАК. За вопросом должен стоять весь человек, действие должно быть абсолютным, и пока этого нет, я играю в Станиславского и лениво говорю: “Не верю”. На самом деле я еще скромнее и не думаю, что я что-то сильно могу усилить. Созревание — внутренний процесс, и я для него — символ, хорошо, если красная тряпочка.
- Созревание сознания или бессознательного?
- Ни того, ни другого. Бессознательное у всех гениальное, это без вопросов. Сознание тоже у кучи народа отличное, не хуже моего, то есть гипертрофированное. Отношения между ними — вот это главное.
- Дружат — не дружат?
- Господи, да хоть вообще берут друг друга в расчет. А то ведь как: сознание, например, живет так, как будто бессознательного

нет, инфлируется, и начинается кошмар и психосоматика. А сознание всё гонит интеллектуализации и рационализации во всё возрастающем количестве.

— И чтобы вывести человека из рационализаций, вы смеетесь над ним?

— Я смеюсь над масками, я не смеюсь над людьми. Мы все в одном корыте свои маски полощем. Так что можно и посмеяться.

— А если людям это не нравится?

— Я легионер, а не проститутка.

СОН ЛЕГИОНЕРА (С-11, стр. 77)

КОММЕНТАРИИ

К—1. НЕТ, НУ ЭТО ГРУБО. Есть же какие-то вещи...

Прежде всего нужно определить рамки, а потом уже — пожалуй-ста — гуляйте в этих рамках. Только так достижима подлинная свобода. Свобода — это осознанная необходимость. Неважно даже, насколько осознанная. Можешь осознать — твое счастье. Не можешь — следи за умными людьми.

Но и злоупотреблять тоже не надо.

В общем, ничего не надо.

Все-таки, это было грубо.

Девушка ему сказала: “Я думаю, психологи — хорошие люди”.

Другой вопрос, зачем она так сказала. Может быть, она так всегда раньше думала. Потому что никогда не видела психологов. Это была ее милая иллюзия. Она сама бы с нею постепенно рассталась. Она бы вышла в перерыве в коридор и всё бы сказала.

А он — тоже, начинает. Из-за таких у нас психология так и сидит в девках, никем не любимых. Ни правительством, ни широкими массами людей. Скажешь в гостях, что психолог, — люди отсаживаются подальше. Может, они никогда психологов не видели, как та девушка. Или, наоборот, видели.

Короче, есть же какие-то вещи, и нарушать их отнюдь никому не надо. А то еще обидится кто.

РАЗТОБОР НИ О ЧЕМ. (D—3, стр. 21)

НЕСКОЛЬКО БОЛЪАНОЪ. (U—7, стр. 87)

К—2. ГРУППА НАЧИНАЕТСЯ С МАРАЗМА.

Нет ничего хуже, чем группа людей, сознательно собравшихся для исполнения общего дела. У них в глазах сияет подростковый пыл. Редкие прохожие шарахаются на другую сторону улицы.

Что такое подростковая логика? Сильнее — значит круче. Стая — закон. Завтра больше. Маза наша. Цой жив.

“Просьба о помощи со стороны пациента всегда означает регрессию. Пациент может просить о помощи по-разному. Младенчес-

кая установка как бы говорит в нем: “Мамочка, поцелуй, чтобы перестало болеть”. Если он похож на ребенка, просьба о помощи будет примерно следующей: “Папа, сделай это, пожалуйста. Я маленький, а ты сильный”. Пребывая на уровне подростка, пациент скажет: “Давайте встретимся и вместе сделаем то, что не получается у меня одного”. Иногда пациент может оказаться старше, и его просьба будет звучать так: “Помогите мне преодолеть мои победы над самим собой”; “Помогите мне не быть таким преуспевающим”. (К. Витакер, “Полночные размышления семейного терапевта”)

ОСНОВНОЙ НЕДОСТАТОК КНИТИ... (К-18, стр. 46)
КРАСАВИЦЫ и МИЛИЦИОНЕР. (И-31, стр. 110)
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ГРУППЫ: НАБРОСОК. (И-18, стр. 96)
ИДЕЯ ПРОТРЕССА... (К-44, стр. 63)

К—3. ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ обычно означает что-то вроде смены тех пресловутых надписей на футболках. Сиротинушка превращается в героя, герой по достижении срока становится мудрецом. Но — вот что интересно — носитель футболки может при этом остаться той же со всех сторон деревянной заготовкой. Или, наоборот, тем же милым, счастливым Буратино.

*“Я много лет соперничала с Богом,
Пытаясь завершить им начатый портрет...”*

И вот получается, что по достижении определенного возраста человек считает себя обязанным стать зрелым. Опять-таки, желание настолько благородное, что издеваться грех. Но что означает эта зрелость? Она внутри или снаружи? В смысле: кто на кого работает? Если это — зрелость для внешнего зрителя (нет, опять — грубо! скажем, для собеседника), то это и есть смена футболки.

Теперь: как отличить как бы зрелость от просто зрелости (если она, конечно, бывает), мудрость как надпись на футболке от мудрости как внутреннего состояния? (Это с подлой точки зрения внешнего наблюдателя). Саша Гранкин бы сказал: ковырнуть, врезаться, вступить в эмоционально значимый диалог. И если та самая зрелая женщина, натыкаясь на границы своей роли, будет отпрыгивать, значит, это роль. Например, в роль мудрой сивиллы не

входит сердиться на приставания. Кира прятала свою агрессию (видную несколько раз по ходу диалога и совершенно очевидную в конце) — и это подписало ее приговор.

Парадокс: взрослый — это тот, кто может быть ребенком. Тот, кто не может, — владелец взрослой футболки.

ПОКЛОНЕНИЕ ДЬЯВОЛУ (D-5, стр. 22)

ЦЗУЙ-ЕНЬ, ДУМАЯ, ЧТО ОН УЖЕ... (И-24, стр. 103)

К ИЗВЕСТНОМУ СВОЕЙ СТРОТОСТЬЮ МАСТЕРУ... (И-15, стр. 94)

ЕСЛИ ПЕРЕСТАТЬ СОБИРАТЬ БЛЕСТЯЩИЕ МОНЕТКИ...

(M-12, стр. 71)

К-4. ПРЕЖДЕ ВСЕГО: СКОЛЬКО ЖЕ В ЭТОЙ ИСТОРИИ БОЛВАНОВ?

Трое были так названы. Но что вы скажете о нескольких монахах, “записавших этот анекдот”? К ним уже органично примыкает автор книги со своими любимыми читателями. Естественно, большая часть этого народа полна друг к другу явной симпатии.

Итак, некогда было время, когда этих болванов не было. Вот Му-Чу идет по дороге (куда он шел?), вот он встречает того несчастного монаха. Болванов еще нет — или их уже полно? Тут надо быть осторожным. Когда первый “болван” уже прозвучал, картина резко поменялась. Избежать дальнейшего невозможно. Цзю-Ту прекрасно понимал, что мотивы Му-Чу неустановимы. Он совершил действие, которое невозможно стереть, он уподобился Богу. По той или иной причине Цзю-Ту решил приуменьшить блеск вокруг Му-Чу. То, что сделал Ю-Тань, можно назвать стиранием памяти. Послушайте окружающих: они мало помнят происшедшее, они помнят свои мысли по этому поводу. Но поскольку и мысли тоже не очень, мягко говоря, свои, то стереть их действительно можно даже таким фрайерским способом.

Что за привычка записывать такие штучки? Да еще комментировать их? Да еще потом комментировать комментарии?

Я думаю, в этом сказывается их провинциализм. Столичные жители обычно не утруждают себя подобными размышлениями. Анекдот прозвучал — давайте следующий! Есть слово “реприза”, есть понятие “gimmick”. В провинции несколько более принято задумываться над смыслом. В этом коротком рассказе, например, прекрасно описан круговорот ценностных суждений, обреченных на вечное поедание собственного хвоста. Но кому оно надо? Важно, могу я это понять или нет? Я болван или автор — болван? Так

кто здесь блуждает среди призрачных болванов? (В то время, как те двое пошли “каждый своей дорогой”). Вот, скажем, ты не очень много понимаешь в этой книге. Что ты собираешься делать с тем, что не понимаешь? А с тем, что понимаешь? (это вопросительный знак или восклицательный?)

И последнее: вдруг вспомнил, что мой лучший друг в то счастливое время называл меня не иначе как “падло”.

БОГАТЫЙ ТОРГОВЕЦ, ПРИНИМАЛ Э ГОСТЯХ... (D-6, стр. 24)
Э ЗАПАДНОМ ПОНИМАНИИ ИСТИНЫ... (K-16, стр. 46)

К—5. Первый акт психотерапевтической драмы: агенты в масках

“Мне нравится, что вы больны не мной...”

Главным достоинством моего современника является тщательно отрепетированная приемлемость. Встретившись друг с другом, мы старательно делаемся друг под друга.

Положение агента в чужой стране — очень хорошая метафора. Тот тоже всё время делается и волнуется, так ли у него получается.

Но положение на самом деле еще хуже: оставшись наедине, агент может расслабиться. Среди нас же никто расслабиться не может: человек боится внутреннего еще больше, чем внешнего.

“Я похож на государство, в котором правит неродной король. Какой-нибудь Вильгельм Завоеватель или призванный на царство Рюрик. Я похож на страну, правитель которой является чуждым для народа, говорит с ним на разных языках, а потому в стране царит смута и насилие”.

На лице у каждого написан его градус: доза своего нутра, которую человек может вынести. У мужчин в костюмах и с папками, к примеру, градус этот обычно очень мал. Увы.

Что же несет этот агент, кроме страха? На какое задание он вышел?

Я СИЖУ Э КВАРТИРЕ. ИЗО ЭСЕЙЩЕЛЕЙ ДУЕТ. (C-4, стр. 73)
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТРУПТЫ: НАБРОСОК. (U-18, стр. 96)
ЭТОРОЙ АКТ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ:
ЭОЙНА. (K-6, стр. 39)

К—6. Второй акт психотерапевтической драмы: война

“Слава и позор подобны страху. Что значит слава и позор подобны страху? Это значит, что низжестоящие люди приобретают славу со страхом и теряют ее также со страхом”.

Когда он приходит ко мне за помощью, я не могу ему помочь — в том смысле, что не могу сделать за него работу, как не могу за него поесть или помочиться. Но и не помочь — не могу, потому что я — не пустота, и он — часть моего мира.

Придя ко мне, он очень много на себя взял, он не должен был приходить. “Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать”. Абсурд окружает нас со всех сторон. Брат мой, ты мой враг. Мы врем друг другу в попытках сказать правду. Нам нужно найти твердую почву, хотя бы маленький уголок опыта, где внешнее сойдется с внутренним.

Так что злость будет первой честной эмоцией, которая нас свяжет. А что делать? Будем драться.

ТРЕТИЙ АКТ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ:

МОРАЛЬНОЕ ПАДЕНИЕ. (К—7, стр. 39)

ПОКЛОНЕНИЕ ДЬЯВОЛУ (D—5, стр. 22)

УЧЕНИК ПРИШЕЛ... (U—16, стр. 95)

К—7. Третий акт психотерапевтической драмы: моральное падение

“Еще не смысла всей беды, пытаюсь я сдерживать лады, еще с апломбом на других кошусь: мол, чем я хуже их? — ничем не хуже...”

Я спросил себя: чего во мне больше всего? — и честно ответил: семейных традиций.

Семейная традиция означает тайную передачу, проглатывание интроектов, стыд.

(Однажды я ехал в машине, где незнакомая мне девушка “вела светскую беседу”, то есть порола всякую чушь. Вдруг я представил

себе, что было бы, если бы она была “моей девушкой” — как бы я мучился! Конечно, позже она стала моей любовницей... Я сижу сейчас и думаю: чувствую ли я себя ответственным за все те глупости, которые она совершила при мне или без меня? Да. Нет. Конечно, да. Ни капельки. Как за свои.)

Человек, пытающийся что-то изменить в себе или хотя бы просто что-то понять, хотя думать о многих вещах — это уже изменять запрету о них думать, не избегнет столкновения с семейным стыдом. “Только не трогайте мою маму!” Увы — мама вдали, а вот интроекты внутри, иные как Цербер, иные как Харон, встречи с ними не избежать. И встреча эта часто похожа на сон, в котором хочешь бежать или драться, но тело не движется. А победа в этой встрече переживается как предательство, моральное падение и микропсихоз.

Это праздник падения маски, так прекрасно выраженный во сне про арабское кафе. Она выдает агента и выдает себя, когда случайно (случайно?) рвет газету — оболочку, покрытую чужими словами, лозунгами и прочей дрянью, — и под ней вдруг оказываются деньги — символ энергии. Теперь она сможет купить себе что-нибудь получше, чем та чашка кофе, до краев наполненная мутью.

СОН ПРО МОРАЛЬНОЕ ПАДЕНИЕ (С-10, стр. 76)
ЕСТЬ ПРОСВЕТЛЕНИЯ, ПОХОЖИЕ... (К-36, стр. 58)
ЭТОД О НЕПРΟΣРЕДСТВЕННОМ САМОВЫРАЖЕНИИ.
(D-13, стр. 32)
ЧЕТВЕРТЫЙ АКТ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ:
ПОСЛЕ ПРОСВЕТЛЕНИЯ. (К-8, стр. 40)

К—8. Четвертый акт психотерапевтической драмы: после просветления

“Нам всем грозит свобода,
свобода без конца...”

В Тибетской Книге Мертвых описано, что происходит с душой (ой, какое слово скользкое! Бр-р-р!) после смерти. Вкратце: в момент смерти она испытывает максимальное открытие истинной сущности мира, наполняется безошибочным знанием и светом; позже (на протяжении семи недель после смерти) ее начи-

нают покрывать иллюзии, мучая ее всё более болезненными кошмарами, пока наконец она не погружается в них полностью, притягивается поэтому к миру и вовлекается в зарождающийся при сексе плод...

Вот так оно примерно и происходит с пресловутым просветлением.

“До просветления я носил воду и колол дрова.
После просветления я ношу воду и колю дрова”.

Едрена вошь!

ПОСЛЕ ТРУПТЫ: НАБРОСОК (И-20, стр. 99)
“КАК Я ЗАУВАЖАЛ СЪОЮ ПОДРУТУ” (И-28, стр. 108)
САППА, ЖЕНА РАББИ МЕНАХЕМА... (И-26, стр. 104)

К—9. ПОНИМАНИЕ И НЕ-ПОНИМАНИЕ — ДВА ОЧЕНЬ РАЗНЫХ ПРОЦЕССА. У каждого — свои цели, своя стратегия. Очень интересно их научиться различать.

Вот простой пример: человеку приснился сон, что у него горит на голове шапка. Он объясняет: всё дело в том, что вчера он был в магазине, где есть шляпный отдел, к тому же в комнате было довольно жарко и душно. Ап! — всё объяснилось!

На самом деле он вчера был в десяти отделах четырех магазинов, а в комнате ночью было не только душно, но и влажно. То есть ему могло присниться, что он ходит по морю (из-за влажности) в сандалиях (обувной отдел) аки по суху (сказалась рюмка сухого вина, правда, позавчерашняя). Но почему-то приснилась горящая шапка.

Что дает человеку такое объяснение? С одной стороны — ничего, он ничего не понял. Набор случайных процессов, которые он почти не замечает, остался набором случайных процессов. Он ничего не понял, и потому этот процесс позволительно назвать непониманием.

Но это не просто непонимание, это достаточно активный процесс. Какие у него цели — хоть немного — очевидно. Уменьшилась тревожность; сохранена рациональность; снята ответственность (хотя бы в том смысле — особенно в том смысле — что на место личности поставлен набор случайных внешних причин, вместо упорядоченной системы — хаос).

Это не-понимание. Что же такое понимание? Ну, предположим, человек думает: “Чего это мне приснилось, что на мне шапка горит? Уж не есть ли это метафора того, что я — вор? Что же я в таком случае ворую?...” — и т.д.

Может ли он таким образом понять что-нибудь новое для себя? Конечно. Но нет ли здесь риска, что он нагружает действительно случайную последовательность дурацких обрывков памяти и фантазий личностным смыслом? Есть, опять, конечно же, есть. Или, может быть, вовсе и нет. Ведь это ЕМУ приснилось, ЕГО фантазия таким образом сработала, ОН ходил в магазин и спал в духоте. То есть личность может ассимилировать что угодно — хоть бы и сам хаос. Станет ли волк есть зайца, если он его СЛУЧАЙНО найдет? Конечно, станет. Может, это была ошибка, и заяц ему вовсе не предназначался? Очень может быть. Запросто.

Неважно, к какому феномену мы подходим — важно, что мы делаем с ним. Если это сон — понятно, что он индивидуален, имеет личностную подоснову и так далее. Но то же самое — мы можем понимать или не-понимать, анти-понимать, когда, мы, скажем, читаем Тору. В любом непонятном месте, будь это повторы, противоречия, логические несоответствия, “рациональное” может услужливо — и главное, очень быстро — фабриковать “объяснения”: ошибки переписчиков, темнота предков, слияние текстов разного происхождения и т.п. Это не даст человеку ничего нового, ничего не добавит к нему, кстати, даже спокойствия (потому что спокойствие, достигаемое подавлением тревожности — мягко говоря, говно, а не спокойствие). Но подходящий к тому же верующий, то есть тот, кто считает, что текст имеет для него личностный смысл, — он способен понимать и увеличивать понимание.

Говорил Баал Шем Тов: “Сказано: “Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова”, а не “Бог Авраама, Исаака и Иакова”, ибо Исаак и Иаков не пользовались тем, что сделал до них Авраам. Они сами искали связи с Творцом и служили Ему”.

МАЛЕНЬКИЙ ЗАКАКАННЫЙ РЕБЕНОК и БОЛЬШОЙ АСФАЛЬТОВЫЙ
КАТОК (D-9, стр. 26)

НЕСКОЛЬКО БОЛЪАНОЪ. (И-7, стр. 87)

О ГЛУБИНЕ ЪЗАМОТТОНИМАНИЯ (И-30, стр. 109)

К—10. КОКЕТСТВО — РОДНАЯ ИГРА ДЛЯ ПСИХОТЕРАПЕВТА. Невербально пообещать и не дать — это и там, и там принято. “А кто что обещал?” А никто — ничего, так, глазками водили, губки прикусывали. Интересно, что никто не способен остановиться, и уже в самой не той атмосфере, с совершенно ненужными людьми она нежно водит пальчиком, а он глубокомыслит по поводу. То-то они так схлестнулись. Потом он скажет: “А ты что, ожидала, что я буду твоим папой? Невроз переноса. У меня своя дочка есть”. А она ничего не скажет, стянет на прощание губки и отвернется, взмахнув челкой. Кокетка? Мадонна всеобщей сублимации!

ВЕЛИЧАЙШИМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ОТКРЫТИЕМ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВА... (К—20, стр. 47)

“ГЛАЗНОЕ, Я СОЗЕРМАНО НЕ ПОМНЮ, КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ...”
(И—14, стр. 93)

К—11. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ — ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС для страдающих манией величия.

(Надо отдать Гамлету должное — он все же двигался от неосознанных убийств к осознанному).

Быть или не быть? — а точнее: Уехать или остаться? — а точнее: Брать зонтик или не брать зонтик? Даже на последний вопрос ответ дает элементарная забывчивость или заботливая бабушка.

Не достичь ли мне просветления к началу марта? Не возвыситься ли мне духовно? Тьфу, злость берет.

Но поди ж ты — сколько людей так **СЕРЬЕЗНО** раздумывают.

Сколько людей **НЕ УВЕРЕНЫ**, что у них есть внутренний мир!

Сколько людей думают, что бессознательное **ОТКРЫЛИ** сто лет назад!

Надо подойти к ним поближе и рассмотреть их в лупу. Что-то же там есть, кроме гусиной кожи!

“БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ — ВОТ В ЧЕМ НЕВРОЗ” (К—12, стр. 43)

К—12. “БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ — ВОТ В ЧЕМ НЕВРОЗ”.

“Моя мама хотела, чтобы я был летчиком, мой папа хотел, чтобы я был водолазом, и поэтому я — шизофреник”.

“В общем, выбирай: либо прищемим яйца дверью, либо посадим голый задницей на сковородку”.

Это из аптечки психотерапевта.

Кёгэн — любимый мною за то, что однажды сжег все свои книги и конспекты (до этого он был известным комментатором буддийский сутр), — задал однажды ученику такой коан:

“Оно подобно монаху, который висит на дереве, уцепившись зубами за ветку; ни руками, ни ногами он не может достать до других веток. В это время под деревом появляется еще один человек и спрашивает, в чем смысл прихода Дарумы с Запада. Если первый не ответит ему, он не выполнит свой долг; если же он ответит, он простится с жизнью. Что ему делать?”

Монах Сё продолжил это так: “Я не спрашиваю у вас, когда вы уже висите на дереве. Что вы скажете, когда вы еще не начали взбираться на него?”

Позитивист Блайс прокомментировал это так (игра называется “Внимание, правильный ответ!”): “Главное — не ожидать результатов”.

Мумон написал по этому поводу очень близкие мне слова: “Хотя твои речи текут, словно реки, они никому не нужны”.

Саша Ройтман дал шикарный ответ — он вынесен в начало лоскутка — никогда не слышав коана.

Мне же это состояние (висеть, уцепившись зубами за ветку, болтая руками и ногами) что-то навязчиво напоминает...

У НАС НЕТ МИФА... (К-23, стр. 49)

ВСЕ СТРОИТСЯ НА МИФЕ. (К-22, стр. 48)

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ОТЧАЯНИЯ. (К-45, стр. 63)

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СЕРИАЛ "КОШМАРЫ АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА". (С-9, стр. 76)

К-13. ОСНОВНОЙ ЧЕРТОЙ МОИХ СОВРЕМЕННИКОВ мне представляется психологическая наивность.

Под психологической наивностью я понимаю невнимание к бессознательному, неприятие внутреннего мира, агрессивное отторжение души.

Даже психологи, как правило, больше уверены в существовании денег и атмосферы, чем в существовании и постоянном функционировании бессознательного.

Даже искусство XX века во многом отражает — питается — и подавлено той же агрессией к душе. Глядя на абстракционистскую (словечко-то какое!) картину, человек облегченно вздыхает: так вот

она какая, душа, если дать ей волю! За такое (вещественное доказательство) правоты своей установки сознания не жалко и тысячи долларов.

Долларов! Долларов! Внутренние царства брошены во славу внешних. Мы все — колонисты, орудующие в чужих странах. Мы не только не знаем своего языка, мы не знаем о его существовании. Это и есть психологическая наивность, поддерживающая — обеспечивающая — маниакальную устремленность во внешний мир.

Как там в Ливии, мой Постум, или где там?
Неужели до сих пор еще воюем?

Как ответил бы Пригов, воюем, воюем понемножечку.

ЖЕЧНАЯ ИСТОРИЯ О СЭРЕ ЭЙНШТЕЙНЕ И ЕГО ДРУГЕ СЭРЕ
ЧАРЛЬЗЕ ДАРВИНЕ, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ. (И-34, стр. 120)
СИМВОЛ ЖЕРЫ: ТЕЛО... (К-17, стр. 46)

К—14. САМОЕ КЛАССНОЕ В ЖИЗНИ — ЭТО ИМЕТЬ АВТОРИТАРНОГО ПАПУ. Если он есть — больше уже ничего не надо. Смысл жизни обеспечен. Он во всем виноват. Ему надо подчиняться, но его же можно бесконечно динамить. Утро начинается с “надо!”. Вечер заканчивается обещанием “завтра!”. Все проблемы со структурированием времени, с оправданием бытия, с выбором — решены заранее.

Его надо любить.

“ПАПА, МНЕ ПРИШЛА МЫСЛЬ...” (И-11, стр. 89)
ОТЕЦ и СЫН (И-12, стр. 90)

К—15. ЕСТЬ СТЫДНЫЕ ПРОФЕССИИ. Менты, проститутки, политики, учителя. И психотерапевты.

Это — столпы человеческой ограниченности, они отмечены печатями неприкасаемости, ибо живут слишком близко к табу. Менты — к табу на агрессию. Проститутки — к табу на секс. Политики — к табу на власть. Учителя — к табу на целостное восприятие и свободное поведение (детское). Психотерапевты — к табу на самоосознание.

“Легче обозвать кого-нибудь шлюхой, чем быть ею”.

Все эти люди окружены порнографическим вниманием, то есть за ними обожают наблюдать из безопасного укрытия.

СОН ПРОСТИТУТКИ-ПУШКИНОЖЕДА. (С-12, стр. 78)

К—16. В ЗАПАДНОМ ПОНИМАНИИ ИСТИНЫ имеется одна гнусная пресуппозиция (неявно присутствующий постулат) Это представление о том, что истину можно передать другому человеку, что ею можно поделиться. Но это чистая ахинея. И жалко (опять жалко!) ту кучу людей, которые ищут именно то, что будет подходить другим (о чем хотя бы можно будет ИМ рассказать). Это очень альтруистично, но глупо гораздо больше.

РАЗТОЖОР НИ О ЧЕМ. (D-3, стр. 21)
ЗАЖИТАЮ СЪЕЧУ... (M-13, стр. 71)

К—17. СИМВОЛ ВЕРЫ: ТЕЛО, и психика как часть его. Хороший символ, но, зараза, маленький. Тело многое не вместит, ему и так уже некуда деваться. Лежа на диване со стереообдувом, регулируя голосом концентрацию сока, хлюпающего в желудке, оно перемалывает каналы телевизора, но глаза слипаются, и клонит в сон.

Разделаться с клинической моделью в психотерапии! Клиника — для тела, опять для тела, снова для тела. “Вы их разделяете?” “Но не с вами!”

МОДЕЛЬ ПРОСТА. ЕСЛИ СНЯТЬ С ЧЕЛОВЕКА ОДЕЖДУ...
(K-19, стр. 47)
ВСЕ СТРОИТСЯ НА МИФЕ. (K-22, стр. 48)

К—18. ОСНОВНОЙ НЕДОСТАТОК КНИГИ (подхода) — что она не пытается подыграть читателю (клиенту) в том, что он идиот. Читатель испуганно обижается. Конечно, хочется повиснуть на дяде руками и ногами. Теперь представьте, что дядя — инструктор по плаванию.

Основная причина этой беды — боязнь побыть дураком.

Один из моих пациентов как-то достал меня и всю группу вопросом: “Как это так — самообман? Как может человек обманывать сам себя?” Все отвечали, всем нравится умными побыть, и так продолжалось чуть не целый час, пока все не устали, а он так ничего и не понял; тогда перешли на другую тему, что-то типа как ходить туда,

куда ходить совсем не хочется, вроде обязательных дней рождений. Но этот парень не любил выходить из центра внимания. И он своего добился, всего лишь поделившись способом, как он решает подобные вопросы. “Я беру монетку и загадываю, скажем, орел — пойду, решка — не пойду. И кидаю, пока не выпадет нужное”.

ПОНИМАНИЕ И НЕ-ПОНИМАНИЕ – ДВА ОЧЕНЬ РАЗНЫХ
ПРОЦЕССА. (К-9, стр. 41)
СОН ПРО ЗНЕШНИЙ ГЛАЗ. (С-18, стр. 81)

К—19. МОДЕЛЬ ПРОСТА: ЕСЛИ СНЯТЬ С ЧЕЛОВЕКА ОДЕЖДУ и поласкать его, его тело (он) начинает жить совсем по-другому. То же самое: под одеждой персоны, масками есть голая душа, почти всегда готовая к ласке и прочему интиму.

И конечно, общаться с ней может — за редкими исключениями — только голая же душа.

Психотерапия — или как мы там это назовем — должна трогать не меньше, чем секс.

Что бы сказал равви? “Разденься навстречу (на встречу) Богу”.

ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ, БЛАГОДАРИЮ... (М-10, стр. 69)
ПРОКЛЯТЫЙ ДОКТОР ЗЕММЕЛЬФЕЙС (И-32, стр. 113)

К—20. ВЕЛИЧАЙШИМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ОТКРЫТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА является суррогатное чувство. Как в XX веке куча народа научилась симулировать оргазм, так в следующем научатся симулировать просветление. Не дай Бог, моя книга поможет им, нормированным никакедам...

Равви Михал из Злочова рассказывал: “Однажды, когда мы ехали с нашим учителем, равви Израэлем Баал Шем Товом и остановились, равви ушел в лес, чтобы прочесть слепополуденную молитву. Вдруг мы увидели, как он прислонился к дереву и заплакал. Спустя какое-то время мы спросили, что с ним случилось. Баал Шем ответил: “Когда я целиком погрузился в дух, то увидел, что в поколениях, которые будут жить перед пришествием Мессии, хасидские равви размножатся как саранча, и именно они отсрочат время воздаяния, ибо вызовут разделение в сердцах и породят беспричинную ненависть”.

РОДНАЯ МОЯ МАСКА! (М-2, стр. 66)
БОЛТАЮТ ДВА МАЛЫША... (D-11, стр. 31)

К—21. ГОВОРИЛА В ДЕТСТВЕ МАМА МНЕ И БРАТИКУ:
“Скушай ложечку за папу, ложечку за маму, ложку за бабушку...”
И вот я вырос, и скушал маму за папу, мой братик скушал папу за маму, теперь я кушаю себя за маму и папу...

Когда же — хоть ложечку — за себя?

РАЗТОБОР С МАМОЙ — продолжение (D—10*, стр. 29).

§ ДОМЕ МОЕМ ПОСЕЛИЛСЯ ТРУПИК (С—14, стр. 79)

К—22. ВСЁ СТРОИТСЯ НА МИФЕ — не на идее, деньгах или истинности, но на мифе. Мифы же бывают разной силы, от слабых и мелких — типа литературного, до огромных — скажем, единого Бога.

Миф есть почва, богатая или бедная; всё, что растёт — растёт из него. На камнях растут лишайники, честь им и хвала; большие деревья растут там, где многое перегнило.

Теперь: у психотерапии — очень слабый миф, или же нет осознания, в чем он. Частично это медицинская модель, миф про лечение тела, мазь от невротизма и массаж от жестокого воспитания. Очень узкие рамки; и врать приходится много. Кто может сказать: “Я излечу”?

В этот медицинский миф, как шенки, утыкаются носом и миф про эмоции, которые якобы лечебны, и про осознание, которое якобы лечебно. Мих. Мих. Антоненко клянется, что те, кто работает у него на группах, не впадут в старости в маразм. Вспышка гнева объявляется лекарством против язвы. Оно, конечно, наверное, так. Но высшую степень развития этой ступени я видел в книге Стивена Лабэрджа “Осознанные сновидения” — отличной, кстати, книге. Там автор задает вопрос: зачем нужны осознанные сновидения (те, при которых человек понимает во сне, что он видит сон, и может управлять происходящим)? И отвечает: во-первых, при этом человек может получить море удовольствия — летать, трахаться, проходить сквозь стены и т.д. И тут он задает гениальный вопрос, то ли как психотерапевт, то ли как американец: а зачем нужно получение удовольствия? И отвечает: а по последним данным науки, удовольствие делает человека более устойчивым к заболеваниям! У того, кто радуется, как выяснили ученые, лучше работает иммунная система! И печень! Вот, оказывается, зачем.

Я вас очень прошу: если вы согласны с этими словами и не чувствуете в них идиотизма, закройте ЭТУ книгу немедленно. Долж-

ны же, в конце концов, у автора с читателем быть какие-то точки соприкосновения. Идите лечите печень. Потрахайтесь, что ли, для такого дела.

*МЕЗОЗОЙСКАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ. (И-27, стр. 105)
ОСНОВНОЙ ЧЕРТОЙ МОИХ СОВРЕМЕННИКОВ... (К-13, стр. 44)
У НАС НЕТ МИФА... (К-23, стр. 49)*

К—23. У НАС НЕТ МИФА; мы висим на дереве, уцепившись зубами за ветку, и ни руками, ни ногами не достаем до других веток. “Увеличение эффективности”, предлагаемое психотерапией, может привлечь только кретинов и блядей-работоголиков, желающих побыстрее отдалиться. “Эмоциональное отреагирование” хорошо для автоматов, боящихся перегрева. “Понимание”, “развитие интуиции”, “контролирование эмоций” — это всё жалкое манипулирование. Увы!

Между тем у нас есть миф, прекрасный и глубокий, неконвенциональный и универсальный, вызывающий трепет, восхищение и ужас. Как говорить о нем? “После того, как ты произнес имя Будды, прополощи рот”; “Не произноси имя Господа Бога твоего всуе”.

Перед смертью равви Зуся сказал: “В ином мире меня не спросят: “Почему ты не был Моисеем?” Меня спросят: “Почему ты не был Зусей?”

*КАЖДЫЙ ДЕНЬ ДЗУЙТАН СИТЭН... (D-4, стр. 22)
ЗАЖИТАЮ СЪЕЧУ... (M-13, стр. 71)*

К—24. Я ПОДЛО УМНЕЛ. Что я имею в виду: я много спорил с учителями, пока учился в школе, по идеолого-политическим вопросам, но лучшие — настоящие — убийственные — аргументы пришли мне в голову уже только на первом курсе. Додумайся я до них на год раньше — а мальчиком я был честным, всё бы им высказал, — я мог бы и не закончить родимую школу. (Впрочем, что бы случилось? Штрафбат? Очередной шантаж.) Позже, в университете, я только туманно понимал глубокую неадекватность программного обучения своим реальным нуждам, и увидел всё ясно — только когда университет закончил. Сейчас я не смог бы участвовать во всей той порнографии экзаменов — даже не из-за недостатка знаний, а больше из-за ясного различия между собой и сис-

темой. Но поди ж ты — во всё это я врубился уже с дипломом в кармане.

Напрашивается вопрос: что мне мешает сейчас?

я **ИДЕЛ ДОРОГУ, ПО КОТОРОЙ ХОДЯТ МЫСЛИ.** (К-29, стр. 53)
я **ГОЖОРЮ, ЧТОБЫ ЧТО-ТО СКРЫТЬ.** (К-28, стр. 53)
ВТОРОЙ СОН (В ПУСТЫНЕ) (С-2, стр. 72)

К-25. КНИГА О ДЗЭН — ЧУЧЕЛО ТИГРА. Нужно смотреть уж совсем издалека, чтобы принять чучело за тигра. Тем не менее, это достаточно похоже на тигра, чтобы испугалась курица и хозяйка курятника завела роман с охотником.

Написавший книгу о дзэн — контрабандист, поскольку он стремится протащить из одной страны в другую то, что невозможно (запрещено) протащить. “Ничему из того, что на самом деле стоит знать, невозможно научить” — это еще слишком мягко сказано. “Как некий человек, видящий сон, ты будешь знать всё, но не сможешь ничего рассказать другим” — это точнее. “Знающий не говорит, говорящий не знает”...

Но контрабандист — это светлый образ того, кто действует вопреки запретам, зная, что цель его невероятна, а действие абсурдно. Между мной и тобой — тысячи дверей, и в каждой — замок, и ключи от большинства из них потеряны. Что ж! Как говорил Кристофаль Хозевич Хунта, решать стоит только те задачи, которые решения не имеют.

Невозможно написать книгу о дзэн, как и книгу о дао, по тридцати трем причинам, первая из которых — “Изреченное дао не есть истинное дао”. Но можно написать книгу с дзэн, как чучело можно прошить нитками из тигровой шерсти. Конечно, снаружи ему можно придать совсем другой вид. В России, например, самые полные дзэн книги — “Опавшие листья” и “Уединенное” Вас.Вас. Розанова и “Москва-Петушки” Венички Ерофеева; и ни в одной из них это слово не употребляется ни разу. Что ж! Есть гениальные контрабандисты. Но почему бы и не вынести слово дзэн в заглавие? Ведь это всего лишь слово, чучело, мелкий грех.

ЕСТЬ СТЫДНЫЕ ПРОФЕССИИ. (К-15, стр. 45)
КОГДА ДОКЕН СПРОСИЛ У ЭЙНЕНУ: “ЧТО ТАКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ?”... (D-15, стр. 32)

К—26. Конец карьеры психотерапевта

Свой последний день в детской поликлинике я провел довольно весело. Последние две сессии были просто прелесть. Вначале пришла пара — он и она — якобы посоветоваться о ее ребенке, которого она забирала от отца. Они уходили каждый из своей семьи, она — со своим семилетним, что ли, сыном, а он оставлял по себе полугодовалого ребенка. Любовь. Видно было, что это ее первое взрослое решение за жизнь. Полгода назад она бы про такое говорить не стала. “Такого со мною случиться не может”.

Но гораздо больше я запомнил самую последнюю семью. Они уже приходили когда-то — мама с 11-летней дочкой, мама на нее жаловалась, учеба, помощь по дому, девочка молчала, мы кое-как поговорили с мамой, и я предложил им прийти всей семьей. Бац — пришли. Плюс ее муж (отчим девочки) и бабушка — мамина мама. Отлично. Вероятно, чтобы оправдать серьезность такой концентрации взрослых в одном кабинете детской поликлиники, жаловаться они стали гораздо круче. Опять, всё сводилось к тому, что она не помогает по дому и имеет двойку по английскому. Хорошо. Я их дразню: как же так выходит, что они такие ответственные, а один ребенок безответственный, они такие умные, а девочка такая не очень, и при этом они так волнуются, а девочке хоть бы хны. Они кипятятся, отчим аж кричать начинает. Я говорю: “Фигня, что-то тут не то. Три взрослых человека и одна проблема — ребенок”. “Да, — буйствует отчим, — так мы волнуемся за ее будущее!” А я говорю: “А у вас всё с будущим в порядке”. Он кричит: “Да, в порядке!” Я продолжаю подначивать: “И вот вы — человек, у которого нет проблем, и волнуетесь за нее, потому что просто такой ответственный”. У него аж кулаки сжимаются, и он начал даже говорить что-то про то, что на зоне за такой базар приходится отвечать (и мир, полный ответственности и обтянутый колючей проволокой, становится еще одной метафорой, повисшей в воздухе). Отлично. В конце концов, отчим выбегает из кабинета. Тут базар резко меняется. Бабушка заявляет о своем категорическом несогласии с политикой родителей. Мама вдруг всё понимает. Крайним оказывается отчим, и в воздухе повисает не высказываемая мысль о том, что с ним давно пора развестись. Но у меня уже нету времени. На последние пять минут я прошу остаться в кабинете только девочку. Мама с бабушкой выходят.

Она молчала весь час. О чем я могу успеть с ней поговорить? Наудачу я спрашиваю, чем она любит заниматься. Она говорит, что ходит в художественный кружок в музей Востока. Я не верю своим ушам. Я обожаю этот музей. Но пока не спешу. Я начинаю ее спрашивать, хорошо ли знает японский и китайский залы (мои любимые). Она говорит, что да. Я устраиваю экзамен. Резные шары из кости; надгробные фигурки; коробочки для сверчков; тарелка с разноцветными лошадьми; нэцке; она знает даже картину “Обезьяны, лоящие в реке отражение луны”! Я так восхищен ею, как Веничка — своим младенцем, который знал букву “Ю”. И эти придурки так ее мурыжат из-за школьного английского! (Надо ли говорить, что я аккуратно проверил, как английский знают они — конечно, никак). Времени уже совсем не оставалось. Я вытащил свою книжку, подарил ей, а потом сказал:

— По-моему, ты умница. Ты не очень обращай на них внимание. Успокой, отвлеки. И главное — не пускай внутрь то, что они про тебя говорят.

Она кивнула, как будто точно понимала всё, что напроисходило здесь за последний час.

— Ну, привет.

— До свиданья.

я ПОДЛО УМНЕЛ. (К-24, стр. 49)

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ДЗУЙТАН СИТЭН... (D-4, стр. 22)

КОЛОДЕЦ и МАЯТНИК (И-23, стр. 101)

ТОБОРИЛА Ъ ДЕТСТЪЕ МАМА МНЕ и БРАТИКУ... (К-21, стр. 48)

К-27. СТРАХ ПЕРЕД ЖЕНЩИНОЙ — СТРАХ ПЕРЕД ДУШОЙ. Душа не имеет пола, и всё же у мужчин она скорее женского рода — вытесняемого (сколько надо вытеснить из себя женского, чтобы стать мужчиной).

Женщины так редко упоминаются в дзэнских притчах, что я хочу заниматься чем-нибудь другим. Великий Уммон сказал, что Будда — это палочка-подтирка (с засохшим дерьмом); ему ли бояться женщин? Тем не менее, я не читал ни одной истории, в которой монах бы влюблялся, занимался сексом или мучился от отсутствия этого.

Про каждую свою подругу мне хочется написать книгу. Про друзей — нет, не очень. Они были боязливыми и скучными — во всяком случае, такой стороной ко мне поворачивались.

Я полностью согласен с Блайсом, который пишет, что “женщинам дзэн присущ от рождения, тогда как мужчинам навязывают дзэн обстоятельства”.

ЖЕНЩИНА ПЛАКАЛА. (М-5, стр. 67)

КАКТУС РОДИЛ КАКТУСЕНОЧКА. (И-3, стр. 85)

КОРОЧЕ, МУЖИКИ, Я ТУТ ТАКОЙ ПСИХОТЕСТ ПРИДУМАЛ...

(К-40, стр. 61)

К-28. Я ГОВОРЮ, ЧТОБЫ ЧТО-ТО СКРЫТЬ.

Предположим, я хочу скрыть себя самого.

“Хочешь скрыть лицо — выйди голым”.

Уменьшим круг: я хочу скрыть страх перед собственной душой. Кто ее знает, что она выкинет. В любом случае, я хочу остаться на коне.

Вот тут и начинаются проблемы.

“Доктор, у меня это”.

Нет, вот как: “Доктор, у меня эго!” Оно хочет остаться на коне.

А конь об этом не знает.

ДУША СВОБОДНА. (К-34, стр. 56)

К-29. Я ВИДЕЛ ДОРОГУ, ПО КОТОРОЙ ХОДЯТ МЫСЛИ.

Туда-сюда, туда-сюда. Асфальтовая, очень пыльная, не слишком прямая. И мысли, мои скакуны, бредут себе, как миленькие, по одной и той же дороге. Вокруг поле, лес, холмы, река. Мысли этого не знают. Они ходят по одной дороге.

Бредовая идея, что множественность лучше единичности, движет сейчас мной (ать-два, по дороге). Бродский, тот договорился до того, что демократия (нынешняя государственность) есть победа политеизма над монотеизмом (верой во многих богов над верой в одного). Это индивидуалист (Бродский, я) стремится заменить собою весь мир. Он хочет, чтобы его мысли ходили в разные стороны, ибо не доверяет мыслям других людей.

А еще играет в жилах тоска по дикости. Хозяева леса не ходят по дорогам, они их перебегают, а живут в зеленой чаще.

Теперь: как вы представляете себе зеленую чашу?

ПРОКЛЯТЫЙ ДОКТОР ЗЕММЕЛЬБЕЙС (И-32, стр. 113)

К—30. СТРЕМЛЕНИЕМ К БЕССМЕРТИЮ рождаются твои игры, твои навязчиво повторяющиеся манипуляции со своим вниманием и мышлением. Полностью прожитое действие заканчивается и исчезает.

Девочка, крутящая динамо, долго сохраняет молодость. Та, кто зачинает и рождает, — приближается к смерти.

Вот потому-то ты так мало понимаешь сейчас и всё гонишь старую тройку мыслей: одна коренная, две пристяжных. Ты бессмертен, о кучер, на своих козлах.

У ИНДИЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ УМЕР ЕДИНСТВЕННЫЙ СЫН.

(И—13, стр. 92)

СОН СТЫЖЕИ КРАСАВИЦЫ. (С—3, стр. 72)

К—31. “ТЫ ЦАРЬ; ЖИВИ ОДИН...” Оно конечно. Сон неожиданно привлек мое внимание к другой противоположности: талант (греческая монета) дан не тебе, отдай его нищим.

Кто такие эти нищие?

Кто вообще здесь нищий?

“У меня нет ничего, кроме ненависти всех хозяев жизни: за то, что я не как они... Это нищий перед имущими, нищий перед неимущими (двойная ненависть), один перед всеми и один против всех. Это душа и туши...” (письмо Марины Цветаевой, 1923 год).

Паранойя? Прости меня, Марина. Я знаю. Я — хоть немного — знаю. За последние полгода меня кормили — за меня платили в кафе и в автобусе — мне дарили вещи — давали ночлег — оплачивали телефонные счета — не менее двадцати человек, наверное, больше. Подвозили на машине — еще добрых сотни две-три. Это я нищий “перед имущими”.

Но сон явственно говорит: нищие — они. Надо успеть подать им, они живут во времени, и значит, быстро исчезают.

Так, над вашей игрою — крупную
(между трупами — и — куклами!)

Не общупана, не куплена,

Польхая и пля-ша, —

Шестикрылая, ра-душная,

Между мнимыми — ниц! — сушая,

Не задушена вашими тушами,

Ду-ша!

КАК БУДТО ДЖА ХОЗЯИНА... (К-35, стр. 57)

"МИТЯ, ПРИВЕТ! ТВОЙ СОН В ПУСТЫНЕ..." (К-32, стр. 55)

К—32. “МИТЯ, ПРИВЕТ! ТВОЙ СОН В ПУСТЫНЕ велико-лепен. Если учесть, что нищий — это твое бессознательное, то тогда понятно, почему он пропал. Наверное, твое бессознательное отчаялось приводить в чувство сознание, как-то его компенсировать, вразумлять. Обычно энергию (деньги) сознанию дает бессознательное. Например: твой нищий превратился бы в Юнга и научил тебя... так нет, такого не случилось. Твое сознание в избытке имеет энергию (идеи) и дает милостыню, т.е. вразумляет бессознательное (признак инфляции), подавляя его, а оно (бессознательное), как видишь, сопротивляется (убегает)...

Тебе все же рекомендую (хотя мои рекомендации не обязательны) вызвать нищего в своем воображении, предварительно перестав его пугать таким количеством денег, а уважительно к нему отнестись и выяснить, чего он боится, чего ему надо, и тогда, быть может, ты услышишь голос своей души. Но это не так-то просто. Мне кажется, что с этим нищим очень сложно установить контакт. Обычно нищий, пророк, маленький незначительный человек — имеют отношение к душе. Душа нынче в нашем социуме не популярна. Сейчас в моде герои, крутые сильные люди — имеющие отношение к свободному независимому (от тела и души) существованию. В душе неполноценность, а в духе божественность, односторонность и инфляция. Мы забываем, что мы люди, а не боги.

...Я думаю, наши бессознательные части души не любят быть на виду. Они часто эксцентричны, гротескно нас хоронят. Они требуют к себе хорошего отношения, внимания, принятия; даже если странным образом дают о себе знать. И если и заговаривают с нами, то метафорами, намеками, аллегориями и т.д. А иногда мстят нам оговорками, странными неадекватными вспышками, сексуальными эксцессами, симптомами (психосоматикой). Вот так наши демоны, нищие, оберегают нас от инфляции и сумасшествия. ...Спасибо им.

...Пока. Миша”.

В ДОМЕ МОЕМ ПОСЕЛИЛСЯ ТРУПИК (С-14, стр. 79)

К—33. ТАМ, ГДЕ ЕСТЬ ДОЛГ И ВИНА, нет выбора. Сколько я ни думаю над этой фразой, всё мало.

Андрей не крикнуть на мать не может (он это делал тысячу раз), он не может выйти из позиции притесняемого, где так удобно. Ну что ж, что всю жизнь приходится скучать. Зато известно — кто виноват, а это гораздо важнее.

А когда он захочет выйти... Иногда я думаю о тех резиновых фигурах директоров, которые, как все знают (“Почему-то в России никто не знает, отчего умер Пушкин”, а про это все знают), устанавливаются на японских фабриках. Очень унижительный способ подъема производительности труда, с одной стороны. С другой... Совместно с клиентом изготовить фигурки родителей (или обязать приходить с готовыми?) и дубасить. Даже мне сейчас это кажется слишком круто. Но надо полагать, эффект был бы потрясающим.

(То, что я тушуюсь перед этой идеей, только показывает, насколько я невротик, то есть путаю образ с реальностью. Бить не родителей! Бить по резине!)

Родители — самые незнакомые и малоизвестные существа. Кому они на фиг нужны, живые, если так властен, значим и всемогущ их ОБРАЗ?

“В сорок лет в мою комнату вошла незнакомая женщина. И я узнал ее. Это была моя мама”.

ЗАМАНУХА (D-7, стр. 24)

СОН ПРО ОБЩЕЕ ДЕЛО. (C-19, стр. 82)

К—34. ДУША СВОБОДНА. Ей нужно только одно: быть, и это ее единственное качество, и его невозможно у нее отнять. Она живет не во времени, она существует в вечности, и если это перевести на язык ограниченности и времени, то ей не фиг делать целую вечность. Как соглашается она играть во все эти игры? Она легкокрыла и ветрена, ей чудно, свободно, радостно. Ее не то чтобы втягивают — она может себе это позволить, войти в любой мрак и чушь, сойти в ад одномерности и зажатости, потому что это на время — на миг. Ее не так легко погубить, может быть, вообще невозможно.

КАК БУДТО ДЖА ХОЗЯИНА... (K-35, стр. 57)

Я СТОЮ НА УТЛУ... (C-7, стр. 75)

К—35. КАК БУДТО ДВА ХОЗЯИНА делят один и тот же кров.

Один из них вечен, что означает не большую протяженность времени, не “очень долго”, а отсутствие долготы, неподчиненность часам. Он спокойно может вместить в мгновения переживания и события “на сто лет” и так же спокойно “следующие” “сто лет” пролежать на солнышке. Он действует в других координатах. Эти координаты неизвестны второму, который существует во времени, то есть конечен, то есть ограничен.

Второй живет, как живет человеческое тело. Ему важно время.

“6 часов утра: самое главное — мое тело.

12 часов дня: самое главное — это все они, они все.

5 часов дня: самое главное — это моя голова.

9 часов вечера: самое главное — моя жена.

12 часов ночи: самое главное — мой пенис.

3 часа ночи: меня нету”.

Их отношения — основная проблематика существования.

Сущность одного из них — дао, на разных уровнях он проявляется и ощущается (вторым) как Бог, душа, истинное “я”, бессознательное.

Второй — не менее таинственное существо — худо-бедно владеет территорией сознания, тела, личности, мира.

Они совершенно различны и по большинству действий противоречивы — до взаимно-уничтожающего антагонизма, — но они — одно и то же. Как А-Янус и У-Янус, это — один и тот же человек.

Каждая история рассказывает о них.

Мы не знаем, как они появились, но у нас есть символические описания. Одно из них говорит, что Господь Бог “потеснился”, чтобы дать место миру, а затем сотворил мир, и так же сотворил человека. Это описание истинного “я” и “я” личностного: истинное “я” самодостаточно, но оно потеснилось.

Как любой из актов взаимоотношений этих двоих, это проявляется на любом уровне человеческой жизни:

“...ненасытная исконная ненависть Психеи к Еве, от которой во мне нет ничего. А от Психеи — всё... Ревность? Я просто уступаю, как душа всегда уступает телу, особенно чужому — от честнейшего презрения...” (Письмо Марины Цветаевой, 1926 год).

Или:

“...Как ни скромно занимаемое вами местечко, будьте уверены, что в один прекрасный день кто-то войдет и заявит на него права, или,

что еще хуже, предложит делить его с вами. Тут вам нужно либо сражаться за свое место, либо покинуть его. Я как-то всегда предпочитал последнее. Вовсе не потому, что я не способен к борьбе, а из чистейшего недовольства собой: ухитрившись выбрать нечто привлекающее других, ты выдаешь тем самым вульгарность выбора". (Бродский, "Меньше чем единица").

(Хороши рационализации!)

Другая метафора — еще более труднообразимая — представляет дело наоборот: тела, развиваясь и наращивая сложность, породили "сознание" со способностью саморефлексии, а скорее, его иллюзию. Впрочем, и с точки зрения вечного — первого — существа, не менее принято называть временное — второе "я" — иллюзорным. Они вообще много дерутся, и взаимное отрицание — методы ведения войны.

Еще одна метафора говорит об "избрании", при котором душа избрала тело, подобно тому, как Бог избрал еврейский народ согласно иудаизму.

Следующая история говорит о "грехопадении", отделении, бунте ограниченного — вернее, познавшего ограниченность — против вечного. И о последовавшем изгнании, закрепившем их разделенность. Сознание отделилось от бессознательного, и ему стало казаться, что оно живет собственной жизнью. В качестве первого шага этой новой жизни оно сделало себе "одежду из фиговых листьев" — декларацию ограниченности, свой вечный символ. Можно сколько угодно издеваться над этим шагом и последующей историей соперничества сознания с прародителем — например, это похоже на конкуренцию Элочки Людоедки с Вандербильдшей — но это огромный, трагический шаг, постоянно повторяющийся в каждом грехе, т.е. ограниченном действии.

СОН ПРО НАЧАЛО. (С-15, стр. 79)

ВЕЛИЧАЙШИМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ОТКРЫТИЕМ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВА... (К-20, стр. 47)

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ О СЭРЕ ЭЙНШТЕЙНЕ И ЕГО ДРУГЕ СЭРЕ

ЧАРЛЬЗЕ ДАРВИНЕ, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ. (И-34, стр. 120)

К-36. ЕСТЬ ПРОСВЕТЛЕНИЯ, ПОХОЖИЕ на то, как военный служащий расстегивает верхнюю пуговицу мундира. Шея благодарит пальцы. Пальцы уже лезут к пуговицам соседа (соседки).

Есть просветления, похожие на то, как царевна встает из хрустального гроба. Вокруг почетный караул. Она ничего не помнит, особенно про паспорт с просроченной пропиской.

Есть просветления, похожие на то, как клептоман ловит свою руку, прокравшуюся в собственный пиджак, и хвалит ее за смелость, вторую руку — за терпение и скромность, глаза — за внимательность, ноги — за...

ТРУСТНАЯ ИСТОРИЯ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ ЛОШАДИ

Ѓ ИСТОРИИ. (И-17, стр. 95)

РЮНЗЮ СПРОСИЛ У РЭНДЗАЯ... (D-14, стр. 32)

К—37. “Я нахожу только ШЕСТЬ существенно различных МЕТОДОВ ПОБОРОТЬ СИЛУ СТРАСТИ. 1) Можно удаляться от поводов для удовлетворения страсти и делать промежутки времени, в которые страсть не будет удовлетворяться, всё более и более продолжительными... 2) Можно поставить себе законом строгий последовательный порядок в удовлетворении страсти, внеся, таким образом, в нее порядок и заключив в определенные границы... а отсюда можно перейти к первому методу. 3) Можно намеренно отдаться дикому, необузданному удовлетворению страсти, чтобы получить отвращение... 4) Интеллектуальный прием: с удовлетворением соединять какую-нибудь тяжелую мысль... (ад, презрение и т.п.)... 5) Предпринимается передислокация своих сил, начиная какую-нибудь тяжелую, напряженную работу или намеренно выставляя себя чарам нового удовольствия, таким образом, и мысли, и силы направляются в другую сторону... 6) Наконец, кто сможет ослабить всю свою телесную и духовную организацию и привести ее в угнетенное состояние, тот, конечно, этим достигнет цели обессиления отдельной страсти.

...Но на самом деле мы не обладаем силой побороть упорство страсти, какой бы прием мы ни применяли и какой бы успех не имели. Вернее сказать, при всем этом процессе наш интеллект является только слепым орудием другой страсти, играющей роль соперника той, которая мучит нас; желание ли это покоя, страх перед позором и другими дурными последствиями, или любовь. В то время, как мы думаем, что “мы” жалуемся на одну страсть, это в сущности жалуется одна страсть на другую”.

(Ф. Ницше, “Утренняя заря”, 61)

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ – ЭТО Э ЧЕМ ЭТОПРОС (К–11, стр. 43)
ОДНАЖДЫ УТРОМ ПОСЛЕ БЕСЕДЫ... (И–8, стр. 88)

К–38. ОДИНАРНЫЙ УМ СМОТРИТ ТОЛЬКО ВПЕРЕД и видит только фасад.

Двойной ум смотрит хотя бы в две стороны.

У каждого вопроса есть обратка, как у “футболки” — человеческой маски — есть надпись на груди, которую ее обладатель показывает, и компенсирующая надпись сзади, и в ней не то чтобы вся суть, но не меньше половины. Скажем, спереди: “Я ваша до гроба!”, а сзади — “До твоего”.

Искусство смотреть в обратную сторону — искусство демонов.

Вот история просветления Второго патриарха дзэн. Первый патриарх (не правда ли, какое слово!), Дарума, тот, который принес буддизм в Китай, сидел, по своему обыкновению, лицом к стене, когда к нему пришел Эка, жаждавший получить Учение (был ли он согласен на учение?). Эка стоял в снегу, дело было девятого декабря, снег засыпал его по колени, и тогда Дарума спросил его, зачем тот пришел. Первый разговор у них не вышел, и тогда Эка отрубил себе левую руку и положил ее перед Дарумой.

— Ум Вашего ученика не знает покоя, — сказал он. — Я молю Учителя успокоить его.

Дарума ответил:

— Дай мне сюда твой ум, и я успокою его.

— Я искал свой ум, но так и не нашел его, — сказал Эно.

— Тогда я уже успокоил его, — ответил Дарума.

Похожее могло произойти в истории о богаче и раввине. О каком пятне идет там речь? Предположим, о пятне на репутации. Что мог сделать раввин, выйдя из комнаты? Он взмолился об очищении. Что могла ответить ему Вышняя Сила? “Покажи мне это пятно и будешь избавлен”. Но — внутри себя — он не смог найти свою репутацию, и вместе с ней исчезло пятно. Чего, конечно, не произошло для хозяина, “блуждавшего среди болванов”, и ему следовало об этом напомнить.

ПОНИМАНИЕ И НЕ-ПОНИМАНИЕ – ДВА ОЧЕНЬ РАЗНЫХ
ПРОЦЕССА. (К–9, стр. 41)

БОГАТЫЙ ТОРГОВЕЦ ПРИНИМАЛ Э ГОСТЯХ... (D–6, стр. 24)
Э ЗАПАДНОМ ПОНИМАНИИ ИСТИНЫ... (К–16, стр. 46)

К—39. ДА ОБРУШАТСЯ ВСЕ ПРОКЛЯТИЯ АДА на голову того, кто усмехнется и скажет: “Хорошо поддела”. Это вам не реприза, ленивые олухи! Токусан шел за наставлениями к своему учителю, и проиграл, еще не прибыв. Так мой двоюродный дед погиб, не сделав ни единого выстрела, когда только ехал на фронт: разбомбили поезд.

Что делать его внуку? Вот что сделал Токусан — он... впрочем, зачем нам еще одна дзэнская байка? Гораздо лучше сказала об этом Ольга Седакова:

*Велик рисовальщик, не знающий долга кроме долга играющей кисти:
и кисть его проникает в сердце гор, проникает в счастье листьев,
одним ударом, одною кротостью, восхищением, смущением одним
он проникает в само бессмертье — и бессмертье играет с ним.*

*Но тот, кого покидает дух, от кого отводят луч,
кто десятый раз на мутном месте ищет чистый ключ,
кто выпал из руки чудес, но не скажет: пусты чудеса! —
перед ним с почтением склоняются небеса.*

ЕСЛИ ГОСПОДЬ НЕ ВОЗДѢИТНЕТ ДОМ... (М—8, стр. 69)
ОДНАЖДЫ ЖЕНА МАТТИДА ДОЖА БАЭРА УКАЧИЖАЛА
ТОЛОДНОГО РЕБЕНКА... (И—10, стр. 88)

К—40. КОРОЧЕ, МУЖИКИ, Я ТУТ ТАКОЙ ПСИХОТЕСТ ПРИДУМАЛ — зашибетесь. Короче, спрашиваешь: “Вот как ты думаешь: количество красивых женщин в этом мире ограничено или безгранично?” И вот как он отвечает — такой он и есть. Если ограничено — это законченный невротик, ему всё мало, и жизнь в нем едва теплится. Депрессуха. Если не ограничено — это мани, чистой воды. Ему всё мало, и это жадность его безгранична, а не количество красивых женщин. “А зачем человеку так много? Чтобы душе своей навредить”.

“БЫТЬ ИЛЬ НЕ БЫТЬ — ТОТЪ ЧЕМЪ ТОПРОС...” (К—11, стр. 43)
УЧЕНИКИ БААЛ ШЕМА ОДНАЖДЫ... (И—22, стр. 100)

К—41. ЭТО ПОХОЖЕ НА САМУЮ ИДИОТСКУЮ царственную церемонию: вопрос — ответ — просветление (отмечаемое поклоном либо криком). Во что они все игрались?

Что хотел сказать Рэндзай своим ответом? Что просветление не зависит от усилий человека, как приход ветра не контролируется травой? Очень слабая мысль. Возможно, он хотел обратить внимание на то, что это происходит постоянно, не проходит дня, чтобы этого не случилось тысячу раз? Может быть, но и это вяло и слишком нравоучительно. Возможно, он хотел сравнить существо человека с тем, что первично в этой паре — с травой, которая там всегда, в то время как ветер то есть, то нет, неизвестно куда и откуда, да и существует ли он, когда нет травы, чтобы отметить его движение — большой вопрос. Это уже интереснее. Смотрите, этот Рэндзай всё же был умным человеком! Не переоценивал ли он покорность травы? Или настойчивость ветра?

Он хотел вдохнуть в своего ученика так много, что, кажется, порядком его надул.

Ветер пронёсся, трава поклонилась — что может быть прекраснее?

Какое счастье, что там не было моего учителя! Михал Михалыч заставил бы бедного Рюнзю два часа отвечать на вопрос, как уходит просветление. А действительно, как?

Просветление приходит, но ты не там.
Просветление уходит, но этого не заметишь.
Ветер пробегает по траве,
и зажигается костер страданий.

НЕТ ВЕТРА; НЕТ ТРАВЫ... (К-42, стр. 62)
ЧЕТВЕРТЫЙ АКТ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ:
ПОСЛЕ ПРОСВЕТЛЕНИЯ. (К-8, стр. 40)

К-42. НЕТ ВЕТРА; НЕТ ТРАВЫ; есть “ветер-пробегающий-по-траве” или “травы-клоняющаяся-под-ветром”, и это одно и то же. Есть волнение линий, сливающееся с облаком красок. Жук видит это по-другому. На костре страданий горит человек, раскалывающий мир на куски своим дуалистичным мышлением. Он думал его так проглотить, но не вместил желудок, и вот он стоит посреди пережеванного мира, гнусно ощущая себя объектом среди объектов, а ветер-пробегающий-по-траве (или вентилятор-дует-на-занавески)...

А кто зажигает этот костер страданий? Ну-ка, ребята, хором: “МЕНЯ ТАК ВОСПИТАЛИ!”

Молодцы!

ЕСТЬ ПРОСВЕТЛЕНИЯ, ПОХОЖИЕ... (К-36, стр. 58)
РАЗГОВОР С МАМОЙ. (D-10, стр. 28)

К—43. “ТЫ ЭТОГО НЕ ЗНАЕШЬ!” — это песня! Это молитва! Нельзя точнее определить положение невротика по отношению к своему миру. “Ты этого не знаешь” — ты не знаешь, что там, не только за просветлением, но и просто за любой гранью дороги, по которой ты привык ходить. И никакая фантазия тебе не поможет узнать это, и никто тебе не расскажет. На самом деле, фантазия, — которая у тебя, конечно, есть, — сильно затрудняет дело. Ты будешь водить карандашом по придуманной карте, вместо того чтобы встать и прийти туда, и ты будешь убеждать себя, что “становишься ближе” и “скоро уже пойдешь”. Отсутствует опыт, и никакое представление об опыте его не заменит.

“О, если я начну выполнять свои желания — такое будет!...” — “Ты этого не знаешь!”

“Стоит мне дать волю своему гневу...” — “Ты этого не знаешь!”

“А как живут люди, освободившиеся от игр?” — “Ты этого не знаешь!”

“Что такое просветление?”

Ъ ЗАПАДНОМ ПОНИМАНИИ ИСТИНЫ... (К-16, стр. 46)
СТРЕМЛЕНИЕМ К БЕССМЕРТИЮ... (К-30, стр. 54)

К—44. ИДЕЯ ПРОГРЕССА (сказка про вечный прогресс) отвратительна и безобразна. Успокаивает то, что и это благополучно обломается детьми, которые будут рушить наследие отцов. Чем больше прогресса навертят отцы, тем веселее разгуляются дети. Отцы строят коммунизм, а дети бегут в абстрактную культуру. У отцов-культурологов дети приобретают частную собственность. На отцовскую собственность дети морочат весь мир печальной философией, и уже их дети ведут их в концлагерь строящегося коммунизма.

А как же?

ОТЕЦ И СЫН (И-12, стр. 90)
ПОСЛЕ СМЕРТИ МАТТИД ЯЪИЛСЯ К СЪОЕМУ СЫНУ...
(И-25, стр. 104)

К—45. ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ С ОТЧАЯНИЯ. Пока нет отчаяния — корова стоит на лугу и жует травку.

Как может Господь направить корабль слепого мореплавателя? Либо сильным ветром, либо берегом, не пускающим дальше. Отчаяние подобно берегу — так дальше плыть нельзя. Плыви в другую сторону; либо сойди.

Как может душа моя достучаться до меня? (Какие страшные слова.) Ей приходится прибегать к отчаянию. Страна, в которой народ ходит на забастовки, конечно, беднее той, где все уже договорились, но счастливее и свободнее той, где... понятно.

ПРОКЛЯТЫЙ ДОКТОР ЗЕММЕЛЬФЕЙС (и-32, стр. 113)

К—46. ЧЕЛОВЕК СТРЕМИТСЯ ПРОЖИТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ красиво, глубоко и безопасно. Как съесть конфету, не разворачивая обертки.

Обертка, конечно, не то чтобы очень красива, но она... как бы это сказать... **АБСОЛЮТНО СОЦИАЛЬНО ПРИЕМЛЕМА.** Ей Богу, лучший символ нашей цивилизации — обертка. Коробка, пакет, логотип, стикер, наклейка, рекламный щит, проспект, обложка, резюме, аннотация, curriculum vitae, эмблема, сувенир, погоны, косметика.

Когда мне становится трудно, я иногда спрашиваю себя: а в каком мире ты хотел бы жить, в совершенном или в несовершенном? Отвечаю: в несовершенном — и успокаиваюсь.

(А интересно, в совершенном мире — там что, нет обложек? Скорее, там нет конфет.)

Теперь я хочу поделиться, кого я **ПО-НАСТОЯЩЕМУ** ненавижу. Тех, кто, когда я говорю, что написал книгу, спрашивают: “Сколько страниц?”. Они и меня хотят съесть, не раскрывая обложки.

“ЪЫ К ЛЮДЯМ НЕУВАЖИТЕЛЬНО...” (D-12, стр. 31)
МАЛЕНЬКИЙ ЗАКАКАННЫЙ РЕБЕНОК И БОЛЬШОЙ АСФАЛЬТОВЫЙ
КАТОК (D-9, стр. 26)
СОН ПРО ВНЕШНИЙ ГЛАЗ. (C-18, стр. 81)

К—47. СКАЗКА: ДЕВОЧКА И ЗМЕЙ. Красавица и Чудовище, Beauty and Beast. Счастливая концовка заключается в том, что змей оказывается принцем, то есть человеком, и они воссоединяются. Можно представить себе, что не менее счастливый конец может получиться, если девочка превращается в змею.

То-то я смотрю, на психологических группах участники-то всё больше женщины (и чисто женские группы — не редкость), а ведущие — мужчины. Э-э, Александр Борисович! Вы — змей! Что есть ваши теории и разговоры о повзрослении? Да это же соблазнение чистой воды! “И сказал змей женщине: отведай от этого дерева”. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: отделение, индивидуация, изгнание из инфантильного рая. Чего ваши пациентки вполне оправданно и боятся. Они не знают о том, что наги, они не знают, что они отдельны от мира, семей, “личной” и “профессиональной” жизни. А вы их с удовольствием тыкаете в это носом. Причем, естественно, никакие уговоры и объяснения тут не действуют, это и Будда понимал, и Вы прекрасно понимаете. Только личный опыт.

“Что ТЫ чувствуешь?”

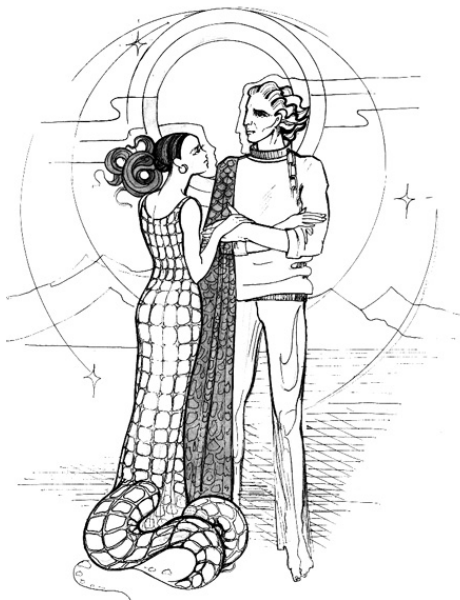
“Что ТЫ думаешь?”

“Да ничего я не думаю, отстаньте...”

— ЧТО ЖЕ, ДЕВОЧКА, — СКАЗАЛ ЗМЕЙ... (D-1, стр. 9)

ЖЕНЩИНА ПЛАКАЛА. (M-5, стр. 67)

ЗУБЫ ДРАКОНА (И-33, стр. 117)

МОЛИТВЫ, ЗАКЛИНАНИЯ, СТИХИ

М—1. “ВЫ ХОРОШИЕ ЛЮДИ. Вы добродетельные, спокойные, честные, добропорядочные граждане. Каждый из вас скорее позволит прострелить себе брюхо, чем ненужным шумом заберет у соседа частичку драгоценного внимания. Внимания хватит на всех, я хороший, ты хороший, и чем ты лучше, тем лучше ты видишь, какой хороший твой сосед. Добродетель умеет молчать. В сущности, ничего больше она не умеет”.

*(Записано в зале банка “Континенталь”
при вооруженном ограблении 15 марта 1995 г.)*

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТРУПТЫ: НАБРОСОК (И—18, стр. 96)

М—2. РОДНАЯ МОЯ МАСКА! Здравствуй долгие годы! Расти, укрепляйся! Пусть они смотрят на тебя, видят тебя, разговаривают с тобой, думая, что со мной. Я так от них устала. Ведь это они тебя создали, и спасибо им за это. Ты стала мне такой родной, такой близкой. Ты — самое лучшее, что у меня есть. Никакой ум, никакие умения не дали мне так много.

Расти, расти моя масочка!
Перерастай меня!
Когда-нибудь я тебя предам.

БЫЛ ТАКОЙ ДОМ МАСОК (И—6, стр. 87)
СОН ПРО МОРАЛЬНОЕ ПАДЕНИЕ. (С—10, стр. 76)
НЕ ДАВАЙ МНЕ ТЕБЯ ОБМАНУТЬ... (М—11, стр. 70)

М—3. Песенка про Либи́до

Я на солнышке лежу,	Рядом львёночек лежит,
Я на солнышко гляжу.	Нежной попкой шевелит,
Всё лежу и лежу,	Только я всё лежу,
Я либи́до сторожу.	Я либи́до бережу.

Носорог-рог-рог идёт,
Крокодил-дил-дил плывёт,
Я на них не гляжу,
Я либидо придержу.

Я на солнышке лежу,
Я на солнышко гляжу.
Всё лежал и лежал,
И либидо убежал.

сон стящей красавицы. (с-з, стр. 72)

М—4. ЗА КАЖДЫМ ПОСТУПКОМ СТОИТ СТРАДАНИЕ.

За каждым поступком стоит страсть.
К ничтожеству. К забытию.
К переодеванию. К невозможному.
К страсти.

шесть методов побороть силу страсти. (к-з7, стр. 59)

М—5. ЖЕНЩИНА ПЛАКАЛА. Её слезы были мертвыми малышами, эмбрионами невыношенной злости, страха.

Попадались мертвые зародыши самой смерти. Эти слезы были тяжелее прочих, и от них ей становилось легче.

Рядом плакавший мужчина плакал старичками, перезрелыми, перегнившими остатками злости, страха. Но некоторые слезы были женскими, почти живыми. Это были слезы о смерти. Теряя их, он хирел, горбился, засыхал.

"ГЛАЗНОЕ, Я СОЗЕРШЕННО НЕ ПЛОМНЮ, КАК ЭСЕ ЭТО НАЧАЛОСЬ..."
(И-14, стр. 93)

М—6. Краткий курс рабской психологии и пигмотерапии

Что есть слабый человек?
Дышать надо тихо.
Слава богу, я не один такой.
Надо быть осторожнее.
Еще осторожнее.
Если я не то скажу, люди могут не то подумать...
Господи, поскорей бы они уже все сдохли и оставили меня в покое!

Пигмотерапия:

Ваша мама уже умерла. Расслабьтесь.

Попрыгайте.

Вы читаете своим детям сказки? Я читаю. Еще.

Перед вами открыты огромные горизонты. Я вам даже завидую.
Вам наверняка завидуют многие.

А?

Интегрируйте свою эмоциональную сферу, и ваша эффективность повысится. А тогда повысится эффективность окружающих по отношению к вам. Ваши взаимоотношения станут гораздо взаимосительнее.

Ведь в вашей жизни есть смысл? В моей есть.

БОГАТЫЙ ТОРГОВЕЦ ПРИНИМАЛ Э ГОСТЯХ... (D-6, стр. 24)
ШЕСТЬ МЕТОДОВ ПОБОРОТЬ СИЛУ СТРАСТИ. (K-37, стр. 59)

М—7. БОЖЕ, СОХРАНИ И УКРЕПИ МОЕ БЕССИЛИЕ! Дай быть мне лучом света, проходящим бесшумно по задворкам памяти! Дай быть мне пылью, Господи... Чтобы не оставил я никакого

следа, чтобы мог касаться крыльев бабочки, проходить как тень пылинок от лампы на полу! Ни врагу, ни другу пусть не достанутся ни слова мои, ни взгляды, ни память обо мне, ни слава, ни дурная, ни хорошая...

М—8. ЕСЛИ ГОСПОДЬ НЕ ВОЗДВИГНЕТ ДОМ — напрасно трудились его строители. Если Господь не хранит город — напрасно усердствовал страж. Напрасно те, что рано встают и сидят допоздна, вкушают хлеб горестей — Господь всё даст своему любимцу во сне.

Господь — вот единственная награда.

Мне не нужно ни дома от Тебя, ни стад Твоих. Только Ты нужен мне, только Ты. Я жажду Тебя одного. Как вино заполняет кувшин так, что в нем нет пустого места, так чтобы я был заполнен Тобой, как чистый сосуд — новым вином.

Я счастлив, что говорю с Тобой.

ПОКА ТОКУСАН НЕ ПРЕОДОЛЕЛ ТРЕПЯТСТВИЯ... (И-9, стр. 88)

М—9. НЕСКОЛЬКО РАДОСТНЫХ ВЕЩЕЙ:
слезы, вдруг оказавшиеся горячей
тела, и мыслей, и повода для встречи;
плечи,
схваченные дрожащими руками;
память
о черешне, съеденной незаметно,
и была ли она съедена — неизвестно.
Ура сумасшествию интеллектуалов,
пыли, пустоте и разрухе музейных залов,
заколоченной крест-накрест двери,
пуле, входящей в тело Берии.

КОГДА ДОКЕН СПРОСИЛ У ЭЙНЕНУ: "ЧТО ТАКОЕ
ПРОСВЕЩЕНИЕ?"... (D-15, стр. 32)

М—10. ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ, БЛАГОДАРИЮ, что создал меня таким. Благодарю за каждую часть моей плоти, за руки, за глаза, за кожу. Господи Боже мой, из праха, из ничего создал ты меня и дал чувствовать себя каждый миг и целую жизнь. За каждую руку, за каждый палец, за каждый лоскуток гладкой и шершавой кожи — как благодарить тебя, Создатель? Великое чудо ты

совершил. За голос, что зовет к тебе — благословен будь! За страсть и покой — благословен будь! Чудо уже произошло — благословен будь!

(Сразу после мастурбации).

СОН КОМПОЗИТОРА. (С-6, стр. 74)

М—11. НЕ ДАВАЙ МНЕ ТЕБЯ ОБМАНУТЬ,

не давай лицу, которое я ношу, тебя обмануть,
ведь у меня тысячи масок, и я их боюсь снимать,
и не одна из них не есть я.

Притворство — моя вторая натура.

Не давай мне тебя обмануть, ради Бога, не давай.
Всегда спокоен, я владею собой, и никто мне не нужен.

Но не верь мне, пожалуйста.

На поверхности я кажусь спокойным, но это лишь маска.
Под ней нет довольства, под ней я в смущении и в страхе
и одинок.

Но я скрываю это. Не хочу, чтобы кто-нибудь знал.

Я в панике. Вдруг мои слабости и страх проявятся.

Вот почему я надел маску.

Она помогает мне притворяться, закрывает
от пытливых взглядов,
но, может быть, такой взгляд — мое спасение,
мое единственное спасение.

И я знаю это.

Да, да, если за ним — одобрение, если за ним — любовь.

Только это заставляет меня поверить в то,
во что я не могу поверить.

Что я стою любви.

Но я тебе не могу этого сказать. Не осмеливаюсь, боюсь.
Я боюсь, что ты взглянешь — и не примешь, не полюбишь меня.

Поэтому и играю я в эту игру.

За маской уверенности — дрожащий ребенок.

Так начинается парад масок.

Моя жизнь становится полем боя.

Кто же я? — спросишь ты. Я тот, кого ты хорошо знаешь.

Я — каждая встречная женщина.

Я — каждый встречный мужчина.

СОН ПРО МОРАЛЬНОЕ ПАДЕНИЕ (С-10, стр. 76)

**М—12. ЕСЛИ ПЕРЕСТАТЬ СОБИРАТЬ БЛЕСТЯЩИЕ
МОНЕТКИ,**

и думать, что вода в душе — не живая,
то уже и стреляться не нужно.

ЗАМАНУХА (D-7, стр. 24)

БОЛТАЮТ ДЖА МАЛЫША... (D-11, стр. 31)

**М—13. ЗАЖИГАЮ СВЕЧУ, будто слово
осторожное выдыхаю.**

И его никто не услышит,
и свеча никогда не погаснет.

"ГЛАЗНОЕ, Я СОБЕРШЕННО НЕ ПОМНЮ, КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ..."

(И-14, стр. 93)

М—14. САМОЕ СТРАШНОЕ — ЭТО ПРАВИЛЬНЫЕ СЛОВА.

О собрат психолог!
Закрой свой вонючий рот!

*МАЛЕНЬКИЙ ЗАКАКАННЫЙ РЕБЕНОК И БОЛЬШОЙ АСФАЛЬТОВЫЙ
КАТОК (D-9, стр. 26)*

СНЫ

С—1. Первый сон

Мне снилось, что передо мною — чучело половины тигра. Кто-то объясняет мне, что оно очень тяжелое — я пробую поднять, но не могу или только чуть-чуть приподнимаю. Я спрашиваю, почему, и мне объясняют: оно всё многократно прошито нитками, сделанными из тигровой шерсти, так что на самом деле здесь гораздо больше шерсти тигра, чем кажется. Возможно, это нужно контрабандистам.

КНИГА О ДЗЭН – ЧУЧЕЛО ТИГРА. (К-25, стр. 50)

С—2. Второй сон (в пустыне)

Я иду по дороге, у которой стоит нищий. Кто-то дает мне денег, чтобы я мог подать этому нищему. Я мешкаю, и нищий исчезает. В руке у меня остаются деньги; я присматриваюсь и вижу: ого, да это больно крупные монеты для нищего!

"ТЫ ЦАРЬ; ЖИЗНИ ОДИН..." (К-31, стр. 54)

"МИТЯ, ПРИЗЕТ! ТВОЙ СОН В ПУСТЫНЕ..." (К-32, стр. 55)

С—3. Сон Спящей Красавицы

Итальянская, южная дорога. Вечнозеленые деревья, золотой песок, голубое небо. Маленькая девочка сидит у дороги и плачет. Я подхожу, хочу ее утешить. Как-то спокойно я замечаю, что это моя мама. Сидит, такая маленькая, и плачет. Я ее утешаю, глажу по голове, говорю ей:

— Что ты, моя маленькая?

Она всхлипывает:

— Мне страшно, мне страшно тут одной.
— Почему тебе страшно?
— Я расту. Я расту, скоро я стану старой и никому не нужной.
— Так ты хочешь вечной молодости? — спрашиваю я. Причем опять, я так спокойна, как будто точно знаю, что нужно делать.
— Хочу вечной молодости, хочу вечной молодости! — причитает она, и я помню еще, что на секунду подумала: да знает ли она, такая маленькая, что такое вечная молодость? Я опускаюсь рядом с ней на песок и говорю:
— Хорошо, будет тебе вечная молодость. Я буду жить с тобой, я буду твоей дочкой, и пока я буду маленькой, ты будешь молодой.
Она смотрит на меня и говорит:
— Спасибо, — и первый раз, так несмело, гладит меня.
— Давай делать воздушные пузыри для мужчин.
— Давай.

Мы сидим рядышком на песке и выдуваем пузыри, на которых нарисованы жирные красные губы. К нам приближаются мужчины, они пытаются обнять пузырь, он лопается, мы орем: “Нет!!” и хохочем.

Потом она кормит меня из бутылочки, вначале чем-то белым, затем чем-то красным.

СТРЕМЛЕНИЕМ К БЕССМЕРТИЮ... (К-30, стр. 54)
НАСТОЯЩАЯ ИСТОРИЯ СТЫЖЕЙ КРАСАВИЦЫ. (И-2, стр. 85)
КОШМАР АМЕРИКАНСКОГО БИЗНЕСМЕНА, ПЛАНИРУЮЩЕГО
КРУПНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В РОССИЙСКИЙ РЫНОК (С-8, стр. 75)

С-4. Я СИЖУ В КВАРТИРЕ. ИЗО ВСЕХ ЩЕЛЕЙ ДУЕТ. С потолка капает. Оно капнет, я говорю: “Кап!”. Прибегает теща, начинает кричать: “Какой ужас!” еще с порога. Я вскакиваю, становлюсь перед ней в дверях, так, чтобы заслонить квартиру, и говорю: “Всё нормально, какой там ужас, всё чики-чики” — и так плечом ей обзор затемняю, лишь бы, думаю, не увидела лужу, которую накапало посреди комнаты.

И тут вдруг замечаю, что стою я перед ней голый, в одних трусах и ботинках. Блин! Пузо торчит, трусы какие-то розовые... Я весь аж скукоживаюсь от неудобства — и просыпаюсь.

СТРАХ ПЕРЕД ЖЕНЩИНОЙ – СТРАХ ПЕРЕД ДУМОЙ.
(К-27, стр. 52)

С—5. Сон о гениальном психотерапевте

Я — на группе у Александра Борисовича, причем проходит она в каком-то пансионате и проводится довольно странно: каждый приходит по одному в комнату к А.Б., и он с каждым говорит отдельно, как бы дает индивидуальные наставления. Вот приходит моя очередь, я прохожу в его комнату. А.Б. стоит у окна, я сажусь в кресло. Я начинаю говорить ему что-то, но вижу, что его лицо становится всё скучнее и скучнее, он отворачивается. Тогда я внезапно говорю: “Я знаю, что мне надо делать”. Он поворачивается ко мне: типа, ну? Я говорю: “Но я боюсь”. Тогда он вытаскивает из кармана конфету — мне кажется, леденец, — и говорит, очень явственно: “На, скушай конфету. Но обертку не разворачивай”. Я беру конфету, послушно засовываю в рот, и со вкусом бумаги просыпаюсь.

ЧЕЛОВЕК СТРЕМИТСЯ ПРОЖИТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ... (К-46, стр. 64)

С—6. Сон композитора

Я лечу прямо под облаками и вижу, как моя тень падает на стекло душией подо мной машины. Водитель недоволен, он сворачивает, вылетает по шоссе, но мне ужасно весело, я лечу за ним, и тень все время на переднем стекле авто. Он останавливает машину, выбегает на обочину (он же видит, что там солнце), но я тут как тут — опять заслоняю его тенью. Тут он в ярости поднимает голову и видит меня. Я машу ему руками, чтобы он летел вверх ко мне и еще так показываю, как надо махать руками, как крыльями, чтобы взлететь. Он пробует, поднимается немного, но потом опускается и показывает на машину — мол, нельзя ее так оставить. Я направляю на машину палец, стреляю — и она исчезает. Он в ужасе: лезит по земле, где стояла машина, бегает, мечется во все стороны. Я делаю пальцем “пух!”, машина опять появляется, он в счастливом изнеможении прислоняется к ней. Я еще зову его, но его уже не дозовешься. Ну и черт с ним. Я улетаю.

РЮНЗЮ СПРОСИЛ У РЭНДЗАЯ... (D-14, стр. 32)

С—7. Я СТОЮ НА УГЛУ в ожидании некой важной встречи. Жду уже довольно давно, разглядываю витрины, траву. Вдруг я вижу, как на другой стороне улицы появляется тот, кого я жду. Но он не спешит ко мне. Я вижу, как он подходит там к какому-то парню, здоровается, тот узнает его, горячо жмет руку. Батюшки — тот парень — это же я! Они идут бок о бок по тому делу, ради которого встретились, заходят в кафе. С огромным облегчением я провожаю их взглядом, ощущаю сумасшедшую легкость, прыгаю и бегу покупать мороженое.

Я проснулся, повторяя: “В нашем театре закончился клюквенный сок”.

Был такой дом масок. (И—6, стр. 87)

С—8. Кошмар американского бизнесмена, планирующего крупные инвестиции в российский рынок

Я сижу на лошади перед дворцом Спящей Красавицы. Какое-то мгновение вокруг — застывшая картинка: я, одетый в цвета национального флага, дворец сумасшедшей величины, пространство перед ним, всё заросшее кактусами. Потом картина оживает: ко мне подбегают какие-то монстры паукообразного вида с погонями на плечах, я их рублю саблей. Начинаю прорубаться через заросли. Время от времени вместе с кактусами рублю разных стражей. Наконец, добираюсь до дворца. Там уже нет кактусов, зато стражников больше и почти темно. С боями добираюсь до главной опочивальни. Около нее — два гигантских молодца, я их пугаюсь, подкрадываюсь, но оказывается, что они восковые. Захожу в спальню. Она в том же полумраке, что и весь дворец, только в конце комнаты (она длинная), где стоит альков, горит свет. Я приближаюсь к ложу царевны. Гордо, гремя сапогами, я подхожу к постели...

На постели лежит Владимир Ленин. Это внутренность Мавзолея. Тихо-тихо, на цыпочках, чтобы не разбудить, я пробираюсь обратно к выходу.

*Настоящая история спящей Красавицы. (И—2, стр. 85)
Идея Протресса (К—44, стр. 63)*

С—9. Альтернативный сериал “Кошмары Александра Борисовича”

Поймали враги мальчика Сашу Гранкина, посадили в клетку. У всех у них глаза пустые, грудь пустая, вместо сердца — лампочка на проводе. Самая главная врагиня — Ида Матвеевна, и у нее и кожа-то не видно, все паутиной заросло. Говорит: “Будем тебя мучить, кожу щипать и выкручивать, сверлить и сердце из тебя вырвем. Станешь ты у нас членом коллектива”. А Саша в сторону смотрит, из последних сил, там всё же небо и деревья. Зубы сжал, мускулы сжал, чтобы сердце не выскочило. А члены коллектива пустоглазые всё стараются ему на глаза попасться и чувства высосать.

счастливым концом (и—35, стр. 130)

С—10. Сон про моральное падение

Я прихожу в иностранное кафе. Я знаю, что я связная, и в этом кафе я должна встретиться с агентом. Захожу туда, вижу массу арабов (это арабское кафе), которые сидят за всеми столиками. Сразу замечаю столик агента, к которому я пришла.

Он сидит за ним один, и на всем столе стоит только одна чашка кофе. Я подхожу к нему и вижу, что этот агент — мой старый друг, которого я не видела много лет. Я так радуюсь этому, что забываю о всякой конспирации. По идее, я должна сесть за этот столик как бы незаметно, но я так рада его видеть, что сразу называю его по имени и сажусь к нему. Он делает мне знаки, что-то вроде “Дура, сейчас всё провалишь”, но я громко разговариваю, мне ужасно хочется болтать с ним.

Потом я смотрю на его стол и думаю: “Почему он ничего не ест, у него только одна чашка кофе”. Тогда я вспоминаю, что у меня есть передача для него, такой пакет. Я лезу в сумку и достаю этот пакет. Он завернут в иностранную газету. Я передаю этот пакет через стол ему (хотя понимаю, что, наверное, должна была сделать это как-нибудь тайком), и делаю это как-то неловко, так, что газета рвется в одном месте. Через это порванное место я вижу, что там лежат деньги — пачки каких-то иностранных банкнот. Он, кажется, опять делает мне знак, типа “Ну что ты делаешь, всё пропало”, но я

понимаю, что уже поздно, все всё уже увидели, и мне всё равно хорошо, что я передала ему эти деньги, и теперь он сможет себе купить что-нибудь получше кофе (причем его чашка наполнена одной гущей, до краев). Тут я, наверное, и просыпаюсь.

ПЕРВЫЙ АКТ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ:

АГЕНТЫ В МАСКАХ. (К-5, стр. 38)

ТРЕТИЙ АКТ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ:

МОРАЛЬНОЕ ПАДЕНИЕ. (К-7, стр. 39)

С—11. Сон легионера

Иду к товарищу Ершову. Он живет в 38-й квартире. Подхожу к двери, там табличка:

К товарищу Ершову

А рядом еще табличка:

В кв.38 — 38 звонков,

В кв.39 — 39 звонков.

Жму звонок. Он открывает. Я знаю, что пришел к нему под видом доктора, должен его осмотреть. Я прохожу в его комнату, говорю: “Раздевайтесь”. Он снимает какой-то огромный, безразмерный свитер. На руке у него написано:

НЕ ЗАБУДУ МАТЬ РОДНУЮ, ТЕЛ. 43—18—89.

На попе другая татуировка:

Я ТЕБЯ НИКОГДА НЕ УВИЖУ.

Я что-то ищу, осматривая его, но никак не нахожу. Наконец врубаюсь: оно же на лбу. Ага: на лбу у него кнопка звонка. Около нее опять табличка:

К товарищу Ершову

Я жму. Открываются ворота, и жуткий голос произносит:

— Ершова кому?

Я смело отвечаю:

— Мне.

Оно говорит:

— Ищи.

Я бросаюсь искать. Я знаю, что если я не успею найти до какого-то момента, то ворота захлопнутся. Но Ершова нигде нет. Есть

обрывки людей: у кого нет ноги, у кого головы. Каждый притворяется, что он и есть товарищ Ершов. Жуткая лажа. Я начинаю стрелять по ним по всем из пистолета. Кто-то разбегается, а кто-то сладостно говорит “Еще!” и распахивает передо мной одежду. Я просто зверею. Начинаю орать: “Ершов!”, и он вдруг отзывается: “Аюшки!” Я кричу: “Ты где?” А он так лениво говорит: “Щас выйду”. Я ору: “Быстрее!”, а он: “А подергай вон там”. Я поворачиваюсь — там висят какие-то толстые, отвратительные колбасы. Я ору ему изо всех сил: “Пошел ты!... Не буду я дергать!” Бегу обратно, пока не захлопнулись ворота. Теперь он бежит за мной: “Подожди!” Но я уже выбегаю, счастливый, что успел выбраться. Вся злость прошла. Я облегченно вздыхаю: “Ф-фух”, стираю со лба пот... Просыпаюсь. Так хорошо.

О ГЛУБИНЕ ЗАИМОПОНИМАНИЯ. (И-30, стр. 109)
КРАСАВИЦЫ И МИЛИЦИОНЕР. (И-31, стр. 110)

С—12. Сон проститутки-пушкиноведа

Мне приснилось, что я — на конференции пушкиноведов. После открытия и торжественной речи всем раздают по Пушкину. Я думаю, что это, наверное, будет шоколадный Пушкин, вроде медвежонка, но это оказываются такие куклы, как Барби. Я беру своего Пушкина-Барби за волосы и тихонько ломаю. Так, чтобы никто не видел, у всех соседей тоже свои пушечные куколки, они ими восхищаются, показывают друг другу, двигают их ручками, ножками, ну, в общем, все в восторге, и я тоже, только я зажимаю своего Пушкина между ногами, вырываю волосы, выкручиваю руки, пытаюсь нашарить член, но его нет, и тогда я откусываю ногу и жую, с диким кайфом, просто обжирюсь, причмокиваю, вся такая счастливая, и тут вижу лицо соседа — или соседки — с вытращенными на лоб глазами — и просыпаюсь.

КОНЕЦ КАРЬЕРЫ ПСИХОТЕРАПЕВТА. (К-26, стр. 51)

С—13. ХОРОНЯТ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ. Причем они умерли уже давно, но хоронят их только сейчас. В открытую могилу я бросаю свои цепочки, кольца, заколки. Потом могилу зарывают.

Я не поднимаю головы, но знаю, что землю кидают мои самые близкие люди. А потом я взлетаю, меня подхватывает и несет ветер, высоко над землей. Вдруг вижу: из облака высовывается пятка. Я подлетаю и шекочу ее. И хохот — я даже не знаю, чей это, он как бы и мой, и идущий сверху, или, может, снизу — вот этот хохот, он заполняет собой всё. И куда я ни посмотрю — везде огонь.

Когда я проснулась, я точно и живо всё это помнила и еще повторяла: “Поляны, поляны”.

ПОСЛЕ СМЕРТИ МАТТИД Я ЖИЛСЯ К СВОЕМУ СЫНУ... (И-25, стр. 104)

С—14. В ДОМЕ МОЕМ ПОСЕЛИЛСЯ ТРУПИК. Я кормлю его сладостями. Он очень забавный, с синим хвостиком.

Мы сидим и играем с ним на дворе нашего дома: строим из ящиков какое-то возвышение. Потом он залезает наверх, становится в такую гордую позу, как царь, и стоит там. Я поднимаю голову — почему-то мне его плохо видно, как будто он стоит против солнца — я поднимаю голову и вижу, что у него на голове — шлем с перьями, как у австрийского императора, и перья невысказанной высоты, с дом. Я думаю: ну ничего себе! — и лезу за ним. Но никак не могу долезть, гора оказывается какой-то складчатой, я проваливаюсь в щели между ящиками. Короче, скоро я оказываюсь в каком-то таком месте, что ни вверх, ни вниз. Я еще думаю: ничего себе видик со стороны, наверное, это похоже на такой мемориальный памятник победителю, где фигура наверху, а по бокам — деяния.

ЕСЛИ ПЕРЕСТАТЬ СОБИРАТЬ БЛЕСТЯЩИЕ МОНЕТКИ...

(М-12, стр. 71)

СОН ПРО ВНЕШНИЙ ГЛАЗ. (С-18, стр. 81)

С—15. Сон про начало

Два огромных зверя кусают друг друга за хвосты. Они оба зеленые, громадные; у одного золотистые (оранжевые?) глаза; у другого лица как бы не существует.

Долго, топчась на месте, они жуют друг другу хвосты.

Потом начинают толкаться мордами.

Потом у них вырастают пасти, становятся длинными, как у крокодилов, и они кусают друг друга за нижние челюсти.

А я — маленькая — прячусь где-то рядом, я сижу в земле, и они постепенно ко мне приближаются. Я боюсь. Лапы их топчутся так близко, что я зажмуриваюсь. И одна лапа — бах! — наступает на меня.

Темнота.

И я вижу, как зеленой искоркой прохожу по лапе, внутри, по сплетению артерий, вхожу к нему в живот и растворяюсь. Я заполняю зверя изнутри, я становлюсь им, то есть ею, теперь я знаю — это самка. Я вхожу во владение мускулами и топчусь, и вижу оранжевые глаза другого...

МЕЗОЗОЙСКАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ. (и-27, стр. 105)

С—16. Сон юного горожанина

Геббельс пришел ко мне и говорит: “Чувак, выходи за меня”. Я достал говномет и выстрелил ему в рыло. Меня пытаются в гестапо. Я, оказывается, польский разведчик — Ежи Валенса.

Юрмала. Берег Балтики. Подводная лодка. Капитан — Суворов Александр Васильевич машет мне рукой. Слышу за спиной “Фая”.

Геббельс дает отмашку. Качусь по песку. Мертвый Паулс поет какую-то мелодию. Режиссер кричит “Стоп”.

Больница. Я совокупаюсь с санитаркой. Поллюция.

ПРОКЛЯТЫЙ ДОКТОР ЗЕММЕЛЬФЕЙС (и-32, стр. 113)

С—17. Сон про мою женитьбу

С моим мужем мы приходим в огромное здание. Одеты скромно и очень опрятно. Посреди зала — стол, там сидит какой-то огромный и рыхлый человек. Мы останавливаемся и кланяемся ему до земли. Видно, что мы ему неприятны. “Ну?” — спрашивает он.

— Да вот, — говорит мой муж, — Вы нам извините, что мы к вам обращаемся. Мы сами люди не местные... — Он уже совсем опускает голову и бормочет в пол. — Разрешите жениться...

— Вчера познакомились? — вопрошает туша.
— Уже год, — быстро отвечает муж.
— Значит, в грехе жили, — морщится оно. — Ну, люди не местные, у вас прописка-то есть?
— Временная, — муж подает документы.
— А жениться хотите постоянно? Неувязочка.
Мы молчим, подавленные его правотой. Я боюсь.
— Ладно, — наконец выскрипывает чудище (я не смотрю на него, и мне кажется, что у него три головы). — Регистрирую брак. Вас как зовут?
— Я — Михаил, — говорит муж.
— Я — Светлана, — говорю я.
— Вы теперь не я и я. Вы теперь мы!
— Понимаем, — мы быстро-быстро кланяемся и пятимся назад.
— Понимаем: мы теперь вы...

Тут сзади раздается грохот, свист, крики, мы оборачиваемся: там стол размером с площадь, конца-краю не видно, и там справляют нашу свадьбу. Они орут: “Лук да морковь — совет да любовь!” — и кидают в нас луком и морковкой. Скоро их вырастает гора, и я понимаю, что мне всё это нужно будет чистить... Мне становится совсем худо, я сжимаю зубы и просыпаюсь.

ЭТЮД О НЕПОСРЕДСТВЕННОМ САМОВЫРАЖЕНИИ. (D-13 стр. 32)

С—18. Сон про внешний глаз

Мама подарила мне внешний глаз, она это так называет, хотя я не очень понимаю, что это такое. Помню, что он круглый и всё время смотрит. Я бегу во двор и закапываю его в песочницу. Тут приходит мама и говорит, чтобы я его немедленно вырыл. Я не хочу, пытаюсь убежать, но мне очень трудно двигаться, и она меня ловит и держит. Вместе мы откапываем этот глаз, и она всучивает его мне, я понимаю: мамин подарок, иду, сжимая его, и ничего не вижу из-за слез...

ТОЖОРИЛА В ДЕТСТВЕ МАМА МНЕ И БРАТИКУ... (K-21, стр. 48)

С—19. Сон про общее дело

По огромной площади какого-то города прогуливаются люди. Это похоже на праздник. Все как бы гуляют и одновременно чего-то ждут. Я тоже гуляю по площади. Гуляю. Гуляю. Жду. Людей становится всё больше, так что даже трудно ходить.

Внезапно по краям площади начинают работать с жутким ревом комбайны или трактора, что-то вроде огромных снегоуборочных машин. Такими щитами они сдвигают людей к середине, утрамбовывают в толпу. Площадь становится маленькой, мне даже кажется, что это — комната.

Откуда-то начинает звучать громкий голос, читающий что-то вроде праздничной речи. По-моему, он просто всё время повторяет: “Да здравствует общее дело, ура! Да здравствует общее дело, ура!” Появляется какой-то ритм. В этом ритме я начинаю пританцовывать и оглядываться. Мои соседи заняты кто чем. Стоит дядька с длиннющими усами и двигает ими: одним обнимает свою подружку, второй (когда он двигает носом и губой) тайком лазает по ее жакету. Дети с жуткой скоростью меняются жеваными жвачками. Девушка снимает с шеи медальон, раскрывает, начинает рассматривать: там аккуратно перевязаны пряди волос (наподобие набора маленьких катушек с нитками): жесткие черные, курчавые рыжие, хлипкие седые...

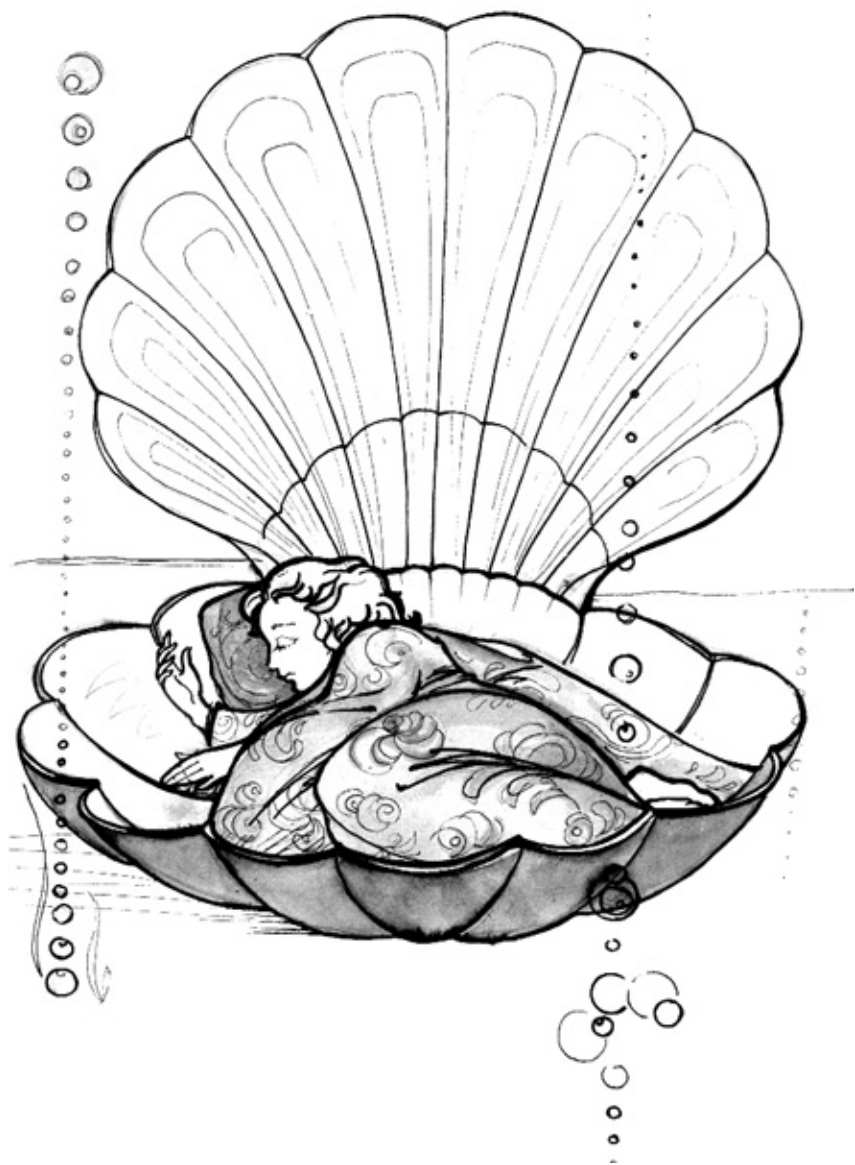
Я не понимаю: чего они отвлекаются, мы же открываем памятник общему делу. Меня уже всего крутит от этого ритма, а соседи спокойны, как будто привыкли.

И вот посередине площади или комнаты я вижу фигуру, накрытую брезентом. Я знаю, что это — памятник общему делу. Подходят служители, стаскивают с памятника брезент. Там стоит дракон, только он не каменный, а живой. Тут же он начинает жевать тех, кто стоит поближе. Но никто не кричит, даже не волнуется, все улыбаются, как будто так и надо. Многие, перед тем как их жуют, целуют дракона в морду. Он сияет улыбкой, все смеются и улыбаются. Меня трясет дрожь.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СЕРИАЛ “КОШМАРЫ
АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА”. (С—9, стр. 76)

С—20. Сон про теленка

В комнате накрыт шикарный стол. Я сижу возле него верхом на теленке. Теленок жует скатерть с угла, медленно поглощая ее вместе с блюдами. Я пытаюсь его отпихнуть от стола, не для того чтобы прогнать, а чтобы показать ему, что можно есть сами кушанья, без скатерти, но он мычит, не выпуская скатерти изо рта. И я понимаю, что если он уже взялся с одной стороны, то фиг его собьешь с дороги.

ИСТОРИИ

И—1. ПРИНЦЕССА НУРАБ-АЛЬ-МАШДИ ВОРОТИЛА СВОЙ ПРЕЛЕСТНЫЙ НОСИК от каждого потенциального жениха. Казалось, мужчины не вызывали в ней никаких чувств, кроме легкого чувства отвращения. Дабы подкорректировать положение, отец отправил ее в Париж, дав ей в напарницы мудрую воспитательницу. На прогулке по Монмартру та завела с принцессой разговор, нравятся ли ей хоть какие-нибудь мужчины. Принцесса ответила: “Отчего же. Молодой, белокурый, голубоглазый, широкоплечий парень вполне мог бы увлечь меня”. И надо же было такому случиться, что именно в эту минуту проходил мимо них как раз такой молодой человек, какого описала принцесса. Наставница подтолкнула ее в бок: “Так тебе нравится вон тот?” Принцесса протянула: “Да...” И вдруг прохожий стал ковырять пальцем в носу. И принцесса сказала:

“Уже не нравится”.

СОН СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ (С-3, стр. 72)

И—2. Настоящая история Спящей Красавицы

Жила-была спящая красавица.

Спала она себе, спала. Пришел принц, поцеловал ее.

И тоже уснул.

И спали они долго и счастливо.

ПЕСЕНКА ПРО ЛИБИДО (М-3, стр. 66)

СУМОЧКА С НЕЖНОЙ КОЖЕЙ. (D-8, стр. 25)

И—3. КАКТУС РОДИЛ КАКТУСЁНОЧКА.

Ему было глубоко до лампочки, мальчик он или девочка.

ОН родил. Кактусёнка.

Из чистого принципа.
По любви.

МЕЗОЗОЙСКАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ. (И-27, стр. 105)

И—4. “Я РАССКАЗАЛА НА ГРУППЕ СОН, который мне приснился, что моя кошка родила котят, и вместо того, чтобы кормить их, она начала их пожирать. Во сне я подумала: “Бедные котята” — и начала давить их ногой, чтобы кошка не съела. Я вышла работать с этим сном, стала кошкой, стала ногой, а котятами не могу стать, хочу — и не могу. Блин, как я намучилась. Полчаса или час мы толкли воду в ступе, потом я уже говорю: “Давайте я сяду на место, я больше не могу, я всё равно ничего не понимаю”.

Он говорит: “Всё ты понимаешь”.

Я говорю: “Тем более”.

Он говорит: “Хочешь понять сон?”

Я говорю: “Да”.

Он: “Хочешь меня слушаться?”

Я: “Да”.

Он: “Хочешь нравиться?”

Я: “Да”.

Он: “Хочешь любить?”

Я: “Да”.

Тогда он: “Значит, ты мой раб”.

Я: “Чего-о?”

Он: “Ладно, стань котятами”.

Я: “Не буду”.

Он: “Правильно, лучше их передавить к чертовой матери”.

Я: “Вот и передавлю”.

Он: “И себя заодно”.

Я: “И себя заодно”.

Он: “Ну что, почувствовала себя котенком?”

Блин, как я расплакалась! Как он меня утешал! И все!

А потом на вечеру после группы я подошла к нему, села на колени и замаякала”.

ЖЕНЩИНА ПЛАКАЛА. (М-5, стр. 67)

И—5. ОДИН ХАСИД ЛЮБЛИНСКОГО РАВВИ постился однажды от субботы до субботы. Накануне субботы он почувствовал такую сильную жажду, что едва не умер. Пошел он к колодцу и

уже хотел напиться, но подумал, что, не желая потерпеть немного до наступления субботы, губит весь недельный пост. Переборов себя, он не стал пить и отошел от колодца. И тут охватило его чувство гордости за то, что он устоял перед таким искушением. Но, обдумав всё, затем решил: “Лучше пойду и напьюсь, чем дам гордости завладеть моим сердцем”. И пошел к колодцу. Но как только зачерпнул воды, жажда прошла. С наступлением субботы он пошел в дом учителя. Как только он переступил порог, равви крикнул ему: “Лоскутное одеяло!”

**БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ – ЭТО Э ЧЕМ ЭТОПРОС (К-11, стр. 43)
ДЕРЕВО С ОТКЛОНЕНИЯМИ (И-29, стр. 108)**

И—6. БЫЛ ТАКОЙ ДОМ МАСОК. В нем работал миллион людей. Входя туда, каждый должен был надеть маску, а выходя, оставлял ее на вешалке. Однажды ночью Дом качнуло землетрясением, маски попадали и перемешались. Но у многих маска давно отпечаталась на лице. Эти наутро легко отыскивали свои маски и пошли работать. А остальные обрадовались и разбежались.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ГРУППЫ: НАБРОСОК (И-18, стр. 96)

И—7. Несколько болванов

Когда Му-Чу, идя по дороге, поравнялся с шедшим мимо него монахом, он окликнул его:

— Почтенный господин!

Монах обернулся.

— Болван, — заметил Му-Чу, и каждый пошел своей дорогой.

Этот анекдот был записан несколькими монахами и много лет спустя подвергся критике со стороны некоего Цзю-Ту, который говорил:

— Глупый Му-Чу не прав. Разве монах не обернулся? С какой стати он назвал его болваном?

Позже Ю-Тань, комментируя эту критику, сказал так:

— Глупый Цзю-Ту ошибался. Разве монах не обернулся? Отчего же не назвать его болваном?

**ПРЕЖДЕ ВСЕГО: СКОЛЬКО ЖЕ ЭТОЙ ИСТОРИИ БОЛВАНОВ?
(К-4, стр. 37)**

И—8. ОДНАЖДЫ УТРОМ ПОСЛЕ БЕСЕДЫ с монахами к Ю-Шаню приблизился монах и сказал:

— У меня есть одна проблема. Не решишь ли ты мне ее?

— Я решу ее во время следующей беседы, — ответил Ю-Шань. Вечером, когда все монахи собрались в зале, Ю-Шань громко объявил:

— Монах, который сказал мне сегодня утром, что у него есть проблема, пусть немедленно подойдет ко мне.

Как только монах вышел вперед, чтобы предстать перед собравшимися, Мастер встал и грубо сказал:

— Посмотрите, монахи, у этого парня есть проблема.

Затем он оттолкнул монаха в сторону и возвратился в свою комнату, так и не проведя вечерней лекции.

КОНЕЦ КАРЬЕРЫ ПСИХОТЕРАПЕВТА. (К-26, стр. 51)

Я ТОЖЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ЧТО-ТО СКРЫТЬ. (К-28, стр. 53)

ОСНОВНОЙ НЕДОСТАТОК КНИТИ... (К-18, стр. 46)

И—9. ПОКА ТОКУСАН НЕ ПРЕОДОЛЕЛ ПРЕПЯТСТВИЯ, он был жаждущим и устремленным, у него была цель, он шел на юг, чтобы развенчать “особую передачу истины за пределами сутр”. Добравшись до деревни, он попросил у пожилой женщины немного еды, чтобы “подкрепить ум”. Старуха спросила у него:

— Ваша милость, какие писания вы с собой несете?

— Это мои заметки и комментарии на “Алмазную сутру”, — ответил Токусан.

— В этой сутре есть слова: “Проявления ума, или разновидности мышления, будь они прошлыми, настоящими или будущими, в равной мере иллюзорны”. Какие из этих проявлений ваша милость собирается подкреплять?

Токусан промолчал.

ДА ОБРУШАТСЯ ВСЕ ПРОКЛЯТИЯ АДА... (К-39, стр. 61)

И—10. ОДНАЖДЫ ЖЕНА МАГГИДА ДОВА БАЭРА УКАЧИВАЛА ГОЛОДНОГО РЕБЕНКА, который был настолько слаб, что не мог даже плакать. Тогда — первый раз в жизни — маггид затосковал. И сразу же раздался голос, сказавший ему:

— Ты лишен своей доли в грядущем мире.

— Что ж, — сказал маггид, — я получил по заслугам. Теперь я могу начать служить совершенно серьезно.

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ОТЧАЯНИЯ. (К-45, стр. 63)

И—11. — ПАПА, МНЕ ПРИШЛА МЫСЛЬ. Можно?

— Конечно, нет, доченька.

Подзатыльник.

Обед, в сущности, уже кончился. Папа встает из-за стола:

— Спасибо мамочке за ее хлопоты и страдания. Алена, я хочу с тобой поговорить.

Дочка остается с папой на кухне. Скрипит дверь. Папа теребит вилкой забытую змейку-макаронину.

— В общем, вот что, хорошая моя. Мне надоели все эти бесконечные подзатыльники и окрики. Ты у нас не первая, и мы уже порядком устали с мамой и воспитывать, и наказывать, и ругать.

Алена теребит косичку. Никто не знает, о чем она думает в эту минуту. Что интересно, и то, о чем думает папа, — тоже полная тайна. Известно, что он говорит:

— Тебе пора самой становиться взрослой. Пойдем, я покажу тебе, как это делать.

Алена с папой выходят в коридор. Там мама бьет себя мокрой тряпкой по лицу и зажимает рот, чтобы не кричать. Это привычная картина, они не задерживаются. Чуть приоткрыв дверь в комнату старшего сына, папа подзывает Алену:

— Смотри.

Она заглядывает и видит, как брат, сидящий за учебниками, ритмично бьется головой о стол и время от времени — неритмично — бьет себя учебниками по голове. Один раз он перестал это делать, схватил ручку и стал изо всех сил ковырять во рту.

— Молодец, — удовлетворенно сказал отец. — Вот так, доченька. Пора тебе приниматься за дело. Садись за свои уроки, — он отвел Алену за ее стол. — Вот так, садись, открывай тетрадку, пиши. А как сделаешь ошибку — ошибки часто получаются, доченька, — дергай себя за волосы. Вначале не сильно, потом привыкнешь, втянешься.

— А ты что будешь делать, папа? — осмелела Алена.

— Пойду пить горькую. Горше не бывает!

Алена склонилась над тетрадкой и стала выводить:

“Привет участникам забега!”

(Сразу же повзрослев дважды: когда поставила букву “т” в слове “участникам” и когда ее вычеркнула).

В ДОМЕ МОЕМ ПОСЕЛИЛСЯ ТРУТИК. (С-14, стр. 79)
ХОРОНЯТ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ. (С-13, стр. 78)

И—12. ЭТУ ДЕРЕВНЮ ОСНОВАЛИ ОДИНОКИЕ ЖЕНЩИНЫ С ДЕТЬМИ.

Потом все они нашли себе мужей.

В одной семье, уж совершенно непонятным способом, сохранился отец. То ли он пришел вместе с женщинами, то ли случайно попал на прежнее место. Так тоже бывает.

“ОТЕЦ И СЫН” — так называется сказка.

Сын был вожакom всех уличных пацанов деревни. Им уже было по 15, но они все еще гоцали по улицам, играли и забавлялись. Отчимы хмурили лбы, но матери берегли детство детей пуще собственного. Отец тоже до поры молчал, но однажды его прорвало.

— Отец позвал меня к себе, слышь, пацаны, и говорит: скоро придет время, когда ты станешь совершенно свободен и будешь нас кормить.

— Ничего себе!

— А я не хочу никого кормить.

— И я!

— Я лучше сбегу!

— Точно! Сбежим!

— Давайте сегодня! В лес!

— Тише, — сказал вожак. — Сбежать надо серьезно. Надо подготовить припасы и оружие, если мы не хотим на третий день вернуться. Кто со мной?

И мальчишки принялись за дело. Они тайком сушили фрукты, солили рыбу, натаскивали в кладовые орехи и каштаны, готовили луки. Между тем дела в деревне шли хуже. Изобилия в ней не было никогда; теперь стало не хватать еды и топлива. Мог начаться голод.

— Отец опять сказал мне сегодня: теперь еще ближе время, когда ты будешь нас кормить.

— Кажется, нас всех скоро припадут.

— Да, это точно.

— Бежим!

— Сегодня ночью.

И мальчишки бежали, ночью, через поле в лес, и дальше, при свете луны, вначале по тропам, а потом напролом. Они шли без остановок пять дней, и первая поляна у ручья, где они устроили привал, стала их постоянным лагерем. Там они выкопали землянки, кладовые. Они стали охотиться на зверей, и охота давала им достаточно еды. Через месяц они научились ловить рыбу. Из диких яблок они научились готовить какую-то брагу с жутким запахом, но они ее пили и пьянели. На трехмесячную годовщину своего побега они устроили праздник, обожрались оленьим мясом и напились своей брагой. Под утро их вождь, никем не замеченный, ушел из лагеря бродить по лесу.

Все было классно! Он сам не ожидал, что все так сложится. Он стал вождем настоящего народа, теперь можно было делать что угодно. Можно двинуться дальше веселой ордой и двигаться на юг или на север. Можно захватить деревню... или выкрасть оттуда девушек. Какую деревню? Ну не свою же.

Он принялся палкой сбивать сучки, а потом изломал ее на мелкие кусочки. Да уж, не свою! В своей и брать, поди, нечего. Там голод. Может быть, и нет, а может, да. Жалко родителей. А особенно ту девчонку — блин, ее глаза просто стояли перед ним. Что, если она голодает? Что? Что? ЧТО?

А ничего. Надо сходить и посмотреть. Пробраться незамеченным. И принести им жратвы.

С этой ночи он стал тайком собирать сушеное мясо. Своим ребятам он сказал, что сходит на разведку и вернется. На разведку — так на разведку.

Через две недели он вышел, взял спрятанный в лесу мешок с мясом и рыбой и двинулся к своей деревне.

Конечно, он сразу сбился с пути. Кто мог помнить, где они шли с ребятами, они ведь не шли, а бежали, да еще стараясь запутать следы. Он сбился с пути в первый же день. На третий пошел затяжной дождь.

Плохо еще было то, что он поклялся себе не притрагиваться к еде, собранной в мешке. Та еда, которую ему дали с собой ребята, кончилась на пятый день. Надо было греться, он много ел.

Дождь шел в аккурат пять дней, а он шел тогда уже шестой, каждый день начиная свои расчеты и поиски дорог заново. Когда

кончилась еда, он день ничего не ел. Когда кончился дождь, он угодил в болото, так что и в этот день высохнуть не удалось. На болоте, правда, он нашел немного ягод.

На седьмой день он долго не мог встать и, стыдясь самого себя, вытащил из мешка рыбу и съел. Затем он пошел и через полчаса вышел на знакомую дорогу. Он оглядел себя и рассмеялся. Ничего более грязного и поцарапанного нельзя было и представить. Но ноги сами несли его вперед.

Он подошел к деревне в полдень. Издалека она выглядела так же, но подойдя, он увидел несколько заколоченных домов. Сердце забилося дико, он только и думал: голод, голод. Забыв, что он хотел прятаться, он пошел прямо к дому. По дороге чуточку отлегло: дома и сады были живые, но печать голода была очень явственной — или ему так казалось. Он подошел к дому. Он вошел в дверь. Его семья сидела за столом, но на столе почти ничего не было. Мать кинулась к нему, но он, быстро обняв ее, сразу стал развязывать мешок.

— Вот, — сказал он, — я принес.

— Хорошо, — сказал отец, — ты пришел к обеду. Сходи в погреб и принеси все из правого дальнего угла.

Не смея прекословить, он пошел в погреб. Погреб был почти пуст. В дальнем правом углу стоял ящик; он сдвинул крышку и поразился: там лежала еда, хорошая еда. Он взял все, что там было, и потащил наверх. Принеся ее в дом, он еще раз огляделся: нет, здесь точно был голод, ни гирлянд грибов, ни фруктов, ни рыбы — ничего. Он положил еду на стол.

— Отец, — спросил он, — откуда это?

Отец ответил:

— Мы ждали тебя.

ОДНАЖДЫ ЖЕНА МАТТИДА ДОЖА БАЭРА УКАЧИЖАЛА

ГОЛОДНОГО РЕБЕНКА... (И-10, стр. 88)

К ИЗВЕСТНОМУ СВОЕЙ СТРОГОСТЬЮ МАСТЕРУ... (И-15, стр. 94)

И-13. У ИНДИЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ УМЕР ЕДИНСТВЕННЫЙ СЫН. Она помешалась от горя: носила его на руках, считая больным, и просила всех вокруг его вылечить. Никакие уговоры и объяснения не помогали, она никому не верила. Наконец кто-то из односельчан посоветовал ей обратиться к некоему странствующему монаху Будде, который со своими последователями остано-

вился тогда недалеко от их деревни. Она пошла туда, нашла Будду и бросилась перед ним на колени, умоляя вылечить ребенка. Будда посмотрел на мальчика, всё понял и сказал ей:

— Хорошо, я вылечу твоего ребенка, но ты должна помочь мне.

Она запричитала:

— Всё, что угодно!

И тогда Будда сказал:

— Для того чтобы приготовить микстуру, мне нужно, чтобы ты принесла горчичное зернышко, взятое из дома, где никто не умирал.

Она бросилась в деревню, вбежала в первый попавшийся дом и закричала:

— Будда согласился вылечить моего сына!

— Очень хорошо, — сказали хозяева.

— Он сделает снадобье, и для него мне нужно принести горчичное зернышко.

— Пожалуйста, — сказали ей. — Конечно, возьми сколько хочешь.

И когда ей принесли полную пригоршню горчицы, она вдруг вспомнила об условии и спросила:

— А у вас в доме кто-нибудь умирал?

— Да, конечно, — ответили хозяева, — в позапрошлом году дед, три года назад...

Но она уже не слушала, она помчалась в следующий дом. Потом в следующий... Когда она обежала всю деревню, она поняла. Она вернулась к Будде, взяла своего ребенка, похоронила его и присоединилась к последователям Гаутамы. По легенде, она стала основательницей первой группы буддистских монахинь.

СКАЗКА: ДЕВОЧКА И ЗМЕЙ. (К-47, стр. 64)

И—14. “ГЛАВНОЕ, Я СОВЕРШЕННО НЕ ПОМНЮ, КАК ВСЁ ЭТО НАЧАЛОСЬ. Шла группа, я сидела как-то в стороне, смеялась, смотрела, встревала, но это как-то проходило почти незаметно... И тут вдруг я оказалась на стуле, уже не в первый, конечно, раз, и он меня спрашивает:

— На что жалуетесь?

А у меня такое игривое настроение, помню, что голова пустая, дай, думаю, подыграю; говорю:

— Да так, ничего особенного. Окружающие достали.

А тут же сидит парень, который полвечера в предыдущий день ко мне клеился, так достал, невероятно, главное, всё норовил потрогать. И я говорю:

— Окружающие достали, — а сама про него думаю. Как-то так.

Он говорит:

— Так, значит, окружающие достали. Все?

— Да, в общем, все.

— И как они тебя достали?

— Как-как — руками! Всё время трогают.

— А тебе это не нравится...

— А мне это не нравится.

— То есть они тебе не нужны, ты их хочешь послать на фиг, а они всё время трогают...

— Да.

— Ай-ай-ай, — говорит он, — и вот сейчас опять...

А я чувствую, что меня куда-то не туда занесло, но ведь всё верно, и я отвечаю:

— И вот сейчас опять.

— Да, — говорит он, — всё ясно. Динамо, и даже, наверное, второй степени.

А я сижу и не могу вспомнить, что это такое. Я точно помню, что это термин из книги Берна, какая-то игра, но какая — хоть убей. А он вдруг говорит:

— Знаешь что, ты уходи отсюда. Давай-давай, уходи. Ты же всё равно работать не будешь. Тут полно людей, которые хотят работать, а ты не хочешь — ну и уходи.

И тут у меня — полный ступор. Я чувствую, что сцена ужасная, что надо, наверное, встать и уйти, и он мне показывает рукой на дверь, а я физически не могу сдвинуться с места. У меня как будто задница к стулу приросла, я просто это физически ощутила. Он говорит: “Уходи”, а я глупо улыбаюсь и не могу сдвинуться с места.

Вот это было самое главное. Потом я, конечно, разревелась, потом мы еще говорили, но то, что я тогда пережила, — это по сей день со мной. Я никогда не перестану быть за это благодарной”.

СТРЕМЛЕНИЕМ К БЕССМЕРТИЮ... (к-30, стр. 54)

И—15. К ИЗВЕСТНОМУ СВОЕЙ СТРОГОСТЬЮ МАСТЕРУ Дзэн пришел, в числе прочих, молодой монах с юга страны. Вечером мастер вручил ему для медитации рукописный отрывок из

“Алмазной сутры”. Не взглянув на буквы, молодой монах разорвал свиток и бросил обрывки к ногам мастера.

— Будда — это не Путь, — сказал он.

— А что есть Путь? — спросил мастер.

— Пол под моими ногами.

— Что ждет тебя на этом Пути? — спросил учитель, перехватив поудобнее палку.

— Удар, — не моргнув глазом, ответил монах.

— Удар еще надо заслужить, — сказал мастер и, опираясь на палку, вышел.

**ВТОРОЙ АКТ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ:
ВОЙНА. (К-6, стр. 39)**

И—16. УЧЕНИК ПРИШЕЛ к своему учителю со словами:

— Когда я медитирую, я чувствую себя совершенно отвратительно. Я постоянно отвлекаюсь. У меня жутко болят ноги. И еще я время от времени проваливаюсь в сон. Это ужасно!

— Это пройдет, — спокойно ответил учитель.

Через неделю ученик пришел опять.

— Моя медитация — чистое счастье! Я чувствую себя настолько живым, таким спокойным! Это прекрасно!

— Это пройдет, — спокойно ответил учитель.

МЕЗОЗОЙСКАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ. (И-27, стр. 105)

И—17. Грустная история о роли личности лошади в истории

Некий мудрец, посвятивший всю свою жизнь изучению сокровеннейших книг, достиг окончательного просветления. В это мгновение он вписал в свой трактат фразу “Ибо всё есть Дух, и нет ничего, кроме Духа” — и от избытка внутреннего света выбежал на улицу. А надо сказать, что за последние годы он на улицу почти не выходил, и в комнате у него было довольно темно, а дело происходило в полдень на юге. Так что как только он выбежал, яркое солнце ослепило его. Ничего не видя, он бросился по улице и, конечно, на кого-то налетел, и его обозвали как-то грязно и по-местному матерно. И он, не привыкший слышать ничего, кроме святых слов

о Глубочайшем, оглох. И вот он бросился дальше, ничего не видя и не слыша, и через какое-то время попал под лошадь.

И почувствовав твердость копыт, он понял, что это было не окончательное просветление.

Но еще долго потом, в самые радостные минуты жизни, он вспоминал это состояние, так похожее на блаженство: бежать по улице и быть слепым и глухим. И ему казалось, что если бы он добежал, жизнь его и его поколения изменилась бы к лучшему. Если бы не лошадь...

УЧЕНИК ПРИШЕЛ... (И—16, стр. 95)

ПЕРВЫЙ СОН (С—1, стр. 72)

И—18. Первый день группы: набросок

Решили как-то десять мудрецов собраться неизвестно для чего (хотя несколько из них — или даже все — думали, что причина им известна), и также решили они, что на эту встречу каждый из них принесет чайник вина, чтобы сварить глинтвейн, подогревающий искренность и мудрость.

Перед встречей каждый стал собираться.

Один из мудрецов подумал: “Ай, какие мы хорошие люди! Ай, сколько будет глинтвейна! Общее дело — великое дело!” — и то ли по растерянности, то ли еще почему-то наполнил свой чайник водой.

Другой решил: “Люди мы уже пожилые, так и упиться недолго. Чтобы сохранить ясным свой ум и ум своих друзей, разбавлю-ка я немного наш напиток”. И наполнил свой чайник водой.

Третий был большим эстетом и выпендрежником. Он пошел на рынок и долго искал самый красивый чайник. В конце концов, он купил один из самых дорогих чайников на рынке. Ай-ай-ай! — после этого обнаружилось, что у него совершенно не осталось денег! И ему пришлось наполнить свой чайник водой. Не подсолнечным же маслом!

Четвертый... Чтобы сделать рассказ короче, скажем просто, что и все остальные семь мудрецов — от четвертого, который был очень нервный, до десятого, который был просто жадный, — наполнили свои чайники водой.

И вот они собрались на долгожданную встречу... И горел камин, и чайники были слиты в единый котел, и когда нагревали котел, и из него поднимался пар, все они принюхивались и восхищенно двигали носами. И вот один из них разлил приготовленный напиток по чашкам...

Я слышал подобные истории раньше, но их всегда обрывали на самом интересном месте. Дескать, пригубили они и увидели, что вода. Конечно, пригубили и увидели — нет, не увидели, у них были темные пиалы, а вот именно нутро их проняло, — что это чистая вода, несколько скрашенная специями и что там еще добавляют в глнтвейн. Но! Никто из них не встал и не вышел! Кто-то из них, возможно, усмехнулся, кто-то опечалился, но на то они и были мудрецы, что сидели там всю ночь напролет и пили приготовленный напиток.

НЕ ДАВАЙ МНЕ ТЕБЯ ОБМАНУТЬ... (М-11, стр. 70)
ВЕЛИЧАЙШИМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ОТКРЫТИЕМ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА... (К-20, стр. 47)
СУМОЧКА С НЕЖНОЙ КОЖЕЙ. (D-8, стр. 25)

И—19. Второй день группы: набросок

Девочка сидела дома. Чудовище разгуливало по улице.

— Слава Богу, я заперла дверь и спрятала ключ. (Так думала девочка). Теперь чудовище не сможет до меня добраться.

Она вышла на балкон, чтобы убедиться в своей высоте.

Чудовище разгуливало по улице.

— Слава Богу, я спрятала ключ, — думала девочка. — Теперь я не открою дверь и не выйду навстречу чудовищу.

Тут она вспомнила, куда спрятала ключ.

Черная сумочка со связкой ключей полетела с балкона.

— Слава Богу, я выбросила этот ужасный ключ. Спасибо тебе, Боженька.

По лестнице раздались шаги. Это чудовище шло отпирать дверь выброшенным ключом.

Вначале оно зашло к подруге девочки, там был такой ключ, на связке.

Подруга сидела на черной тахте, вся в черном.

— Я ждало тебя, — сказала она чудовищу и протянула ему на встречу руки.

Чудовище попятилось.

— Я, кажется, ошиблось дверью, — сказала оно. — Нет ли у тебя сладкого молока?

— Сволочь! Мерзавец! — раздался крик на улице.

Подруга и чудище подбежали к окну. Это кричала толстенная тетка, лежавшая в пыли перед маленьким “Запорожцем”. В “Запорожце” сидел ее бледный сын и жал на педаль сцепления.

Сцепления не происходило.

Подруга схватила чудовище за руку.

— Давай будем лучше их! — закричала она. — Давай станем на чью-нибудь сторону и всех победим! Бежим!

И они побежали вниз, в приоткрытую дверь их увидела девочка и рванулась за ними. Все вместе они схватили тетку за талию и сдвинули с дороги. “Запорожец” рванулся и мигом вылетел со двора.

Потом мигом влетел обратно, и бледный молодой человек стал орать сквозь лобовое стекло:

— Уйдите все! С дороги! Я раздавлю, хоть вы кто! Я возвращаюсь в нормальную жизнь! Мне никто не нужен! Мне я сам не нужен! Да здравствует свобода!

И никто на этом не остановился.

Чудовище снял очки и сказал:

— Меня зовут Сеня, или можно Семен Петрович. Моя фамилия Новгородский. Я зоотехник по образованию, живу в этом доме, в первом подъезде, соседнем с девочками. Я абсолютно обыкновенное существо, разведенный мужчина, я выпиваю, зарабатываю халтурой, по утрам люблю свою лысину в зеркале. Упаси меня Боже сделать что-нибудь не то.

И ушел, помахав всем рукой подчеркнуто искренне.

Девочка сказала:

— Мне, в общем, тоже больше всех не надо. Я учусь на швею-мотористку, зарабатываю косметикой.

Она замялась.

— Я люблю сладкое молоко с конфетами. Мне нравится Олег Меньшиков и Богдан Титомир. Всё, отстаньте от меня!

— Я массажистка, спортсменка, любовница крупного бизнесмена, я занимаюсь гравюрой, макраме, учу французский и увлекаюсь каратэ. Мне не хватает жизни в этом ...ном городе! Звоните когда хотите!

Это сказала подруга. И ушла.

— А это мой сыночек, Олег Добронравов, — сказала толстая тетка. — Он, между прочим, тоже закончил школу с медалью. Он хотел учиться на космонавта, но не прошел по близорукости. Он очень славный, вы не думайте. Сейчас, конечно, возраст у него трудный. На машине вот хочет научиться. А я всё боюсь за него. Материнское сердце...

И когда они ушли, остался только пыльный двор с засосами солнца там, где не было тени.

СОН ЮНОГО ГОРОЖАНИНА. (С-16, стр. 80)
РАЗГОВОР С МАМОЙ. (D-10, стр. 28)

И—20. После группы: набросок

После участия в группе Саши Гранкина Марина М. начала вести дневник. В основном она записывала туда сны, которые теперь стали сниться ей каждую ночь. Во снах она гуляла по потрясающим местам, и она аккуратно и очень красиво их описывала: леса, луга, озера, лебеди и т.д. В этих снах ее часто сопровождал мужчина, из числа древних и новых знакомых, каждый раз другой. Кто-то из ее ночных спутников рассказывал ей про эти места, кто-то читал стихи, с кем-то она занималась любовью. Всё это она описывала в новом своем дневнике.

Ее муж (она была замужем около десяти лет) примерно через месяц после группы залез к ней в сумочку и прочитал дневник. У него и раньше были (вполне беспричинные) припадки ревности; тут он закатил жуткий скандал, избив Марину до “Скорой помощи”. Когда это повторилось во второй раз, она схватила сумку, запахнула в нее несколько вещей и ушла из дома.

Я не знаю, было ли это днем или ночью. Знаю только, что, побродив по улицам или сразу направившись к цели, она пришла к дому своего психотерапевта, Гранкина Александра Борисовича. Посомневавшись или нет, нажала кнопку звонка. И когда он открыл, сказала: “Саша, можно, я поживу у тебя, пока не сниму квартиру?”

Через неделю к ней присоединился ее девятилетний сын.

Я заходил туда примерно через месяц. Марина с сыном все еще жили там, и надо отдать ей должное, в вечном бардаке этой кварти-

ры она навела вполне сносный порядок, вечный вялотекущий ремонт был локализован, в холодильнике была не тухлая еда. Саша стыдливо переживал, что Фрейд бы так не поступил.

Еще через месяц Марина сняла квартиру, развелась. Ей по-прежнему снятся те же потрясающие сны.

ЪЕЛИЧАЙШИМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ОТКРЫТИЕМ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА... (К-20, стр. 47)

И—21. Художник, философ и обезьяна

Философ высмеивал людскую глупость. Обезьяна жила в джунглях. Художник был привлечен к иллюстрированию работ философа и нарисовал глупую обезьяну, которая ловила в реке отражение луны. Философу очень понравилась картина, и он заказал с нее репродукцию, которую повесил у себя в спальне.

Ночью обезьяна проснулась на ветке дерева. Прямо над ней сияла огромная, совершенно круглая луна. Она долго не засыпала и смотрела на нее.

В ту же ночь философ проснулся в своей постели. В полутьме спальни выделялся круг луны на картине. Он долго не спал, рассматривая эту луну — отражение отражения.

ЪТОРОЙ СОН (Ъ ПУСТЫНЕ) (С-2, стр. 72)
МОДЕЛЬ ПРОСТА. ЕСЛИ СНЯТЬ С ЧЕЛОВЕКА ОДЕЖДУ...
(К-19, стр. 47)
СОН О ТЕНИАЛЬНОМ ПСИХОТЕРАПЕЪТЕ (С-5, стр. 74)

И—22. УЧЕНИКИ БААЛ ШЕМА ОДНАЖДЫ услышали, что некто имеет репутацию весьма ученого человека. Кое-кто из них захотел пойти к нему и посмотреть, чему он может научить. Наставник позволил им пойти, но прежде они его спросили: “А как мы узнаем, истинный ли он цадик?”

Баал Шем ответил так: “Попросите его дать вам совет о том, что следует делать, чтобы во время молитвы и учения вас не тревожили нечистые помыслы. Если он даст вам совет, то вы поймете, что он не принадлежит к великим учителям. Ибо таково служение человека в этом мире до самого его смертного часа — всё время бо-

роться с чуждыми помыслами и всё время возвышать себя и уподобляться природе Божественного Имени”.

ОДНАЖДЫ УТРОМ ПОСЛЕ БЕСЕДЫ... (И—8, стр. 88)

И—23. Колодец и маятник

Две и три человеческие жизни — ничто для странствующего монаха. Он разрывает грудью заросли колючего кустарника, он пьет реки и повторяет молитвы вслед за шепотом деревьев. Счастье идущему! Он открыл основной закон — закон маятника. Он знает, что грусть уравнивает радость, как маятник отходит на равные расстояния от беспечной и пустой середины. Маятник летит, перенося внимание со зла на добро и дальше.

Самая радостная для него мысль — о неминуемой смерти.

И вот представьте себе, как он сидит ночью у костра и помещивает ложкой будущий суп. В какой-то момент из кустов выскальзывает лисица и садится обок.

— Ты весь — комок нервов, — говорит она ему. — Расслабься.

— Что же тогда будет с миром? — спрашивает он.

Лиса начинает смеяться, всё ее тело кольшется — или это огонь меняет позу.

— Милый человек, — говорит она, — не на тебе держится мир.

— А на ком? — спрашивает он. Он хочет показать заинтересованность, а не тревогу.

— Мир держится на маятнике...

Он кивает: это давно известно.

— ...и колодце, — заканчивает лисица.

Монах хмурит брови, тщетно пытаясь высечь искру понимания.

— Что такое колодец? — спрашивает он.

— Это нечто, чего почти не существует, — отвечает лиса. — Это нечто, чего нет на карте. Его можно заметить, только если ты очень близко.

— Ты знаешь, я тебя не понимаю, — говорит монах и встает. — Пока мы говорили, наступило утро. Давай поклонимся восходящему солнцу и продолжим нашу беседу в живой реальности. Я буду божеством маятника. Попробуй быть тем таинственным колодцем.

— Хорошо, — лисица скользит по поляне. — Начинай.

— Я великий маятник, — возвещает монах, надув щеки и набычив шею. — Я раскалываю мир на противоположности.

— Ну, твори же свой мир, — торопит его лисица.

— Здесь будет суша, а здесь — океан, — размечает монах взмахами рук. — Горы здесь, а там — впадины. Здесь прольются великие дожди, а вот тут будет полная сушь и пустыня.

— Минуточку, — впрыгивает лиса. — И идущие по пустыне умрут от жажды?

— Да, — разводит руками монах, — если колебания маятника достигнут такого размаха...

— Тогда смотри: я стою в середине пустыни. Я беру лопату, это просто палка с железным набалдашником. Я сгребаю песок. Утрамбовываю стенки. Я копаю вглубь... Этого не запрещает маятник?

— Нет.

— Я копаю вглубь. Вокруг меня пустыня. Но — смотри, монах! — там есть вода. Ее нет вокруг, ее нет на карте, но идущий здесь путник напьется и пойдет дальше. Мы очень маленькие, и вся наша жизнь может пройти, пока маятник летит в одну сторону... Подойди, напейся.

И монах, бродяга и неудачник, долго и жадно пьет. Глаза лисы скакают, как капли этой удивительной воды...

ОДИН ХАСИД ЛЮБЛИНСКОГО РАББИ... (и-5, стр. 86)

И—24. ЦЗУЙ-ЕНЬ, ДУМАЯ, ЧТО ОН УЖЕ достиг чего-то в Дзэн, совсем молодым монахом оставил монастырь Цзы-Мина и отправился странствовать по Китаю. Когда через много лет он снова посетил монастырь, его старый учитель спросил:

— Скажи мне, в чем суть учения буддизма?

Цзуй-Ень ответил:

— Если облако не висит над горой, свет луны бороздит воды озера.

Цзы-Мин гневно взглянул на своего бывшего ученика:

— Ты постарел. Твои волосы поседели, твои зубы поредели, а у тебя все еще такое представление о Дзэн. Как можешь ты избежать рождения и смерти?

Слезы потекли по лицу Цзуй-Еня, и он низко склонил голову. Через несколько минут он спросил:

— Скажи мне, в чем суть буддизма?

— Если облако не висит над горой, — ответил Учитель, — свет луны бороздит воды озера.

Прежде чем Цзы-Мин закончил говорить, Цзуй-Ень стал просветленным.

*САМОЕ СТРАШНОЕ – ЭТО ПРАВИЛЬНЫЕ СЛОВА. (М–14, стр. 71)
ЕСТЬ ПРОСВЕТЛЕНИЯ, ПОХОЖИЕ... (К–36, стр. 58)*

И–25. ПОСЛЕ СМЕРТИ МАГГИД ЯВИЛСЯ К СВОЕМУ СЫНУ, рабби Аврааму и, напомнив ему о заповеди чтить родителей, повелел ему оставить уединенную жизнь. Авраам ответил:

— Я не признаю отца во плоти. Я признаю только милостивого Отца всего живого.

— Но ты получил наследство при условии, что будешь почитать меня как отца и после моей смерти, — сказал маггид.

— Я отказываюсь от этого наследства, — ответил рабби Авраам.

В тот же момент на дом снизошел огонь, спаливший несколько незначительных вещей, которые маггид оставил в наследство сыну, — и ничего более.

Вскоре после этого шурин рабби Авраама подарил ему пекеше, сделанное из белого шелка, чтобы он одевал его по большим праздникам. Был как раз канун Йом-Кипура, и Авраам принял подарок, который был знаком признательности его отцу. Но в синагоге, где горели все огни, рабби Авраам, облаченный в подаренное праздничное одеяние, нечаянно задел один из светильников. Одежды вспыхнули. Рабби немедленно скинул их. Долго смотрел рабби Авраам, как они превращаются в пепел. Он понимал, что происходит.

*ОТЕЦ и СЫН (И–12, стр. 90)
ИДЕЯ ПРОТРЕССА... (К–44, стр. 63)*

И–26. САППА, ЖЕНА РАББИ МЕНАХЕМА из Берштадта, будучи беременной, заболела странной болезнью почек, и никто не мог ее вылечить. “Тогда я подумала: не от нутра ли идет эта болезнь, не шепчет ли она мне что-то, что мне необходимо. И я решила: я слишком запутала свою жизнь ненужной ложью. Тогда я встала с кровати и пошла ко всем, кого я любила, и сказала им об этом, и приблизилась к ним. А потом я пошла ко всем, кого не любила, и

сказала им об этом, и отдалилась от них. А когда я вернулась, чтобы снова лечь, это оказалось не нужно, болезнь исчезла”.

Родившийся у Сарры сын Рафаэль с детских лет обожал молитву “Бог прям”, и не было чище его человека.

КОЛОДЕЦ и МАЯТНИК (и-23, с. 101)

И—27. Мезозойская психиатрическая

Жил-был бронтозавр, который очень не хотел быть археодонтом, а хотел быть бронтозавром и страшно переживал по этому поводу.

Под подушкой он прятал фотографии бронтозавров, а об археодонтах и думать не хотел.

Конечно, дело кончилось психиатрической лечебницей.

Главным доктором в ней был бронтозавр, который на самом деле был археодонтом, но это тщательнейшим образом скрывал.

Он очень заинтересовался новым больным, стал за ним ухаживать и наблюдать.

— А что хорошего в археодонтах? — спрашивал он больного.

— Да я имени их слышать не хочу! — волновался бронтозавр. — Я никогда, никогда не стану археодонтом!

— А попробуйте себе представить, что вы всё же стали археодонтом... Ну, просто так, вот, скажем, вы проснулись утром и вдруг обнаружили, что вы — археодонт.

— Я не археодонт!!! — и дальше обычно начиналась истерика, после которой бронтозавр несколько дней лежал в кровати, смотрел из окна и почти ничего не ел. Тогда археодонт, который притворялся бронтозавром, чувствовал себя виноватым, ставил ему термометр десять раз в день и спрашивал, как тот себя чувствует.

— Я чувствую растерянность в завтрашнем дне, — жаловался бронтозавр.

— Это очень хорошо, — заверял его врач, — это адекватно отражает ваше экзистенциальное состояние. Проще говоря, в этом фуфловом мире каждый честный бронтозавр должен мучиться и чувствовать себя всё фуфловее и фуфловее.

— Вы так думаете? — успокаивался больной.

— Так думает наука!

Много раз прокрутилось солнце вокруг земли, пока бронтозавр лежал в больнице. Очень они подружились с доктором. Выпивали вместе, а как же. Оба к старости становились всё сентиментальнее. Бывало, выпьют рюмку, один скажет: “Вспомним мезозой!” — и плачет. Тогда другой говорит: “Вспомним криптозой!” — и тоже плачет.

А то, бывало, лягут на солнце пузами вверх, и вообще забудут, какая эра и кто они такие.

Вот так однажды они расслабились, и когда вернулись в больницу, главврача засекали на археодонтстве. После обличающего скандала его уволили из больницы без выходного пособия. Весь персонал и все пациенты пели хором: “Мы БЭ! — бронтозавры!”

Наш бронтозавр выбрался из больницы через окно. Он догнал доктора на дороге и пошел вместе с ним. Через день он вернулся и получил одним пайком всю свою бронтозаврскую пенсию. И тогда уже они вместе, поедая ее, отправились в страну археодонтов. Придя туда, они увидели, что это — так себе страна, зато там бывший доктор смог получить пенсию за все свои года, прожитые у бронтозавров. Они пожили там, но странны и чудны им были археодонты, и они всё чаще “вспоминали мезозой” и плакали. У бронтозавра — все же старого пациента психиатрической клиники — случались приступы депрессии, и он донимал своего друга вопросами: “Так кто же мы?” И однажды тот ему, сам не зная почему, ответил:

— Мы с тобою — совершенно отдельный вид. Или два совершенно отдельных вида. Таких, как мы, больше в мире нет. Сейчас нет, а потом появятся.

— Но у нас с тобой нет детей.

— А такой вид, как у нас, передается совершенно другим способом. Экзистенциально.

Бронтозавр успокоился, но на всякий случай спросил:

— Ты так думаешь?

— Так думает наука!

Они жили долго и счастливо и вымерли в один день.

БОЛТАЮТ ДЖА МАЛЫША... (D-11, стр. 31)

И—28. Как я зауважал свою подругу (Рассказ Саши Гранкина)

Мы с моей подружкой Галей были в гостях у знакомой, психолога, которая работала с детьми, чьи родители были лишены родительских прав. Понятно, вполне страшное место. И вот она долго-долго рассказывала нам об этих детях, жутко печально, даже, я бы сказал, торжественно-печально. Когда она рассказывала про мальчика, с которым тогда работала (его в детстве насиловали и всякое такое), мы с Галей в какой-то момент переглянулись, а потом я повернулся к этой психологине и говорю: “Слушай, а ты можешь хоть раз улыбнуться, пока обо всем этом говоришь?” Она сжала губы и сказала, что нет, никогда, это слишком для нее серьезно. И тогда мы с Галкой, не глядя друг на друга, одновременно расхохотались.

ИНТЕРВЬЮ С САШЕЙ ГРАНКИНЫМ Э КОРОТКИЙ ПЕРИОД
УЗЛЕЧЕНИЯ ДЗЭН-БУДДИЗМОМ. (D-16, стр. 33)

И—29. Дерево с отклонениями (Рассказ Саши Гранкина)

Я тестировал тогда детей в какой-то школе... Они там рисовали дом, семью, дерево, еще какую-то белиберду, а я делал умные научные диагностические выводы. Ну вот, рисует мне один мальчик дерево, у которого ветки отходят от ствола очень странным образом. Эдак вот так вот, ну, скажем, наподобие скрипичного ключа. Очень странно. Я никогда такого раньше не видел. Открываю я руководство к тесту, смотрю все возможные конфигурации — нет такой. Я не поленился и даже ходил к своему преподавателю, который давал нам в институте диагностику, показал ему — по нулям, он тоже такого не видел. Сказал, что странно это, что мальчик, возможно, с отклонениями, и надо за ним дополнительно наблюдать.

И вот через три дня иду я в эту школу через городской парк, где ходил всю жизнь, вдруг поднимаю голову — и вижу точно такое дерево, и ветки отходят от ствола наподобие скрипичного ключа.

ХУДОЖНИК ФИЛОСОФ и ОБЕЗЬЯНА. (И-21, стр. 100)

И—30. О глубине взаимопонимания (Рассказ Саши Гранкина)

В любимом городе N проводил я как-то семинар, посвященный всё тому же самоосознаванию. В последний день у одной участницы, женщины средних лет, был день рождения. Я дарю ей свою книгу, она просит подписать. Сижу, думаю. Вдруг она говорит: “А знаете, напишите мне, пожалуйста, ту фразу, которую мы вчера хором повторяли. Такая замечательная фраза”. Я сижу и не могу вспомнить — что-то мы правда вчера декламировали, а вот что? Она говорит: “Подождите, она у меня где-то записана”. Роется в бумагах. Я сижу тихо, я вообще тогда работал до звонка, а потом слегка умирал. Потом она восклицает “Ага!” — и показывает мне листик, а на нем написано: “Нас во все времена кто-то вел”.

Тут уж я, конечно, вспомнил. Вчера у меня — с другой участницей — была долгая и утомительная битва. Совсем не хотел человек за себя думать. Ну, и я ей: “По чьим же заветам вы живете?” А она: “Неважно, по чьим”. Я: “Вот как?” И тогда она: “Так было всегда. Нас во все времена кто-то вел”.

Я просто обрадовался такой фразе (выдала! всё же уже убеждение, а не болтовня) и попросил: “Давайте мы сейчас все несколько раз повторим это хором”. Автор фразы отказалась ее повторять, еще кто-то сжал губы, но, в общем, худо-бедно, мы несколько раз, и я громче всех, продекламировали: “Нас во все времена кто-то вел. Нас во все времена кто-то вел...”

Вот такая замечательная фраза, она протягивает мне ручку и просит надписать — совсем серьезно, а не в шутку. Я смотрю на нее и вижу утес, для которого жалкие птицы иронии не значат ничего. Они могут кричать над ним, биться о него грудью или вить в нем гнезда — утес неколебим.

Я взял свою книгу и вывел на титульном листе “замечательную фразу”. Только — совсем как здесь — заключил ее в кавычки. От себя самого. И подписался.

КРАТКИЙ КУРС РАБСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПИТМОТЕРАПИИ.

(м-б, стр. 68)

И—31. Красавицы и милиционер

Однажды милиционер Карл Иванович Поппер, стоя утром на балконе в ожидании утренней гимнастики, заметил на другом балконе двух девиц вида отчаянно наглого. Зачесался у него даже правый бок (к стрельбе). Девушки громоздили на своем балконе какие-то плакаты и лозунги, вроде декораций.

Карл Иванович задумался. Кому могут предназначаться надписи на таком этаже? “Прилетай, пернатый друг”? Однако было лето. Стоило разобраться. К.И. закрыл глаза от предвкушения и гаркнул:

— Девушки, добрый день! Чем это вы там занимаетесь?

На том балконе зашушукались.

— Прилетел, пернатый друг!

— А я говорила, надо было раньше!

— Не отвечай!

— Да пошел он!

— Он же мент, не связывайся!

— Мне теперь на них...

И одна, сложив ладошки рупором (а на самом деле балконы были довольно близко), закричала:

— Смерть ментам! Да здравствует Цой!

К.И. открыл глаза и присмотрелся. Девушкам от роду, надо полагать, было не больше пятнадцати. Не исключалось также четырнадцать, двенадцать и десять.

— Слышь, мент драный! — не успокаивалась девушка. — Сегодня Витин день рождения!

— Ты хоть Цоя знаешь? — заорала другая.

Поппер кивнул. Не очень он пока соображал. Напоминало ему все это пока надпись в своем туалете:

*Глупость
хлынула
водопадом.*

— С днем рождения, — вежливо сказал он.

— Он родился в десять утра! — сказала одна.

— Без пяти десять! — подхватила другая.

— А вас как зовут? — машинально спросил К.И.

— Алена! Света! — закричали они.

— Кто есть кто? Которая Алена?
— Беленькая!
— А я — черненькая!
— Вот и познакомились, — Карл Иванович, видно, уже совсем успокоился. — Как праздник будем отмечать?
— А вас как зовут?
— Ах, да. Карл Иванович.
— Мы, Карл Иванович, сейчас будем прыгать с балкона.
— Без пяти десять!
— Без пяти десять.
— Так, — сказал К.И., — ты и ты.
Обе кивнули, а Света еще заорала: “Да здравствует Цой!”
— Просто прыгать? На асфальт?
Опять обе закивали в восторге от самих себя, а Алена (беленькая) запела:

*Пожелай мне удачи в бою,
Пожелай мне-э— удачи!*

— Слушайте, девочки, — дослушав куплет и чувствуя себя бесконечно тупым, сказал Карл Иванович, — у меня предложение. Вы сейчас приходите ко мне, я тут один, жены нет, мы открываем бутылку шампанского, даем салют из пистолета и отмечаем день рожденья как положено. Принято?

— Дули, — сказала Алена, которая была постарше. — Мы решили прыгать! Нас теперь не остановишь.

Света молча показала фигу.

— А почему прыгать?

— Витя умер!

— Теперь жить подло!

“Жить и раньше было подло”. (Это Карл Иванович подумал). И еще он подумал: “Круты, девчонки. Он умер — мы с балкона”. И еще он вспомнил: “Когда умер Высоцкий, я ж так с наряда и не отпросился на похороны. А уж смыться — этого у меня и в голове не было”. Дальше молчать было неприлично. Он сказал:

— Что у вас на плакатах-то написано? Отсюда не видно.

— Цой, мы с тобой!

— Группа крови на рукаве!

— Мы с тобой одной крови! Витя жив!

— Девчонки, вы мне нравитесь, — наконец сказал Поппер то, что обдумывал. — Глупо просить вас брать меня с собой, я ж вашего Цоя не слушал. Мне что Цой, что три яйца на боку у коровы. Не обижайтесь. Но мне ваша мысль понравилась. Или нет, не мысль... А чувства ваши.

— Хотите с нами? — не поверила Алена.

— Сдурел, — как в гипнозе, подтвердила Света.

— А чего нет? — обиделся Поппер.

— У вас же...

— Что у меня?

— Семья, дети...

— Ничего умнее не смогли придумать? — поинтересовался Поппер. — А у вас?

— У меня предки — жопа, — сказала беленькая и приставила ладонь к горлу.

— У меня все — пидоры недоделанные, — вздохнула черненькая. — Что предки, что братец...

— Молодцы... Ну, красота... Так вас, значит, только Цой и манит?

— Цой — великий, — сказала Света. — И добрый...

— Значит, так, — решил Поппер, только он еще не знал, что он решил. — Вы не только сами запутались, вы и меня запутали. Представьте, что на нас сейчас смотрят тысячи две народу и быются об заклад: прыгнут, не прыгнут. А с другой стороны на нас смотрит Цой. Если, конечно, он жив...

— Он жив!

— А что ж вы тогда хотите сдохнуть? Если он жив?

Это была сложная логическая задача. Поймать разницу между символом и реальностью не удавалось и более светлым головам.

— Я пошла! — тогда сказала Света, встала на перила и — прыгнула.

— Теперь у ее родителей, — зло сказал Карл Иванович, — будет песня на всю оставшуюся жизнь.

— Какая? — вскинулась Алена.

— Группа крови на рукаве... У вас там плакатика “Посвящается любимым родителям” нет?

— Нет...

— Зря. Вы же для них стараетесь.

— Почему?

— А почему вам, дурам, в лес не убежать со своим Цоем? Ну? Почему? Почему вам надо им всем под носом свои разбитые тела демонстрировать? Это же подарок — на Восьмое Марта!

— Почему подарок? Я ничего не понимаю! Почему подарок?

Карл Иванович не очень понимал, почему это подарок. Но твердо знал, что он прав. Внезапно он вспомнил про Свету; защемило. “Беленькая!” “Черненькая!” Он повернулся уходить с балкона, уже открыл дверь, а потом вдруг развернулся и сказал:

— Одно я тебе обещаю, голуба. Если ты сейчас кинешься, то я сам помогу твоим родителям организовать в твоей комнате музей памяти Цоя. Они у тебя Цоя ненавидели?

Алена кивнула.

— Теперь полюбят. Я тебе обещаю. Целыми днями будут слушать. И учителей из школы приглашать. Ты их всех подружишь. Мертвый панк — хороший панк. Ты ведь панк?

Она помотала головой: “Нет”.

— А черт вас разберет, в кого вы играетесь. Ладно. Это они. А сам я — это я тебе тоже обещаю — приду на твою могилу и... И...

— Что? — она обомлела от ужаса.

— И лично вобью в нее осиновый кол. И дерьмом обмажу. Попанковски. Поняла?

— Да.

— Ну, всё. Либо приходи сегодня вечером чай пить. Сто тридцать седьмая квартира. Пока.

— До свиданья.

Это она уже почти прошептала, но он услышал.

Дверь захлопнулась.

Алена опустилась на пол и плакала до обеда.

ЗА КАЖДЫМ ПОСТУПКОМ СТОИТ СТРАДАНИЕ. (М-4, стр. 67)

И—32. Проклятый доктор Земмельвейс

“Любезная маменька, меня достали Ваши письма, они забили мусорную корзинку, и вчера мне пришлось ее вынести.

Баста! Завтра я уезжаю из Петербурга, кидаю его на хрен, и даже своей истории мне здесь не оставляется. Ути-пути, любимый го-

род. Моя история изображается, запечатывается и отправляется — Вам, любезная маменька.

Как мне хочется рассказать Вам все! — как вырыдаться на плече детским бездарным секретом. Странно: за те два года, что мы не виделись, это — полный рецидив. Ну, и Вы просите про деда — да, я буду и про него, но и про себя, ладно?

(“Рассказывай мне поменьше”, — просила меня моя мама.)

Когда Вы уехали в Бостон, я лежал в полном отпаде — нагло-тался какой-то дряни — но Вы ведь и не стремились попрощаться. Дед был дик и прекрасен в своем гневе; когда я приплелся к нему, поцеловав замок на твоей двери, он кричал: “Она родилась не в конюшне!” Я поинтересовался, и он мне вытряс: “Она укутила мстить своему дураку первому с дураком пятнадцатым!” Будучи сам формой подобной мести, я за тебя не обиделся, от деда откатился и, выйдя на улицу, депреснулся надолго.

(Как хочется пить! Но я домотаю, пока хватит злости.)

Через месяц от деда пришло письмо, он звал меня переехать к нему. Ха! я ответил! там было и “не премину” и “тяжкие жизненные обстоятельства”; я чуть не подписался “Ваш покойный внук”. Тогда уже вышли деньги на квартиру, и я ясным бомжем прокатился по городу. К зиме я стал на якорь в очень приличном доме, и его юная хозяйка и привела меня к деду. Мы с ней залетели, и денег на аборт не было ни у кого. Когда их стал предлагать ее прошлый мальчик, я сделал гонор и сказал: “Мой дед — директор родильного дома”. “Тогда ты или идиот, или падлю”, — выразилась моя крошка.

Я пришел к деду к ужину, он прожег меня взглядом на мою жизнь как на кучу мусора и вообще оторвался крепко — это еще до просьбы. Когда я все же объяснился, он улетел в высоты самого пошлого сарказма. Я сцепил зубы (с чувством, что под столом) и сказал ему: “Дед, давай сделаем это, и я к тебе перееду”. Перепад на “ты” сбил его в пыль еженощных забот. Он сказал: “Володя, я в тебя верю как в избавление от родильной горячки”. Я тогда не понял юмора. Мы договорились, что в качестве оплаты я разрисую его клинику богами и ангелочками.

Я это сделал за неделю. И всю эту неделю мою девочку не выпускали из клиники. Пока росли и лопались все сроки домашнего вранья, дед хвалил меня за ангелочка у входа, а попочка, с которой этот ангелочек писался, вся покрылась дрянными кровоподтеками. Через неделю я сдох и перестал верить. Я пришел к нему в

кабинет и спросил вкрутую: “Дед, что с ней?” А он сказал: горячка, заражение крови.

Блядь, я пошел в подвал его клиники и бил стекло и склянки, а потом туда пришел он, наорал на меня и отвел домой. Так я впервые ночевал в его доме. Следующие дни меня к ней не пускали, я сидел и читал все про родильную горячку, что мог найти у деда. В промежутках я разглядывал свои порезки на руках (тогда их было две), тупо и романтично, вдох-выдох.

Все было быстро: она не умирала, а я прочел Земмельвейса. К этому времени я уже знал, что хороший процент отсева рожениц в клиниках — одна десятая. А в яркие годы там тухла каждая третья. Мы говорили об этом с дедом. Он взял меня в морг на вскрытие. Я представлял там ее или тебя и ничего не слышал, кроме ударов собственного сердца.

Да, так я прочел Земмельвейса. Он писал, что роженицы заражаются трупным ядом, который приносят из моргов обследующие их врачи. Все, что он предлагал делать — это мыть всем руки хлорной водой. Я спросил об этом деда. Дед сказал, что Земмельвейс — выскочка и горлопан. Я прикололся своим сходством с Земмельвейсом и послал свои изыскания через неделю, когда моя девочка осталась жива и выписалась из клиники. К ней домой я уже не вернулся.

Мы весело жили. Дед постепенно пристрастился устраивать мне мойки за всех отсутствовавших родителей, бабушек и учителей. Самым мягким разговором было вклеивание в меня “развратник” и “лоботряс”, а разочек в неделю все кончалось хлопаньем дверей. Как-то стихийно Земмельвейс стал козырем моей защиты. Вместо “Чего ты говоришь, если ты даже не спал втроем”, я стал говорить: “Спокуха, чуточку хлорной водички — и все улягутся!” Дед бесился, как дикая собака!

(Главное, я правда не мог тогда понять, чего они ярились и чего задолбали парня (Земмельвейс тогда уже умер в сумасшедшем доме). Ну, помойте вы — я думал — руки хлоркой и сверьтесь через неделю!)

Но мы и сдружились с дедом здорово. Мы просиживали за ужином по четыре часа. Он грузил меня войной 12-го года, а я проповедовал, что лечить надо сексом. Вот с такой вечера все и началось. То есть, конечно, не началось, но я врубился, что происходит. Я расшалился и толкнул нечто вот что: “Дед, стране срочно необходимо сексуальное воспитание детей. Прикинь: я на-

чал трахаться в пятнадцать лет, а что такое клитор, узнал в двадцать! Это сколько ж я перепортил за эти годы! Так я же еще узнал...” И тут дед как взорвался: “Идиот! Грязный полоумный идиот!” Он вскочил из-за стола, двинул по спинке стула и кинулся в кабинет. Я сидел оглоушенный.

Минут через десять дед вышел и сказал: “Володя, прости”. Потом помолчал и выдавил: “Две недели назад я ввел в клинике обработку по Земмельвейсу. За это время умерло три женщины”. “А обычно?” “А обычно двадцать, — сказал дед. — Не сиди так поздно, иди спать”.

Я пошел, но не спал. Я медленно начал врубаться. К концу ночи я напился. Потом лег спать, и я помню сон. Я пригласил деда в оперу, и вот мы идем, залитые светом, в роскошных фраках, раскланиваясь с высшими чинами и их дамами. Вот к нам подходит лакей — Земмельвейс — и предлагает шампанское на подносе. Дед берет бокал и говорит, указывая на меня: “И мадам тоже”. Я удивляюсь, но молчу. Потом начинается опера. В разгаре действия проносится слух, что сейчас должен явиться анархист, чтобы убить герцога. Он является; это Земмельвейс. Он в черном плаще, улыбается презрительно. Все парализованы. Он стреляет, и вдруг падает дед, убитый. Земмельвейс кружится в дикой пляске под музыку оперы.

Теперь-то я знаю, что Земмельвейс просто хотел убить своего деда, или отца, или учителя, и выбрал для этого чувство вины за бедных сгоревших женщин. Он сделал игру слишком крупной и обломался. “Помыть руки хлорной водичкой...” Ха!

Короче, днем я ушел, а вечером пришел уже в кипящий дом. Полицейские говорили, что дед отравился под утро. Еще они говорили, что пузырек с чернилами почти пуст, и значит, дед писал всю ночь, но все, кроме завешания, сжег. Я знаю, что он писал числа, как будто два трупа — это больше, чем один.

Теперь я восстанавливаю в Университете. Коли дед двинулся в мою землю, значит, я пойду в его.

И ты уже знаешь его завешание, мама? Все его состояние пошло на дело Земмельвейса — кроме той тысячи, которую он отписал управлению реальными училищами на развитие курса полового воспитания мальчиков.

Пожалуй, с любовью,
Владимир М.”

Не в силах вынести весь этот кошмар, не поняв и десятой доли, бедная мама разрыдалась (она была не такой смелой, как представлял ее сын), а потом нашарила очки, пудреницу, зонтик и отправилась к Эмме-Элизабет, за полчаса до начала вечера домашнего чтения. Собираться у Эммы-Элизабет, супруги главного врача городской больницы, и вязать под чтение любовных романов было сущим удовольствием для высшего света бостонских дам. Хотя Володина мама и не принадлежала к высшему свету Бостона (ее муж, бывший капитан гвардии, немного плотничал и много пил), ее приглашала на вечера сама хозяйка, уехавшая из России 40 лет тому назад. Она была, в сущности, ближайшей подружкой и единственной, способной прочесть письмо, написанное по-русски.

Сделав это дважды, Эмма-Элизабет сказала:

— Боже мой. Какой кошмар. Бедный мальчик. И бедный... ваш папа. Извините меня, я на секундочку.

Она вышла из гостиной, прошла по галерее и постучалась в кабинет мужа.

— Оливер, можно? Скажи, ты помнишь, еще до нашей свадьбы, когда ты приходил ко мне на свидания, твои руки чем-то пахли? И я еще говорила, чтобы ты целовал меня, держа руки за спиной? Что это было?

— Aqua chlorina, хлорная вода, — ответил он. — Мы постоянно мыли ею руки, а в родильном отделении даже натирались хлорным порошком. Потом мы перешли на...

— Понятно, — сказала она. — Извини. Меня ждут.

И направившись обратно по галерее, она только один раз вздрогнула и сказала:

— Дикая моя родина!

Эти красивые слова поплыли по галерее и обернулись бронзовым колечком в сердце. Когда таких колечек становится слишком много, человек умирает.

РАЗТОБОР С МАМОЙ. (D-10, стр. 28)

СОН ПРО ОБЩЕЕ ДЕЛО. (C-19, стр. 82)

И—33. Зубы дракона

Интересно, делала ли она ему минет. Никто бы не спросил: она была великой поэтессой. Если бы спросили его, он бы не знал, что ответить. Он не помнил почти ничего. Когда его интервьюи-

ровали в первый раз, он перепутал ее фамилию и число детей. Кто его упрекнет — это было сорок лет назад.

Она была великой поэтессой. Он об этом не знал. Об этом почти никто тогда не знал. Великая поэтесса — выборная должность; у нее явно не было кворума. Жила в фигурьке-городке, кормила детей, зарабатывала уроками. Муж-чудак, в исторической перспективе сволочь. Он появлялся и исчезал вместе с войной. Всё растянулось на десятилетия: война, любовь, дети, уроки. Менялись стихи.

Он был авантюристом, красавцем, бродягой. Он жил в городе месяц, три недели у них был роман, четыре года она писала ему письма и посвящала стихи всю жизнь. Стихи он читал — тогда, может быть, два или три стихотворения. Он не знал, что она была великой поэтессой, но, кстати, потом вспомнил, что два стихотворения увез и хранил, когда-то перечитывал и сжег, когда вступил в армию. Он был благороден, она умна, у него было таких романов за жизнь штук тридцать, у нее — один. Он забыл ее, когда отправился на войну, забыл бы и на гражданке. Она писала ему почти каждый день. Ни до, ни после, ни во время романа она не отдала ему и не отослала ни единого письма.

Конечно, интересно, кому она их писала. Первое письмо было написано, когда они еще не были представлены. Она писала их гениально, как всё остальное, потом заворачивала и складывала в тайничок. Вышла пара здоровых пачек. Он воевал в двух войнах, в перерыве сидел в концлагере. Она умерла в эвакуации через пятнадцать лет. Письма лежали в картонной коробке. Еще десять лет к ним никто не притронулся.

После войны ее стихи стали расходиться, и она стала великой поэтессой, что она всегда знала, тогда подтвердилось. Он уехал на другой континент, там разбогател, был женат два раза. Через тридцать лет после их романа у нее появились биографы, они склоняли его имя нещадно, потом его разыскали. Он ничего не помнил: да, была такая, ну и что? Слава его не взволновала. Так продолжалось до аукциона, на котором распродался ее архив.

Распродажа архива — это празднество, тотемное пиршество. Ее слава еще не зашкаливала, цены были вполне пристойными. Он приехал инкогнито и купил картонную коробку писем. Причем большой вопрос, знал он, что это за письма или нет. Их никто не

публиковал, там шныряли специалисты. Также интересно, любила ли она жареный лук, или какая была погода в день их знакомства. Эта история вращается вокруг прекрасных слов великой поэтессы, где ни разу не упоминается ни минет, ни лук, ни погода. Их как бы не стало.

Итак, он прочитал письма, написанные для него сорок лет назад. Очень красивый поворот, но в его жизни было много красивых поворотов. Тогда же, в околотитературном салоне, он познакомился с шикарной актрисой, восходящей звездой. Ей едва исполнилось двадцать, ему было шестьдесят пять. Шансов было мало, но он был верным служителем любви и не пугался заборов. Он стал писать ей письма. Как-то вышло, видимо, не нарочно, что в ход пошли слова из купленных писем. Звезда отвечала; мало исправленные фразы переливались из картонной коробки в конверты и будоражили сердце молодой девы. Завязался роман, совсем не скандальный, она переехала к нему. Легко предположить, что актриса боготворила поэтессу, и он — единственный ее любовник... и так далее. Роман длился чуть меньше года.

Всё больше времени он стал отдавать тем письмам и воспоминаниям. В этой коробке он нашел что-то, чего у него не было всю жизнь. Конечно, ее стиль завораживал тогда полстраны. Любовница до писем не допускалась. Он стал бывать с ними больше, чем с ней. Потом стал отвечать на них.

Письма поэтессы не отличались фактологической стороной, но он стал вовсе гнать чушь. Плохо, что он перенес эти дела в свои интервью. Он начал выдавать такие исторические подробности, что газетчики вначале слетелись, а потом подняли его на смех. Актриса ушла, он стал печатать совсем фантастические мемуары. В его воспоминаниях они отправились из городка на океанский остров. Общество возмутилось, он озлобился. Прочитав какое-то разоблачение своих воспоминаний, он выбросился из окна. На столе он оставил картонную коробку писем, написав на ней: “Адресат выбыл”.

Так письма достигли своей цели.

СТРАХ ПЕРЕД ЖЕНЩИНОЙ – СТРАХ ПЕРЕД ДУМОЙ.

(К-27, стр. 52)

И—34. Вечная история о сэре Эйнштейне и его друге сэре Чарльзе Дарвине, рассказанная им самим

1

21 июня 1995 года сэр Альберт Эйнштейн отвозил своего друга Чарльза Дарвина для помещения его в закрытую психиатрическую клинику в одном из отдаленных уголков Швейцарии. Решение об этом, принятое семьей сэра Чарльза, закрытым ученым советом Университета и консилиумом врачей, было известно уже кому угодно, но не бедняге Дарвину. Эйнштейн, поехавший с ним как бы на прогулку, должен был сообщить об этом по дороге.

Дорога шла по предгорьям Альп, всё выше и выше.

Машину вел шофер.

2

Дарвина, понятно, это не волновало. Труднее понять Эйнштейна. Но его тоже можно понять. Его волновало, где там Дарвин, что там с ним, как ему об этом сказать, время, шофер, все эти бумаги, которые он вез, выписки, справки, счет, записка Одного Другому... Да, а Дарвина это всё не волновало и не могло никаким боком волновать. Потому что он смеялся.

Он смеялся, глядя в окно. Его легче понять, чем Эйнштейна, который его не понимал. То есть бедняга Дарвин смеялся, ему было хорошо, а бедняге Эйнштейну было непонятно, почему хорошо бедняге Дарвину.

3

У Эйнштейна, конечно, был мобильный телефон, и ему по нему всё время звонили. Откуда ему звонили? Ну... из родового поместья. Да, ему всё время звонили из родового поместья. И он всё время думал, как же ему сообщить Дарвину, куда его везут.

Конечно, гораздо труднее понять Эйнштейна — сейчас мне, — чем Дарвина, но всё же его, как и всякое существо в мире, можно понять. У него, конечно, обязательно телефон в кармане. У него

был телефон, и ему всегда могли позвонить по этому телефону. Это был мобильный телефон потому что. И по этому телефону ему всё время звонили. То есть всегда могли позвонить. Он всё время ожидал этих звонков. Но пока их не было. И... он всё время из-за этого волновался. А пейзаж его совсем не волновал. Нет, пейзажем он ни капельки не интересовался. А там горы были, конечно, такие красивые, и луга, и простые такие барашки с овечками там летали, и дорога вилась, и дорога текла, и дорога разбежалась во все стороны, и дождь шел одновременно с солнцем и со снегом, но Эйнштейну это было всё равно.

4

И вот дон Эйнштейн осмелился заговорить. Он не мог осмелиться на это уже год... нет, три года... нет, 35 лет, боже мой, он не мог осмелиться заговорить... или, наоборот, он всё это время говорил, а мы с Дарвином этого не замечали? О, вот это интересно. Но как бы то ни было, он сказал ему: “Чарльз, ты, наверное, помнишь...” Предположим, он обратился к какому-нибудь давнему воспоминанию. Ну, скажем, они вместе учились в колледже... В колледже... Да, это называется колледж. И там была, скажем, такая толстуха, и они там касались друг друга, и хватались, и что-то там было такое смешное и неприличное, у Эйнштейна с ней... А Дарвин здесь при чем? А Дарвин ее тоже знал... А, они выставили беднягу Дарвина из комнаты, чтобы этим заниматься. И Эйнштейн об этом вспомнил. И когда он об этом вспомнил в 50-й раз, потому что он, конечно, проверял себя, раз проверил, два проверил, так ли я сказал, то ли я пока еще не сказал, да и не скажу... Такой был человек. Такой был человек. Суровый жрец общественных наук потому что. И вот этот жрец говорит:

— Всемиловейший Чарльз! Не благоволите ли припомнить, как с фройляйн Гретхен были знакомы?

5

Конечно, Эйнштейна в нормальном состоянии интересуют только общественные отношения. Об этом совершенно неинтересно и нелепо думать сейчас. Почему? Ведь это же так интересно, они объединяются, не верят друг другу, такие милые, такие дурашли-

вые, такие хорошие, такие трогательные. У них какие-то правила... И вот у него такой мобильный телефон, да, как такой пенис торчит из кармана. Вот один у него в трусах, один торчит из кармана, и еще у него есть авторучка, — она тоже торчит, и еще носки ботинок, они тоже торчат. Это сэр Эйнштейн, у него многое торчит, он такой человек. Такие люди бывают, это трудно понять, но такие люди бывают. И вот один из таких людей сейчас сидел с сэром Чарльзом... Сидел с сэром Чарльзом... Почему он сидел?.. Потому что это происходило в машине. Предположим, в это время его качало на лапах облако, но он этого не видел. Этого не происходило для него. В это трудно поверить, но этого для него не происходило, и наша задача — понять, что же думает сэр Эйнштейн. А влезать в это ужасно не хочется. Ну, до смешного не хочется думать, о чем же думал сэр Эйнштейн. Сэрэнштейн. Сэрэн Штейн. А кажется, что надо. Это как бы ему кажется, что надо. Ему надо — он и влезает. А он не может влезть, правильно? Сэр Эйнштейн не может понять, что с ним происходит. Естественно. Поэтому он везет сэра Чарльза. Бедняга. Ну, бедняга, не бедняга, жалеть его не надо. А что надо? Пожурить... Его пожурить... Это судить, что ли? Нет, судить тоже не надо, он и так всё время себя судит, бедный. Как нам трудно понять сэра Эйнштейна! А ведь хочется. Вот он сидит рядом, этот сэр Эйнштейн, и говорит, обращаясь к нам... Ну, предположим, он говорит:

6

— Дарвин, помнишь ли ты, скажем, Гретхен?

Ну, конечно, помню, едрена вошь, конечно, помню Гретхен. А он нам говорит:

— Чарльз, я встречал ее недавно...

Ну, хорошо, ну, он встречал ее недавно, отлично. И что? Ну, ничего, ну, он так говорит. Он к нам же обращается, и он же что-то хочет сказать. И вот он говорит... Он говорит...

Ну, не совсем же он мудака! И как не совсем мудака, он спрашивает:

— Чарльз, ты знаешь, куда мы едем?

Так же проще. Но он может оказаться совсем мудаком. Но пусть он не будет мудаком в эту возвышенную минуту, и он спрашивает:

— Чарльз, ты знаешь, куда мы едем?

“Ну да, знаю”, — ответит сэр Чарльз Дарвин. А он скажет: “Мы едем в сумасшедший дом”. “Да, я знаю, мы едем в сумасшедший дом”. А он скажет: “Тебя там будут бить. Ты это знаешь?” И я скажу: “Черт, бить — это не совсем приятно”. Я пробую себя ущипнуть, мне трудно воспринять боль. Ну да, я допускаю, было время, когда мне было больно, и я верил, что мне было больно. Ну да, боль есть, боль есть, меня будут бить, и значит, мне будет больно. И Эйнштейн говорит: “Да, да”. И я говорю: “Ну да, я понимаю, это нужно ради Родины-матери, ради общества, и в Университете согласны, и уже всё подписали”. Его это немножко удивляет, он говорит: “Как, ты уже всё знаешь?” И я говорю: “Да, я, конечно, уже всё знаю”. А он говорит: “А откуда?” А интересно, я сам могу ответить на этот вопрос? Нет. Но как-то знаю.

Надо ехать быстрее. И мы едем. Машина идет в гору. И Эйнштейн говорит: “Чарльз, черт возьми, почему это тебя как бы не кольшет?” А я говорю: “Ну как бы тебе это объяснить? Это как бы вопрос о превращении тебя в меня”. Интересно, он поймет это или нет, Эйнштейн? Нет, он этого не понимает. Он говорит: “Чарльз, ну ты же понимаешь, общество, университет — это всё херня. Я правда так думаю, в смысле — я не слепой исполнитель. Я тоже был за то, чтобы тебя отвезти”. А что скажет Дарвин? А Дарвин скажет: “Да, конечно, я это понимаю. Я понимаю, что ты так думаешь. И я ничем не могу тебе помочь... в этом трудном процессе думания. Ты думаешь, что меня надо упечь в этот, как его, сумасшедший дом, где меня будут бить. Ногами?” Эйнштейн скажет: “Ну, да, ногами, там, колют всякое. Те люди, которые внизу, они не хотят об этом думать”. Я скажу: “Ладно, хули, ну, я их понимаю, они не хотят об этом думать”.

Трудно представить себе сэра Эйнштейна. Впрочем, очень легко. Вот он сидит такой и говорит: “Мне очень жаль, что так случилось”. Что ему может ответить Дарвин? Дарвин ему может ответить: “Ну, Алик, ну, ты, в общем... Ну что ж, если тебе правда

жаль... Ну, хорошо. А мне нет”. А Эйнштейн скажет: “Вот именно. Я тебя понимаю сейчас, а ты меня нет, я тебе сочувствую, а ты мне нет”. А Дарвин ему скажет: “Да, да... Почему же, я же о тебе думаю. Значит, тоже сочувствую. Я думаю о тебе, я сочувствую тебе. Конечно. Тебе же потом возвращаться, с этим вот телефоном еще... Ой, бедный! Ежкин кот!... Ежкин кот!... Это тебе туда возвращаться?! О-о, бедный! И разговаривать с моей женой — о-о-о! Какой кошмар! И подписывать опять эти бумаги — ё-моё! Зачем тебе всё это?” А Эйнштейн скажет: “Это долг. Это обязанность. То, чего ты никогда не мог понять”. И Дарвин скажет: “Да, я никогда не мог понять, зачем это нужно. Поэтому мне надо жить в теплой стране, мне надо, чтоб меня кормили. Меня там будут кормить?” — “Да, да, — скажет Эйнштейн, — да! Кормить там будут хорошо”. — “А там тепло внутри?” — “Да, тепло”.

А Дарвин скажет: “Ну, ты не грусти. Ты только не грусти. Хотя действительно жаль... тебя... Тебе хорошо — ну, в этом пиджаке и с мобильным телефоном?” А Эйнштейн скажет: “Да, Чарльз, мне хорошо, я отлично себя чувствую. Я еду... Мне с тобой хорошо... И природа — все эти горы... Они мне напоминают Гретхен — со всеми ее выпуклостями...”

Тут зазвонит мобильный телефон, и Эйнштейну скажут... какой-нибудь идиотизм ему скажут. Он его не будет слушать. Он скажет: “Да, сэр” — и повесит трубку. Это мой Эйнштейн так скажет, потому что это мой Эйнштейн. Другой Эйнштейн по-другому бы сказал. Да. Но в машине его нет. В машине есть Дарвин, есть Эйнштейн, есть шофер, который ведет машину. Он мне очень нравится. Он хороший.

10

Духу надо обслуживать тело. Духу — надо — обслуживать — тело... В смысле, наоборот? Нет, именно так. А телу надо обслуживать дух. Приходится ему, бедному, приходится. А оно не хочет. А что же телу еще делать, бедному, хорошему такому? Это же тело, ну, как Эйнштейн, такое плотное, хорошее, из материи какой-то такой, клетчатой там, волосатой. Оно тоже хорошее. Магнитофон, книга — это всё материя. Над этим смешно думать Дарвину. Но Эйнштейну приходится. Потому что он — тело. Конечно, он — тело. А Дарвин — дух. И кому кого приходится обслуживать? Телу приходится обслуживать дух. Но духу приходится

обслуживать тело. Вот это удивительно. Он не взлетает. Он в него помещен. Он рядом с ним помещен. Он может входить и выходить — как Дарвин из машины.

11

И он говорит, Дарвин: “Альберт! Можно мне выйти из машины?” А Эйнштейн вначале испугается. Ну, он же всё время боится. Ё-моё, бедный! Значит, он думает и не знает, чего больше пугаться: того, что тот раньше времени начнет сопротивляться и тра-та-та, или... В общем, он говорит: “Конечно, выйди на лужок, погуляй”.

И Дарвин говорит: “Спасибо”, выходит из машины и взлетает. Ну, он так летит, оно ему не надо. То есть он выходит и писает. Что ему еще делать — вне машины? Он писает, потому что он дух, существующий вместе с телом, и телу же что-то нужно делать, да? Ну, вот, и он его писает... Он же не описывает машину? Нет, но если к нему подходит Эйнштейн, описывает ли он его? Да, он его описывает. Точно, Дарвин описывает Эйнштейна.

Смешно.

А Эйнштейну неприятно, ему мокро, бедный, он же тело, и ему мокро. И к тому же, он же делает различие между разными мочами. Он писает одной мочой, и она ему дорога и близка, а это — чужая моча Дарвина, которая на него попала, и ему, конечно, неприятно. “Вот видишь, — говорит он, — ты, наверное, понимаешь, да, за что страдаешь?” Они идут в машину. А Дарвин отвечает — ну да, что ему еще остается делать — он, конечно, отвечает Эйнштейну, он же его любит: “За то, что я описал твои штаны, и тебе теперь мокро и неприятно? И там волосы еще на ногах всякие... И тебе даже говорить об этом неприятно?” Эйнштейн говорит: “Да, мне и говорить об этом неприятно”.

12

Вот как это происходит. Этот диалог постоянно свершается на наших глазах, а что делать, он всегда вокруг нас. Конечно, Эйнштейну неприятно. Дарвин ему отвечает: “Ну да, я понимаю, за это меня будут бить”. А Эйнштейн, злой, наверняка, раздраженный, говорит: “Да, за это тебя будут бить”. И конечно, Дарвину от этого грустно опять становится. Он говорит: “Я ведь могу и не

описывать твои штаны дурацкие. Вот смотри: я с тобой работал столько лет в Университете и ни разу не описал твоих брюк! Хотя у меня были возможности: мы ходили вместе в туалет, и я мог же написать тебе на брюки — мог, но я этого не сделал. И даже — в колледже — я одевал твои брюки, мог же я и описать? — мог, но я этого не сделал. И в такой форме тоже не сделал, видишь? А могли я, например, представляясь тобой, читая лекции твоим студентам, описать твои брюки, то есть выглаженность твоей репутации? Мог. И описывал. А, я понял: я описывал твои брюки”.

А Эйнштейн скажет: о нет, на это я как раз не сержусь. И начнет, конечно, опять свою галиматью нести, что он не сердится, и что дело несколько не в студентах, хотя коню понятно, что он обижался. В общем, он начнет открещиваться опять от своих чувств — зачем ему так это надо? Это ведь тоже интересно Дарвину, и он его спрашивает: “Слушай, а зачем ты открещиваешься от своих чувств? Это ты только передо мной или и перед собой?” А Эйнштейн скажет: “И перед собой, конечно, тоже”.

13

Машина ехала, мотор не подводил. Шофер сидел и делал так: у-у-у, тр-р-р, ж-ж-ж-ж, ту-ту-у-у! Одной рукой он вертел баранку, а второй рукой курил, делал вид, что курил, а на самом деле он трогал себя за пипиську. И трогая себя за пипиську, шофер думал... Шофер ничего не думал — о! Этот третий персонаж ни хрена не думал. Он говорил себе: тр-р-р, ту-ту-у-у! Кто же это такой? Мы его не знаем. Это как бы не аналитический разум. То есть он просто ведет машину, ни о чем не думает. Кто же он, этот шофер? Он этого, конечно, не знает, он просто делает так: ту-ту-у-у! чух-чух! — ну, повороты там всякие, впадины, мотор шумит, и он, как мотор. Да. Он просто мотор. И всё. О нем ничего больше не скажешь. Когда он с женой, он тоже просто гудит: ту-ту! ду-ду! Нет, ну, он ест, конечно, суп, смотрит телевизор. Бедный, телевизор-то он зачем смотрит?

Дарвин и Эйнштейн — вот что важно. Нужно думать о них. Хотя шоферу это было не важно. А Эйнштейну важно, он думал об этом и старался понять с одной стороны, с другой, с третьей, хотя не понимал даже с первой. Во как интересно происходило — конечно, он не понимал даже с первой. Просто у него была справка, и он был к ней приписка. С одной стороны. С этой отвратительной

стороны, с какой Дарвин сейчас понимал, что его будут бить. Ногами. Он попытался себя ущипнуть опять. Это странное дело — себя щипать, представить себе, как чужой сапог входит в твоё тело. Это немножко трудно. Но это тоже можно. Потому что все мы — Эйнштейны. Дарвин попытался себе это представить и увидел красивый сапог, красиво входящий в красивое тело. Тогда он попытался себе представить ужасный сапог, жуткий такой сапог, такой грязный!.. Но он всё время видел свет, совершенно точно и безошибочно, он был духом, и он не понимал. А Эйнштейн был телом, и он не понимал. И общество было обществом, и оно, уж конечно, ни фиги не понимало. Кто же мог понять? Справка о душевной болезни Дарвина была справкой; кто же мог понять? Кто мог увидеть это и задуматься об этом? Кто мог сказать, что вот я это вижу? Только Бог, и никто другой. Может быть, как бы читатель? Но нет, он — Эйнштейн. Это трудно понять — как сапог входит в тело. Когда ты — дух, когда ты везде разлит, и любая картина тебе представима, кроме вот такой, скучной. Почему же с Эйнштейном так скучно? Почему же можно задуматься обо всем в мире, о камнях, о бабочках, а об Эйнштейне скучно? То есть Дарвин, что ли, боится думать об Эйнштейне? Разве он не тело? Нет, он обслуживает тело. Он обслуживает одно тело, другое тело, женщин, когда они просят: “Войди в меня” — и он входит, или там к нему подходит кто-нибудь и говорит: “Расскажи мне...” — и он тогда рассказывает. Ну, в смысле, у нас есть всякие глушилки. Глушилок очень много. Эйнштейн о них знает. Он об этом никогда не думал. А ему казалось, что думал. Едрена вошь! Как трудно с Эйнштейном нам. Он очень запутанный. Он насмерть запутанный. Может быть, это только так кажется Дарвину, что Эйнштейн запутанный? Ведь это так просто быть телом и испытывать боль. В это нужно очень твердо верить, что ты — тело, жестко и абсолютно верить, что ты тело, и что когда в тебя входит сапог, тебе больно, больно, больно! Если перестать над этим смеяться... то может ли Дарвин это понять? Нет, он понять этого не может, и поэтому его везут в сумасшедший дом. Потому что он дух. Духу не место среди тела. Конечно, дух мешает телу жить. Конечно! Он выкидывает там всякое, а телу этого не нужно. Хотя ведь Эйнштейну по мобильному телефону всё равно звонит шеф, он выкидывает там всякое, шеф-то дурной. Конечно, шеф дурной, у него всякие свои вспышки — ну, раздражения там, еще чего-то, и он успокаивает раздражение, набирая костяшками номер, и влезает, как сапог,

вонзает этот звонок в тело Эйнштейну. Ведь у него же в теле торчит этот мобильный телефон, ну, ему кажется, что в кармашке, но он же и есть этот кармашек, он же не может взять и снять пиджак! Ему кажется, что он может снять пиджак, а тогда мы его спросим: “А ты можешь снять рубашку?” — и он скажет: “В принципе, да, но не хочу”. Другими словами, рубашку он не снимет, поэтому он и является этим пиджаком. Зачем он так? Потому что он — тело. Тело не верит, что если снять пиджак, останется тепло. Так верит тело южных стран, а Эйнштейн — из северной страны. И когда в него вонзаются, как сапоги, эти звонки его шефа, то что он может сказать ему? Он ничего не может сказать, он зажат в этой ситуации. Шеф ему что-то говорит, и спрашивает, где они, и тот спрашивает у шофера, а шоферу по фигу, но он отвечает, что осталось 20 километров... 30 километров... и Эйнштейн говорит, что да, они уже совсем рядом. Дорога прошла, и ничего не сказано. Эйнштейновский шеф почему-то волнуется. И волнуется сам Эйнштейн. Это тело волнуется о душе. А душа, которую оно везет в эту клинику, она волнуется ведь о теле, и Дарвина очень беспокоит... Он говорит: “Альберт, ну хочешь, пойдём погуляем?” И тот говорит: “Нет, нельзя гулять”. Тогда Дарвин говорит: “Ну хочешь, я разденусь для тебя?” А Эйнштейн говорит: “Нет”. И Дарвин говорит: “Ну хочешь, когда мы приедем, мы останемся там вместе, в одной палате?” И Эйнштейн — нет, конечно, он говорит: “Нет, Чарльз, я вернусь в город и буду там, в своей палате”. Ему кажется, что он так шутит, хотя это, конечно, правда, естественно, он там, в палате, у него там очень жесткие законы. Ну, телу же должно быть тепло. Тело хочет тепла, пищи и питья; этот мобильный телефон тоже зачем-то нужен, который торчит из него, с которым он чаще, конечно, общается, чем со своей пиписькой. Это странно Дарвину — ну, пипиську он понимает, а вот мобильный телефон ему трудно понять.

14

Но, так или иначе, они подъезжают к больнице. Это тело привезло свою душу на место ссылки. Вот они подъезжают к воротам, шофер затормозил — ему нравится тормозить, он так делает губами: г-т-кх! — и Эйнштейн вышел, открыл дверцу перед Чарльзом и сказал: “Чарльз... Милый, ведь я же очень хочу, чтобы ты вернулся!” Это было как обращение ко времени, да? Вернулся куда?

Вернулся в тот городок внизу? Ну, он вернется, конечно, тогда начинается вопрос: каким? Он там будет, он всегда там; в смысле — его помнят, его видят, он разговаривает — это как бы во снах, но они занимают очень много времени. Он есть, он там, он дух, но тело этого духа помещают в закрытую психиатрическую клинику. Эйнштейн плачет — конечно, Эйнштейн плачет. Он говорит: “Чарльз, прости... прощай. Я так хочу, чтобы ты вернулся”. А Чарльз — ему же хочется, чтобы Эйнштейн тоже попал к нему? — хочется, конечно, и он... Но как это объяснить — он не знает. Его скоро будут бить, но пока он стоит перед Эйнштейном, и не знает, как ему это объяснить. Не может же он ему сказать: “Прими грибов”. Потому что ничего принимать не надо, можно же просто знать, кто ты. Перестать играть, и знать, кто ты, и всё. И ты оказываешься сам собой. Это дух говорит телу. Но дух говорит запутанно, потому что ему всё слишком ясно. И он говорит: “Я тоже хочу, чтобы ты приходил ко мне почаще. Я люблю тебя, конечно. Хочешь, я буду тебе письма писать? Хочешь, возьми мою переписку с женой?” А Эйнштейн ее уже читал, в университетском суде, когда были разборки, жена всё отнесла. “Ну, возьми там, книги мои почитай”. А Эйнштейн говорит: “Да, кстати, Чарльз, не вопрос, если тебе нужны будут какие книги, я привезу”. Конечно, это грустно, что ж они, только книгами могут общаться? Ну, и то хорошо, там ведь дорога какая длинная, а ну как авто откажет, или типографии выйдут из строя, или сломается теплоизоляция, и придется топить книгами, и они сгорят? И Дарвину-то это по фигу, а Эйнштейну-то это страшно. Бедный Эйнштейн.

Дарвину больно — нет, сапог не может, а вот расставание может. Он говорит: “Ну, пока”. Он может шутить — нет, в этот момент он не шутит.

15

Подходит врач. Теперь Эйнштейну, чтобы приехать к своей душе, придется садиться на машину, и даже вызывать шофера, и что-то кому-то объяснять. Это сложно — ну, в его обстановке это сложно. Много звонков по его мобильному члену. Но его тянет — конечно, тело тянет к душе. А Дарвин — он ведь будет и в городке, но теперь место, где они смогут сойтись, будет только в клинике. И хорошо, что он там, хоть как-то определились. Понятно, что где. Эйнштейн едет назад со своим мобильным... ну,

понятно. Шофер делает: ту-ту-у-у! — ему же всё равно, дорога идет вниз или вверх. А Дарвина раздевают, укладывают. Ему хорошо. Он дух. И всё. Вся история.

ОСНОВНОЙ ЧЕРТОЙ МОИХ СОЗРЕВАННИКОВ... (К-13, стр. 44)

ДУША СВОБОДНА. (К-34, стр. 56)

КАК БУДТО ДВА ХОЗЯИНА... (К-35, стр. 57)

ЕСЛИ ПЕРЕСТАТЬ СОБИРАТЬ БЛЕСТЯЩИЕ МОНЕТКИ...

(М-12, стр. 71)

И—35. Счастливый конец

1) Стоит Саша в клетке, зубы сжал, губы сжал, и выросло у него сто жал. Жала полифункциональные: одни врагов жалят, другие жалеют. Стали его называть Сашка-Жало, а потом: Сашка-Жалоба. А потом — Сашка-Жлоб. Потому что он был твердый и острый, и никому ничего не давал. А он всё сжимался и сжимался. Твердый стал, уже не просверлить; ущипнуть — и то трудно. Ужался. Жалкое, если присмотреться, зрелище.

2) Взял мальчик Саша шашку, пистолет и гранатомет и стал врагов крушить во все стороны. А они вялые такие, такие призрачные комарики; он их бьет, они разбегаются. Из многих какая-то жидкость течет. Потом Саша то ли собственной шашкой поранился, то ли стукнул его кто-то, только и у него из ранки кровь пошла. Он смотрит — из врагов та же кровь капала. “Ой, — думает, — какие же они дураки, они же тоже живые. Буду на них изнутри смотреть, в крайнем случае — до крови щипать, чтобы помнить”.

3) Стоит Саша в клетке, аж глаза закрыл, никуда смотреть не хочется. Потом вспомнил зюковский способ и быстро тайком нарисовал два глаза на бумажках и слюной прилепил их на закрытые веки. Теперь он сам в себя смотрел, а пустоглазые смотрели ему в нарисованные глаза, и за своего приняла. Обрадовались, выпустили его из клетки, он отошел на безопасное расстояние, а потом глаза открыл, сказал: “Спокойной ночи, кретины!” — и ушел.

4) Пришли наши, освободили Сашу из клетки. Глаза у него уже затуманиваться стали, он их обратно проплакал. Потом он стал

хитрым миссионером среди пустоглазых и пустогрудых, называл их “пустяками”. Потом решил: чего пустяками заниматься?

КУДА УГОДНО.

И—36. Волчонок и Роза

Глупый, толстенький волчонок, который вечно рыскал по лесу, пока мама занималась тем, что папа не велел, однажды набрел на окраину парка. Там было восемь прилизанных грядок, и на них росли цветы, которые были такими смешными, что их можно было назвать гиацинтами, а в сторонке был розовый куст, на котором распустилась роза. Волчонку она приглянулась, он потянулся к ней носом, подошел поближе — и наткнулся на колючку. Это так его возмутило, что он схватил розу зубами, сломал, а потом разжевал и съел.

Ах, как плохо волчатам есть розы! Волки серые, а розы зеленые и красные — краски так не мешаются! Но волчонок убежал домой, а роза оказалась в его желудке, и он был совершенно черный, а в темноте один цвет не отличишь от другого. Роза впилась единственным оставшимся шипом в какое-то место, на ощупь, и застыла, впервые в жизни слушая ток соков другого существа. Постепенно к этим сокам примешался розовый аромат.

В это время волчонку снилась розовая страна, где все были легче пуха и плавали на лодках по реке и, когда хотели, перелетали из одной лодки в другую.

Он проспал завтрак, получил подзатыльник от мамы, побежал на уроки, вернулся весь красный: гоняли белок, сердце стучало как бешеное, а на сердце спала роза, и никто не знал об этом.

Волчонку стали сниться ярко цветущие кактусы в песках, он влюбился и краснел, только увидев кисточки на ушах у малиника, где они встречались, а роза росла и просачивалась тоненькими побегам по его нутру.

На охоте он сбился на запах клевера, любимая ушла к жожаку, и он красными от ярости глазами смотрел, как они гуляют вдвоем, и убежал в степь, чтобы ветер охолодил, но даже когда дождь пронизывал его до косточки, роза впитывала влагу и рассылала невидимые стрелы.

Он подрался с вожакom, потом с друзьями, которые не пошли за ним, когда он отправился разыскивать новую стаю. Он бежал на юг, солнце слепило глаза, пробегал какие-то пустоши, пустыри, поляны и упал только на окраине какого-то сада, где была распахана земля, и розовый куст, уже пронизавший его насквозь, прорвал его шкуру и расцвел, и корни, выпившие сердце, вросли в землю.

конец

ССЫЛКИ И ИСТОЧНИКИ

Некоторые дзэнские истории взяты из “Железной флейты” и “Мумонкана” — откомментированных сборников коанов.

Некоторые хасидские истории взяты из “Хасидских притчей”, записанных Мартином Бубером.

Две сказки придуманы Алешей Пустовойтовым (И—2; И—3).

Одна сказка придумана Виктором Кротовым (И—6).

Два сна (С—12 и С—16) взяты без всякого на то разрешения из форума сновидений “Онейрократия” на Интернетовском сайте:

<http://www.zhurnal.ru/oneirocratia/bibl.htm>

И—13 — классическая буддистская история.

М—11 — стихотворение неизвестного мне автора из Казани.

К—32 — отрывки из письма Мих. Мих. Антоненко.

Отрывок стихотворения в К—3 — Марины Журик.

Эпиграфы к “Актам психотерапевтической драмы” (К—5, К—6, К—7 и К—8) взяты соответственно из М.Цветаевой, Дао-Дэ-Цзин, М.Щербакова и Д.А.Пригова.

Какие-то черты и истории Саши Гранкина списаны с Мих.Мих. Антоненко, Саши Ройтмана, Ани Ржаницыной.

Книга издавалась:

На интернетовском сайте users.lucky.net.co.il/~sokolov с помощью Михаила Вулиха.

На интернетовском сайте www.net.cl.spb.ru/cetera с помощью Алексея Андреева.

В “Таврическом Психиатрическом Журнале” № 4 за 1998 год усилиями главного редактора Николая Викторовича Вербенко и Виктора Павловича Самохвалова (Симферополь).

И, наконец, в Одессе с помощью Светланы Молочинской.

Начато в Одессе (март 1998), закончено в Бейт-Шемеше (июль 1998), а шились разные лоскутки также в Иерусалиме, Петах-Тикве, Москве и Запорожье.

СОДЕРЖАНИЕ

“Дмитрики” в психотерапии. <i>Предисловие Л.М. Кроля</i>	5
От автора	7
Диалоги	9
Комментарии	35
Молитвы, заклинания, стихи	66
Сны	72
Истории	84
Ссылки и источники	134

Соколов Дмитрий Юрьевич
ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО
или Психотерапия в стиле дзэн

Ответственный за выпуск
И.В. Тепикина

Компьютерная верстка
С.М. Пчелинцев

Главный редактор и издатель серии
Л.М. Кроль

Научный консультант серии
Е.Л. Михайлова

Изд. лиц. № 061747
Гигиенический сертификат
№ 77.99.6.953.П.169.1.99. от 19.01.1999 г.
Подписано в печать 05.05.1999 г.
Формат 60×88/16
Усл. печ. л. 9. Уч.-изд. л. 5,4

ISBN 5-86375-111-8 (РФ)

М.: Независимая фирма “Класс”, 1999
103062, Москва, ул. Покровка, д. 31, под. 6.
www.igisp.ru E-mail: igisp@igisp.ru

www.kroll.igisp.ru
Купи книгу “У КРОЛЯ”